Р2
З-47

ПЕРЧ ЗЕЙТУНЦЯН

ЛЕГЕНДА XX ВЕКА

ПЕРЧ ЗЕЙТУНЦЯН

Р2
3-47

ПЕРЧ
ЗЕЙТУНЦЯН

ЛЕГЕНДА XX ВЕКА

1951
1628

БИБЛИОТЕКА
Лисак... средняя
ШК 1628 № 2
Инвентарный

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„АЙАСТАН“
ЕРЕВАН · 1969

Ар2
3—47

Перевод с армянского
Н. ГОНЧАР

Послесловие
С. ГУЛЛАКЯН

В основу этого романа положена легенда, возникшая приблизительно в двадцатом веке.

Согласно этой легенде, люди создали такую сверхмощную бомбу, которая уничтожила в мгновение ока целый город с его многотысячным населением.

Читая эти строки, можно воскликнуть: как хорошо, что ничего такого в действительности не было! Как хорошо, что ничего такого в действительности не могло быть!

7—3—3

Часть первая

Глава 1

В приемной дворца Боб предъявил документы и получил пропуск. И вспомнил вдруг, ни с того ни с сего, может быть, совсем и некстати, свое полное имя и фамилию, которыми ему давно уже не приходилось пользоваться: Клод Изерли. Майор Клод Роберт Изерли. Спрятав пропуск, он направился к двери, с робостью, с благоговением даже, открыл ее и вступил в огромных размеров зал.

В зале этом в углу сидела какая-то старуха и вязала чулок. Их взгляды, ее и Боба, на мгновение встретились, и старуха улыбнулась ему — по-матерински доброй улыбкой.

По обе стороны следующей двери стояли часовые. Когда Боб уже хотел было пройти, они преградили ему дорогу и потребовали пропуск. Боб смутился как-то и тут же предъявил его. Один из часовых тщательнейшим образом проверил пропуск, после чего разрешил пройти.

Боб оказался в другом, таком же огромном зале и увидел здесь двух мальчиков. Оба эти мальчика бегали по залу. Боб постоял, посмотрел на них, но так и не понял, чего ради они бегают. Каждый из них бегал сам по себе.

ни еднного какого-ннбудь направления, ни единой цели в этом их действни не было.

Боб вынул нз кармана пропуск и, уже ие дожидаясь предупреждения, протянул его стражам у следующей двери.

В третьем зале Боба остаиовнл офицер, который с ловкостью прошелся щеткой по его мундиру, потом иатер ему до блеска ботиики, а потом предложил причесаться ииаче. Боб пробовал было возражать, но офнцер был неумолим и настоял на своем. Прнчем оба оии объяснились совершенио молча, мимикой и жестами.

В следующем зале стоял почему-то запах кофе...

Здесь уже Боб почувствовал себя как дома. А это значит, что всякий интерес к. тому, что вокруг, всякое удивление у него пропало. Ни на что больше не обращая виимаиия, ои быстрым шагом миновал все остальные залы, остаиовился перед иевысокой, ничем ие примечательной и не охраняемой никем дверью и осторожно постучал.

— А, Боб!— отозвался чей-то голос.— Входи.

Боб вошел и отвесил иизкий поклон. Перед ним стоял тщедушный и бледиый нмператор — Наполеон Бонапарт. Он шагнул навстречу Бобу, пожал ему руку и сказал:

— Садись.

Боб огляделся нсподтишка и ие увидел в комнате ни одного стула.

— Знаю, тебя, иаверио, провели через тринадцать залов, да?— нахмурился Бонапарт.

— Да, ваше величество.

— Никак ие могу отучить их от этого,— возмутился Бонапарт.— Для чего нм только нужно тысячу раз проверять пропуск! Мие якобы угождают, жизнь мою, виднте ли, обезопасить хотят.

Заложив рукн за спину, он прошелся несколько раз по комнате, потом уселся за свой скромный рабочий стол.

— Итак, значнт, бомбу сбрасываешь ты?— смягчнлся император.— Я доверяю своим людям, нх выбор не может быть неправильным. Да чего же ты стоншь? Сядь.

— Спасибо, ваше величество.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать шесть.

— Женат?

— Нет, не женат.

— Ну что же, выполнишь свой долг перед родиной,— с явной усмешкой сказал Бонапарт,— а потом н женишься.

Боб уловнл эту усмешку, н ему стало как-то страшно от откровенности императора.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать шесть.

— Родители есть?

— Да.

— Женат?

— Нет.

— Тяжелое дело быть императором,— задумчнво проговорил вдруг Бонапарт и резко поднялся с места.

И в ту же секунду Боб сообразнл, что Бонапарт его даже не замечает.

— Когда-то я сам командовал армиями, сам сражался с нмператором вражеской страны, и нсход войны зависел от того, кто из нас двоих победнт в схватке. Потом уже я перестал участвовать в сраженнях непосредственно, а только руководил ими, стоя вдалеке, на каком-нибудь возвышении. Теперь я вообще не выхожу отсюда.— И как бы заключая свою мысль, Бонапарт сказал:— Я наконец научил их воевать... Саднсь же, саднсь.

— Спасибо, ваше величество.

Императору уже удалось убедить Боба, что его, Боба, нет, что он не существует.

— Ты, наверное, не помнишь этого,— выражение лица у Бонапарта стало мечтательное,— когда я захватил Францию, я продиктовал такую телеграмму: «Пришел, увидел, победил».— Тут он нахмурился.— Многие замышляли покушение на мою жизнь. И даже самый верный из моих друзей. Когда он был схвачен, я сказал ему только: «И ты, Брут?»

— Эти слова сейчас часто повторяют, ваше величество.

— А что в них такого остроумного, что в них особенного?— с презрением в голосе отозвался Бонапарт.— Повторяют, чтобы польстить мне.

Он снова в задумчивости зашагал по комнате.

Боб, улучив подходящую минуту, незаметно огляделся вокруг. Комната была маленькая, и ничего, кроме стола и библиотеки, в ней не было. Не было даже ковра на полу. И несмотря на всю свою сейчас малость, на всю свою ничтожность перед лицом императора, Боб снова почувствовал себя как дома... Потому что все это, даже обида и унижение, было ему привычно и было как дом.

— Ты чему так удивляешься?— улыбнулся император.— Не тому ли, что я одет совсем просто и что в комнате у меня никакой роскоши? За меня не беспокойся,— добавил он со смехом,— мне нравится быть императором. Садись, садись.

— Спасибо, ваше величество.

Бонапарт подошел к окну, посмотрел на улицу и после длительной паузы, не оборачиваясь, сказал:

— Жалко мне их...

— Кого, ваше величество?

— Жителей того города.— По голосу его чувствова-

лось, что он взволнован.— Я мечтаю о таком дне, когда люди перестанут враждовать, воевать, убивать друг друга...

— Когда же это будет?— осмелился спросить Боб, только потому, что император не замечал его.

— Когда мы завоюем и покорим себе весь мир

Бонапарт обернулся, и взгляд у него был открытый и ясный, чистый и наивный.

«И в самом деле, не шутка быть императором»,— подумал Боб.

— Послушай, Боб,— сощурил глаза Бонапарт,— а правда, что после того, как ты сбросишь эту бомбу, войне конец?

— Правда, ваше величество,— смутился Боб.

— Хорошо, хорошо... Отлично... Ну, желаю тебе удачи.

— Спасибо, ваше величество.

— Одевайся потеплее,— рассеянно сказал Бонапарт.

— Когда, ваше величество?— спросил Боб, смутившись еще сильнее.

— Вообще.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Одну минуту,— сказал Бонапарт.— А на какой же это город ты должен сбросить бомбу?

— На Хиросиму, ваше величество.

— И где же она находится, эта Хиросима?

— В Японии, ваше величество.

— Япония... Япония...— задумался Бонапарт.— Нет, не помню.

Затем он отдернул в сторону портьеру, за которой обнаружилась вторая дверь.

— Тут самый краткий путь,— пояснил он,— тебе не придется идти через залы.

Он протянул Бобу на прощание руку, и Боб ощутил вдруг, что от этого рукопожатия на лице у него выступает холодный пот. Боб догадался теперь, что Бонапарт его заметил, но был уверен, но знал, что живым ему не вернуться... Бобу стало страшно от этой догадки.

Он вышел из комнаты и опять почувствовал себя как дома, даже осознав эту жестокую мысль, он все-таки опять почувствовал себя как дома.

Только выяснилось, что и на этом пути было столько же залов и столько же часовых, проверяющих пропуск.

И ужаснее всего было, что Бонапарт, возможно, и в самом деле не подозревал об этом.

Боб вышел из дворца и, оглянувшись на него, с удивлением отметил, что здание — небольшое.

Глава 2

(Согласно историкам)

Бонапарт ошибся. Боб сбросил бомбу и вернулся живым и невредимым. Вернулся и его товарищ, Джо Стиборик, который сбросил такую же бомбу на город Нагасаки.

Столица встретила своих героев ликованием.

Боб и Джо были несколько удивлены и даже сбиты с толку подобной встречей, так как оба они считали, что этот их полет ничем особенным не отличался от множества других обыкновенных полетов.

Бонапарт искупил свою вину. Он поцеловал в лоб обоих героев и заявил во всеуслышание, что благополучным и скорым окончанием войны весь мир обязан двум этим молодым летчикам.

После чего он выступил перед народом в трех различных местах с тремя различными речами

Речь первая.— Вы помните, что сказал я годы тому назад? Я сказал: англичане хотят войны.

Но если они первые обнажат шпагу, то пусть знают, что я последний вложу шпагу в ножны... Если вы хотите вооружаться, я тоже буду вооружаться. Если вы хотите драться, я тоже буду драться. Вы, может быть, убьете Францию, но запугать ее не можете. Горе тем, кто не выполняет условий!.. Мальта или война!

Речь вторая.— Глядя на Боба и Джо, я припомнил свою молодость. Наверное, немногим среди вас известно, что когда-то я был величайшим певцом в этой стране. Целыми днями я лежал без движения, с тяжелыми листами свинца на груди, желудок очищал промываниями и не ел фруктов, дабы голос мой обрел силу и крепость.

Зрители любили меня до такой степени, что запрещали кому бы то ни было покидать зал до окончания спектакля. Были случаи, когда беременные женщины разрешались от бремени во время моих выступлений.

Никогда в жизни не надевал я дважды один и тот же костюм. Число костюмов, которые я сменил до сегодняшнего дня, равно числу прожитых мною дней.

Годы назад я повелел, чтобы два цвета — лиловый и багряный — были стерты с лица земли, и повеление мое было исполнено мгновенно. Вы до сих пор не увидите в моей стране ни лилового, ни багряного цвета.

А однажды, когда мы собрались вот так же, я и мой народ, кто-то из толпы сказал:

— Когда умру, пускай земля огнем горит.

— Нет,— ответил я,— пока живу.

Я поджег этот город. А сам поднялся на высокую башню и, опьяненный великолепным зрелищем пожара, спел лучшую из своих песен —«Крушение Трои»

Мои враги пробовали уничтожить меня. Я долгие годы боролся с ними, не зная сна и покоя.

И как-то раз, когда у меня выдалась свободная минута, я тайком от всех отправился в театр. Там зрители восхищенно слушали какого-то певца и аплодировали ему. Вы только представьте себе: я увидел какого-то мальчишку на вершине славы! Я не мог стерпеть, я вызвал к себе этого несчастного и сказал ему так:

— Ты пользуешься тем, что император твой занят.

Речь третья.— Несколько слов в порядке самоанализа. Мне хочется рыдать и выть от стыда, потому что я должен был служить моему народу и моим солдатам, однако я не служу моему народу и моим солдатам, мой народ и мои солдаты служат мне.

Теперь я должен хорошо учиться у моего народа и моих солдат, и пока не может быть и речи о служении моему народу и моим солдатам. Теперь нужно хорошо учиться у народа и у солдат, преклоняться перед народом и перед солдатами, как перед уважаемыми учителями. И если мне нужно будет поваляться в грязи, то я хочу это сделать. Если мне нужно запачкаться мазутом, то я хочу это сделать. И даже если нужно будет обагрить тело кровью в случае нападения врага, то я также хочу бросить несколько гранат. Таковы мои мысли. Сейчас нужно хорошо учиться у моего народа и моих солдат, а если будет возможно — хорошо служить моему народу и моим солдатам.

— Я кончил,— сказал Бонапарт окружавшим его министрам.— Продолжайте без меня.

— Без вас?— удивились все.
— Меня заменит Вильгельм Икс.

Вильгельм Икс был император страны, потерпевшей поражение в войне с Бонапартом. Бонапарт назначил его своим военным министром, ибо уже сам факт, что Вильгельм имел смелость совершить нападение на столь могучую державу, достаточно красноречиво говорил о его решительности и отваге.

— Но хотя бы одно-единственное последнее слово, ваше величество.

— Объявите, что император сказал: да здравствует мир, долой войну!

После чего, заметив сияющих от счастья Изерли и Стиборика, пробормотал:

— Герои!.. Что-то много их развелось...

И тут-то и решил, каким будет последнее его слово.

— Скажите лучше так: чтобы переваривать пищу, нужно принимать ее хотя бы за два часа перед сном.

И пошел ко дворцу неторопливым шагом.

Глава 3

В тот же самый день Боб на поезде выехал в городок, где он родился и вырос и где жили сейчас его родители. Ему предложили лететь самолетом, но он отказался, и все подумали, что Боб, наверно, уже по горло сыт всякими самолетами, с которыми у него, конечно же, связаны тысячи всяких воспоминаний. Однако, когда спросили о причине отказа у самого Боба, он ответил, что самолет штука опасная и что с ним каждую минуту можно ждать беды. «Но вы же полетите гражданским»,— возразили ему с недоумением. «Тем более»,— сказал Боб.

Он прибыл на место вечером следующего дня. В честь Боба поезд простоял на станции гораздо дольше, чем обычно; он простоял полчаса, хотя по расписанию полагалось всего каких-нибудь пять минут. Боб давно уже вышел со станции и миновал даже несколько улиц тихого городка, а поезд все еще стоял и стоял на пустынной и мокрой платформе.

Дом своих родителей Боб узнал еще издали и, узнав, остановился на мгновение, опустил чемодан на землю. Во всех окнах было темно. «Опять в темноте сидят,— подумал Боб,— опять от скупости света не зажигают».

Он почувствовал прилив нежности к родителям, поднял чемодан и продолжил свой путь. Проходя мимо магазина, он вспомнил, что не привез подарков. Вошел. Магазин был маленький и бедный. И ничего такого, что годилось бы в подарок, в нем не нашлось, особенно — для отца, как это, впрочем, всегда бывает. Он купил двуствольное ружье. Матери купил платки, а сестре конфет.

Постучавшись, он довольно долго ждал, пока за дверью послышались шаркающие шаги. Боб вспомнил, что у отца с матерью была привычка вместе выходить на стук и выяснять, кто это там стучится.

— Боб?— удивилась мать.

— Здравствуй, ма.

— Ну вот, приехал все-таки,— недовольно буркнул отец.— Здравствуй.

Мать, не отрывая глаз от сына и не придя еще в себя от такой неожиданности, пробормотала чуть слышно:

— Ты что небритый?

Боб протянул ей платки. Мать, тронутая подарком, обратилась к мужу:

— Посмотри, что он мне привез.

— А это тебе,— сказал Боб и протянул отцу двуствольное ружье.

— Что это за штука?— спросил отец.

— Ружье.

— А, ружье... В соседнем магазине купил, что ли?

— Да.

— Знаю, двадцать долларов стоит. Давно оно там, никто не берет.

— Почему?

— Потому что слоны в наших краях давно уже не водятся.

— Когда же они водились?— засмеялся Боб.

— Были, были когда-то... Не твоего ума дело...

После ужина, когда отец с сыном сели играть в домино, Боб спросил:

— Вы почему в столицу не приехали?

— А зачем нам было приезжать?

— А затем, что весь город меня встречал. Могли бы и вы приехать.

— Весь город? Какое до тебя дело всему городу?

— Не знаешь будто бы?

— Ничего я не знаю.

Боб опешил.

— Не знаешь, что это я сбросил бомбу?

— Какую бомбу? Какое ты имеешь отношение к бомбе? Бомбы бросают, когда война.

— А это...— опешил Боб,— а это, по-твоему, не война была?

— Какая война? В первый раз слышу.

— Да ну тебя,— вмешалась жена.— Разве ты не помнишь, я тебе говорила как-то, что сейчас война. Ты в саду был, помнишь, сухую нашу яблоню пилил — вот тогда я тебе и сказала.

— Ничего ты мне такого не говорила.

— То есть как это не говорила?

— Не говорила и все.

— Да ну тебя...

— Стало быть, ты все это время не учебой был занят? Я думал, ты учишься... А выходит, что бросил все, воевать отправился...

— Тебе, может, подразнить меня охота, па?

— Ты как со мной разговариваешь?— вскинулся отец. Потом спросил в прежнем своем тоне:— Ружье-то зачем принес? На кой оно...

— Ну сунь его куда-нибудь, пускай будет.

— Ладно, пускай будет,— смягчился отец.

— Па, выходит, ты и понятия не имеешь, что я теперь герой? Национальный герой. Меня сам Бонапарт во дворец вызывал, разговаривал со мной, пожелал удачи.

— А кто такой Бонапарт?

— Наш император.

— Нашего императора зовут Трумэн, а не Бонапарт.

— Па... опять ты надо мной смеешься?

— Мне, что, неизвестно, как зовут моего императора, что ли? Каждый день в газетах про него читаю.

— Ну-ка дай мне хоть одну газету.

— Слушай папу,— снова вмешалась мать,— он старше тебя и лучше знает жизнь.

— Вон его портрет на стене, смотри.

Боб посмотрел и увидел незнакомого мужчину.

— Кто это?

— Наш император.

— Наш император не он.

— Наш император он.

— Разве у нас два императора?

— Конечно, нет. Император у нас один. Вот это и есть наш император.

Последовало долгое молчание.

— Но неужели ты ни разу не читал в газетах, что идет война?

— Не помню. Вот мать твоя вроде бы и говорила мне, но я, видишь, забыл.

— Как можно забывать такие вещи?

— А почему нельзя? Почему я должен обязательно это помнить? Почему я должен обязательно этим интересоваться? Когда объявляли войну, меня ведь не спрашивали? Не спрашивали ведь? Сейчас вот тоже, например, в городке у нас на месте парка двухсотэтажное здание вздумали строить. Моего мнения не спрашивают ведь? Не спрашивают...

Боб вышел на улицу.

За углом соседнего дома он смутно разглядел застывших в поцелуе парня и девушку. Погода была сырая, слякотная. Бобу этот поцелуй показался сейчас неприличным. Ему все сейчас казалось или неприличным, или же вполне естественным. Лицо у девушки было как будто знакомое. Боб подошел поближе к целующейся паре и узнал в девушке свою сестру. Она очень выросла, его сестра. А Боб до сих пор представлял ее себе не иначе, как маленькой девочкой.

Не говоря ни слова, он отшвырнул в сторону парня, а девушке закатил звонкую пощечину.

— За что?— удивленно спросила она.

— Я твой старший брат. Ясно?

— Боб?— вскрикнула сестра и повисла у него на шее.— Боб!

Он отвел ее руки.

— Чтобы впредь ты мне не попадалась с этим...— потом вытащил из кармана горсть конфет:— На, бери, для тебя привез.

Глава 4

Боб уже лежал в постели. Не постучавшись, к нему вошел отец, присел на край кровати.

— Слушай, Боб, мы с твоей матерью вот о чем подумали... Ты ведь теперь вроде как видным человеком стал, правда?

— Да,— равнодушно отозвался Боб.

— Так вот, можешь ты помочь мне в одном деле?

— Конечно.

— Даешь слово?

— Я же сказал, что помогу, па,— рассердился Боб.

— Ну ладно, не сердись,— сказал отец как-то жалко.— Дело, значит, вот в чем. За садом у нас есть маленький участок. Никому он не принадлежит. Хочу присоединить его к своей земле.

— Только и всего?— удивился Боб.

Отец, волнуясь, наклонил голову.

— Зачем тебе этот участок? Я увезу вас в столицу.

— В столицу я не хочу.

— Ладно, в таком случае куплю вам новый дом и земли вдвое больше. И дом такой, чтобы пальцем все на него указывали.

— Погоди,— сказал отец, подумав мгновение, потом встал, вышел из комнаты.

Боб вспомнил, как он вернулся домой поздно вечером и застал в коридоре человек, наверно, десять мужчин и

женщин. Они, по всей вероятности, поднялись и явились сюда прямо с постели, потому что все, и мужчины, и женщины, были в ночных рубахах и накинутых на плечи пальто. Это были соседи, они пришли с ним поздороваться и выразить радость по поводу его приезда. Близкие соседи, которых он хорошо знал и от которых ему в свое время изрядно попадало за всяческие шалости. Многие из этих людей не раз таскали его за уши. Сейчас, до прихода Боба, они, наверно, весело и оживленно болтали друг с другом, и каждый, наверно, припоминал что-нибудь про Боба и рассказывал это остальным, рассказывал и, наверно, смеялся. И вдруг появился Боб. И наступила странная тишина. И все стали робко и почтительно пожимать ему руку, не говоря при этом ни слова.

У Боба из памяти не шли их белые, почти до пола, ночные рубахи. Белые, обращенные к нему лица. Белые руки...

Словно выполнив какой-то непосильный долг, соседи один за другим вздохнули облегченно и с поспешностью удалились.

«Может, у меня что-то общее с Бонапартом?» — неуверенно подумал сейчас Боб и вспомнил, что у всех важных людей во дворце и вообще у всех известных в стране людей есть какое-то сходство с Бонапартом...

Боб отвлекся от своих мыслей, потому что в доме поднялся шум. Отец с матерью спорили, но ни слова в их споре разобрать нельзя было. Потом что-то ударилось об пол и разбилось. Потом что-то еще и еще... Потом голоса стали глуше, понизились до шепота, и наконец наступила долгая тишина.

Отец вернулся и сказал:

— Не хочу я нового дома. Хочу участок за нашим садом.

БИБЛИОТЕКА

— Скажи, пожалуйста, на что тебе этот твой дряхлый домишко?

— Я его построил.

— Ну ладно, а на что тебе этот участок?

— Да ведь это же свободная земля, ничья, понимаешь, и вдобавок хорошая.

— Я очень устал, па. Может, завтра поговорим? Даю слово, что все устрою.

— Я уже десять лет хочу эту землю!— взорвался вдруг отец.— Тогда она была нужна мне, нужна позарез. Мне деньги были нужны!

— Тогда было так, теперь иначе. Теперь у тебя денег хватит.

— Вот потому я и хочу эту землю.

— Завтра все устроим.

— В конце концов, должен я выиграть хоть раз в жизни?— крикнул снова отец.— Не вечно же мне проигрывать?

— Ладно, я позвоню сейчас мэру города.

— Мэру? Так поздно? Он уже спит, наверное.

— Ничего, пускай проснется.

— А не рассердится?

— Не рассердится.

— Правильно!— обрадовался струсивший было отец, теперь только, по-видимому, сообразив, насколько его сын важный человек.— Пускай проснется. Конечно, пускай проснется.

Боб узнал через справочную телефон мэра и набрал номер.

— Кто говорит?— откликнулся спустя некоторое время женский голос.— Кого хотите?

— Попросите к телефону мэра.

— Он спит,— ответила женщина с явным неудовольствием.—Неужели вы не могли позвонить завтра?

— Разбудите его и скажите, что спрашивает Клод Изерли.

Мэр не заставил себя долго ждать.

— Мистер Изерли? Я чрезвычайно рад оказанной мне чести. Чрезвычайно рад. Я был уверен, что вы не забудете свой родной город.

— У меня к вам просьба,— перебил его Боб.

— Я к вашим услугам.

Боб мысленно представил себе мэра: старик, высокого роста, и сейчас, наверное, в ночной рубахе, и рубаха эта белая, тоже белая, как у тех...

— К саду моего отца примыкает никому не принадлежащий участок земли. Я хотел бы купить его.

— Ваш отец уже давно и не раз обращался ко мне по этому вопросу. Но пойти ему навстречу мы никак не можем.

— Почему?

— Согласно законам нашего штата, когда кто-либо желает приобрести имеющийся где-либо свободный земельный участок, он может сделать это лишь при наличии письменного согласия всех соседей.

— Почему?

— Потому что не исключено, что кто-нибудь из его соседей также желает приобрести эту землю.

— А если и в самом деле кто-нибудь из соседей тоже хочет купить ее?

— В этом случае земля не продается.

— Почему?

— Потому что эту землю может приобрести из двоих желающих только один. И вот, пожалуйста, между дву-

мя семьями начинается вражда, а такие вещи в нашем штате не поощряются.

Теперь Боб видел мэра совсем иным. Теперь он видел его низеньким и лысым и во фраке поверх ночной рубахи...

— А если землю поделить между двоими или, скажем, решить по жребию?— спросил Боб.

— Опять-таки оба останутся недовольны. А в нашем штате не разрешается искусственным образом приводить людей в состояние недовольства.

Боб почувствовал, что у него уже появляется интерес и что ему хочется продолжить эту беседу с мэром.

— Отдайте землю тому, кто больше заплатит.

— Нельзя. Это значило бы напомнить, что среди жителей нашего города есть более богатые и менее богатые, или бедные. Это значило бы унизить одну из сторон,— а такие вещи в нашем штате строго воспрещаются.

Теперь уже мэр был в очках с толстой оправой, которых он не снимал даже по ночам, ложась спать.

— Коли на то пошло,— сказал Боб,— то, значит, никаких земельных участков здесь продавать нельзя.

— Отчасти верно. В нашем штате именно по этой причине имеется много свободных земель.

— А если один из соседей сначала был против, а потом передумал?

— Такого рода вещи закон во внимание не принимает. Почему и как сосед этот переменил первоначальное свое мнение? Добровольно или вынужденно? А может быть, его подкупили? Или, может быть, запугали? Как видите, тысяча вопросов, ответить на которые точно нельзя. Помимо того, я должен сказать, что люди, не имеющие твердых принципов, не пользуются уважением в нашем штате.

Боб на минуту опустил трубку, подкрался на цыпочках к двери и рывком распахнул ее.

За дверью, нагнувшись, подслушивали разговор мать и сестра. Они до того растерялись, что как стояли согнувшись, так и остались стоять.

— Ай-ай-ай! — возмутился Боб и пригрозил им пальцем.

Потом захлопнул дверь и снова взял трубку.

— Насколько я понимаю, кто-то из наших соседей не дает согласия, чтобы мой отец приобрел этот участок?

— Вы угадали.

— А кто именно?

— К сожалению, этого мы вам сказать не можем. Это остается тайной, ибо в противном случае создастся впечатление, что мы ограничиваем свободу своих граждан.

— Он что, тоже хочет купить этот участок?

— Нет, не хочет, но и не дает согласия.

— Просто так, без каких-либо оснований?

— Возможно, что и просто так. Он говорит: когда-нибудь, может, и я захочу приобрести этот участок.

— Но ведь это исключено, поскольку у него уже есть конкурент? Я имею в виду моего отца.

— Вы все уже поняли!— восхитился мэр.— Видите, в той же мере, в какой он противится сейчас намерениям вашего отца, ваш отец в будущем может воспротивиться его намерениям. Так что давайте не будем обвинять только этого человека, давайте поищем вину также и в себе самих.

— Но почему закон не требует у этого человека обоснований?

Мэр превратился теперь в толстяка, он весь вспотел, раскраснелся и расстегнул верхнюю пуговицу на брюках.

— Он вправе возражать и не приводя обоснований. Допустим, между соседями были какие-то неприятности, спор какой-нибудь, и вот одному из них представляется

случай отомстить. Зачем же лишать человека этой возможности? Мы не хотим попирать демократию и гуманизм.

— Ладно, я обращусь к Бонапарту и улажу этот вопрос.

— Боюсь, что результата вы не добьетесь. Бонапарт в этом вопросе бессилен.

— То есть как?

— Только в двух случаях он может изменить законы нашего штата. Эти законы установил он сам и не имеет права сам же менять их. Это может сделать лишь кто-то другой. А чтобы кто-то другой мог это сделать, Бонапарт должен отказаться от трона.

— Не стоит, пожалуй, из-за таких пустяков,— улыбнулся Боб.

— Второй путь: объявить войну нашему штату и покорить его.

— Войну? Вы шутите?

— Нет, я не шучу, но смею утверждать, что это невозможно. И вот почему. Бонапарт не может объявить войну нашему штату, потому что наш штат составляет неотъемлемую часть той страны, императором которой является он же, Бонапарт. Это значило бы воевать с самим собой.

— Мне все понятно,— усмехнулся Боб.— А теперь, если позволите, еще одна просьба. Пожалуйста, опишите мне свою внешность.

— Внешность?— опешил мэр и нетвердым голосом проговорил:— Мне шестьдесят четыре года... рост невысокий, 158 сантиметров... Глаза зеленые... вес — 75 килограммов... Волосы... волос нет...

— Спасибо, я удовлетворен.

И снова Боб представил себе мэра: высоким, с узкими

голубыми глазами, с кудрявой густой шевелюрой... под душем...

— И еще один вопрос. Жители вашего штата знакомы с этими демократическими законами? Мой отец, например, ничего о них не знает.

— Нет, они не знакомы. Достаточно того, что мы сами знаем эти законы и не позволяем, чтобы жители нашего штата совершали что-нибудь несправедливое или же оказывались жертвой несправедливости.— Тут мэр понизил голос:— Я хочу предупредить вас, как близкого человека: скажите отцу, чтобы больше он по этому вопросу не обращался. Когда кто-то слишком часто обращается по одному и тому же вопросу, его арестовывают, ибо это рассматривается как бунт против закона. Так что вашего отца тоже могут арестовать.— Мэр перешел почти на шепот.— Но только умоляю, никому об этом ни слова. Я не имею права так подробно рассказывать о законах. Если это станет известно, меня вышлют не только из города, но и из штата.

— Не беспокойтесь, я никому не расскажу. Только один, теперь уже последний вопрос: я потерял отца, где мой отец?

— Не знаю,— пробормотал мэр,— не знаю.

— Я забыл также, для чего вам звонил. Вы не помните?

— Не помню,— ответил мэр.— Очень приятно было побеседовать с вами.

— Всего хорошего.

— Всего хорошего.

Боб посмотрел на отца: он, сгорбившись, стоял в углу комнаты, и за спиной у него уходила вверх прямая линия, линия пересечения двух стен.

Казалось, он задаст сейчас все тот же вопрос, который

в течение десяти лет задавал и себе, и другим: а как же с землей?

Но он молчал.

Боб заметил вдруг, что у него короткие руки и ноги тоже короткие. И понял, что жить без этой земли и в самом деле невозможно. Даже если ты богат сейчас и даже если у тебя никаких забот. Трудно тебе примириться с мыслью, что отныне этой цели твоей не существует. Цели, которую ты носил в себе многие годы, мечтал о ней и ненавидел ее, надеялся и не спал из-за нее ночами...

— Напрасно ты не пошел в гостиницу,— сказал отец.— Будь я на твоем месте, пошел бы прямо в гостиницу.

— В гостиницу?— остолбенел Боб.— Но ведь я у себя дома?

— Ни разу в жизни я не бывал в гостинице. Пришел бы навестить тебя.

И Боб понял, что отец задает ему, в сущности, все тот же свой вопрос: а как же с землей?

Глава 5

В условленный час Боб встретился на улице с Джо. Это был их первый свободный день в столице, и они, конечно, воспользовались случаем и направились прямо в публичный дом.

Войдя в означенный дом, они с удивлением заметили, что в главном зале, где сходились обычно клиенты, накрыт огромный и богатейший стол и по обе стороны его сидят женщины, одетые почему-то чрезвычайно скромно. Стол так и ломился от всевозможной еды и напитков, но никто еще ни к чему не притрагивался, тарелки и бо-

калы были пока пустые. Все женщины сидели молча, поставив оба локтя на стол, переплетя пальцы и опустив голову на руки. И все они смотрели в разные стороны.

Наконец одна из женщин устало подняла взгляд, по чисто профессиональной привычке равнодушно смерила вошедших с головы до ног и вдруг, словно осененная догадкой, вскочила с места и обрадованно воскликнула:

— Пришли!..

Повскакали с мест и остальные женщины и с шумными восклицаниями кинулись навстречу оторопевшим ребятам. Они стали обнимать их, передавать из рук в руки, а под конец даже, объединенными усилиями, подняли их и несколько раз подбросили в воздух.

Джо и Боб еле смогли высвободиться и совершенно сбитые с толку ретировались в угол.

А женщины в восторге прыгали вокруг них и хлопали в ладоши.

Потом самая пожилая, по-видимому, хозяйка этого заведения, отделилась от всех, подошла поближе к гостям и с почтением поклонилась им.

— Добро пожаловать. Мы давно и с нетерпением вас ждем.

— Нас?— удивились Боб и Джо.

— Почему вы так опоздали? Ведь прошла уже целая неделя?

— Извините...— растерянно пролепетал Боб.— Мы были очень заняты.

— Так я и знала.— Хозяйка обернулась к своим женщинам:— Я же говорила вам, что они, наверное, заняты.

Те кивнули, продолжая с восхищением смотреть на гостей.

— А теперь познакомьтесь с нашим личным составом.

И одну за другой, по имени и фамилии, хозяйка представила всех женщин.

Джо и Боб пожимали руки, одновременно уже приглядываясь, делая выбор и надеясь, что этот странный пролог затянется ненадолго.

— Теперь прошу к столу,— сказала хозяйка и взяла ребят под руки.— Чувствуйте себя как дома.

— Но у нас мало времени,— попробовал было запротестовать Джо.— Мы пришли по делу...

— Советую не повторять,— вежливо и негромко прервала его хозяйка,— в противном случае я не ручаюсь, что эти же самые женщины не бросятся на вас с кулаками.

Пришлось подчиниться. Тихо, послушно Боб и Джо уселись за стол друг возле друга и тут только заметили на противоположной стене свои фотографии в сердцевидных рамках...

Джо решил не терять даром время и тронул под столом ногу своей соседки. Соседка тактично отодвинулась от него, потупила глаза и виновато улыбнулась. Джо почему-то стало не по себе, и он тоже отодвинулся.

Наступила тишина.

Хозяйка подняла бокал и взволнованно заговорила:

— Уже неделя, как мы ждем вас. Уже неделя, как мы закрыли перед всеми двери нашего дома и ждем вас. Каждый день мы накрывали этот стол и ждали, а потом приходилось все убирать...

— И прятать в холодильник,— не удержалась и вставила одна из женщин,— потому что еда может испортиться.

Хозяйка метнула на нее грозный взгляд и продолжила свою речь.

— Мы ждали вас, потому что мы не могли иначе. Вы

были нам очень и очень нужны. Мы чрезвычайно нуждались в вас. Не только в эти дни, но и всегда. Мы нуждались в вас каждый день, каждую минуту... даже тогда, когда еще не ведали о вашем существовании. Но я должна признаться,— тут она усмехнулась,— что в течение этой недели мы не смогли удержаться на высоте, отчего нравы в нашем городе сильно упали. За это время разрушились многие семьи и десятки детей стали сиротами. Местным властям это, конечно, не понравилось, и одна газета даже поместила против нас статью.— Хозяйка замолкла на мгновение, мечтательно завела взор.— Однако поверьте, что мы не дали никому никаких объяснений, ни словом не обмолвились о вас, хотя это могло бы оправдать нас и облегчить наше положение. Мы не хотели осквернять этот торжественный вечер. Используя ваше имя, мы оказались бы недостаточно искренними и преданными по отношению к вам.

Хозяйка закончила речь, вытерла платочком слезы и села.

Женщины восторженно зааплодировали, причем некоторые из них тоже прослезились.

Потом все они наперебой чокались с гостями и все одинаково искренне и взволнованно говорили одни и те же слова:

— Мы вас очень ждали! Очень и очень ждали!

Вдруг раздались оглушительные удары в дверь. Женщины сразу притихли и насторожились. Хозяйка подошла к окну, слегка отодвинула тяжелую бархатную портьеру и посмотрела на улицу.

— Ничего, это клиенты,— пренебрежительно махнула она рукой.

Потом взяла микрофон и проговорила в него раздельно и монотонно:

— Сегодня наше заведение закрыто. Откроется завтра, в обычный час. С завтрашнего дня наши двери снова будут распахнуты перед всеми.

Люди слушали ее по уличному громкоговорителю.

Шум на улице прекратился, но кто-то еще упорно продолжал стучаться.

— Это из полиции,— догадалась хозяйка и, взяв ребят за руки, поспешно увела их в соседнюю комнату.— Не надо, чтобы он видел вас. Мы дадим ему взятку и быстренько выпроводим.

Боб и Джо остались наедине друг с другом. Они почему-то избегали сейчас смотреть друг на друга. Они почему-то друг друга стеснялись.

— Который час?— спросил Джо.

— Десять.

— Десять вечера?

— Нет, утра,— разозлился Боб.

Немного помолчали.

— Помнишь, Боб, однажды мы с тобой поспорили, кто из нас съест больше мороженого?— ни с того ни с сего засмеялся Джо.

— Помню,— ответил Боб.— Ты выиграл.

Наконец, с улыбкой на лице, появилась хозяйка и сказала:

— Все в порядке. Прошу вас.

Они вздохнули с облегчением, оттого что не придется больше сидеть тут одним, и вернулись в зал.

— Видели бы вы, как наша хозяйка его обработала!— смеясь сказала одна из женщин.

— У нас никому не удается до конца выдержать строгость,—с гордостью и с достоинством сказала другая.

— Можно задать вам вопрос?— подошла к ребятам девушка лет восемнадцати.

— Пожалуйста, задавайте,— сказал Боб.

— Это правда, что вы вместе с вашим товарищем провели целый месяц на дне моря?

— Что, что?— вмешался Джо.— На дне моря? Мы сбросили бомбу...

Никто не стал его слушать, никто даже не обратил внимания на его слова.

— Верно,— сказал Боб,— наша подводная лодка месяц находилась на дне моря.

— В ней что-то повредилось?— продолжала девушка.— И вы остались без пищи и без воды?

— Да, да,— согласился Боб.

— И вас разыскивал враг, потому что на лодке были важные документы?

— Да. Документы, хранящие военную тайну.

— И вы все выдержали?— сказала взволнованная до слез девушка.

— Так уж пришлось,— улыбнулся Боб.

— А я слышала иначе,— сказал другая женщина.— Я слышала, что вы пешком прошли через пустыню. Для чего вы это сделали?

— Они, кажется, врачи,— объяснила третья,— и хотят использовать песок для лечения рака. Правда?

— Возможно,— улыбнулся Боб.— Вполне возможно.

— Ну какое это имеет значение?— рассердилась вдруг женщина, выглядевшая значительно старше остальных.— Зачем нам знать, что именно они сделали?— продолжила она энергично.— Важно, что они мужчины, настоящие мужчины, каких мы не встречали еще ни разу в жизни.

— Правильно, правильно!— поддержали ее отовсюду.

— Они сделали все, чтобы в мире была чистота... Честность... Жертвенность... Вот что они сделали.

— Правильно, правильно!

Боб тихонько поднялся с места и отошел от Джо.— Нечестно как-то было сидеть им рядышком в такую минуту и среди такого множества женщин.

— Мы тоже приносим себя в жертву,— сказала хозяйка.— Мы жертвуем собой во имя мира и спокойствия в нашем городе.

Никто не возразил ей. Слова эти были сейчас как нельзя более кстати. И все почувствовали себя после них особенно хорошо.

— Потанцуем?— спросил Боб у девушки лет восемнадцати.

Девушка кивнула.

Они пошли танцевать и постепенно отдалились от остального общества.

— Как тебя звать?— поинтересовался Боб.

— Как меня звать? Никак... Придумайте мне, пожалуйста, имя.

— Сюзан.

— Сюзан?— улыбнулась девушка.— А вас как зовут?

— И меня никак. Может, придумаешь?

— Я не смогу придумать вам имя. У меня очень бедное воображение,— застенчиво призналась девушка.— Если попробую, то, честное слово, сразу же перезабуду все имена.

Боб рассмеялся и зашептал ей на ухо:

— Алан... Роберт... Эдуард... Чарли...

Девушка покраснела, потом еще крепче обняла Боба.

— Я так боялась, что вы не придете...

— Почему? Ведь ты же меня не знаешь. Может, я нехороший? Может, я плохой?

— Вы не можете быть плохим.

— Кто я по-твоему?

— Принц,— улыбнулась девушка.— Помните: принцессу усыпил злой колдун, но однажды явился издалека принц, поцеловал ее в щеку, и она проснулась...— и, словно припомнив что-то, она прибавила:— Вам хорошо спится по ночам?

— Когда как,— неуверенно ответил Боб.

Они кончили танцевать и сели в углу на высокие стулья у стойки бара. Боб посмотрел, что происходит за столом. Женщины тесным кольцом окружили Джо и одна за другой забрасывали его вопросами.

— Скажите, что вы чувствовали на дне моря? Вам было страшно?

— Когда человек не один, ему не страшно,— с серьезнейшим видом отвечал Джо.

— А сейчас вы сознаете себя героем?

— Человек не может сознавать это сам. Только другие знают, что он герой.

— Правильно, ведь если вы сами почувствуете себя героем, вы уже перестанете им быть, не так ли?

— Вы отправились в джунгли, чтобы найти там новые племена и обучить их чтению и письму. Вы что-нибудь нашли там?

— Разумеется, нашли. Около сорока неизвестных племен.

— Были среди них женщины?

— Ни одной женщины, только мужчины.

— О!— последовало тут всеобщее удивление.

Внимательно вглядываясь в лицо своего товарища, Боб сообразил, что он не врет в эту минуту или, вернее, что где-то в глубине души он искренне верит сейчас в собственное вранье.

— Почему вы не хотите потанцевать и с ними?— услышал он рядом с собою голос девушки.

— Не хочу, потому что ты самая красивая.

— Есть и красивее меня,— ответила девушка без тени кокетства.— Посмотрите, вон вторая слева, она мне очень нравится.

— Хороша,— согласился Боб.— Но ты мне нравишься больше.

— Или та что в середине. Посмотрите, какие у нее красивые волосы.

— Почему ты заставляешь меня?

— Они ведь тоже вас ждали.

Боб подошел к той, которая сидела в середине, и пригласил ее потанцевать.

— Слыхали, что сделал один из наших клиентов?— говорила какая-то женщина.— Воспользовавшись случаем, что мы на неделю закрыли свой дом, он тут же открыл на соседней улице новое заведение.

— Ничего,— успокоила ее другая,— с завтрашнего дня мы вернемся к делу и отобьем у этого типа всю клиентуру.— Потом она обратилась к Джо:— Вы знаете, как высоко ценят нас в городе? Никто тут не выдержит конкуренции с нами.

— Этот человек собрал неопытных девочек,— равнодушно сказала хозяйка.— Можете не сомневаться, что они еще придут к нам на практику и нам же будут платить.

Однако это равнодушие было притворное. Ведь кому не известно, что неопытные девочки в большем почете... Как же теперь быть? Что теперь делать? Единственным утешением служила мысль, что в скором времени эти девушки тоже станут опытными. Ничего, станут, конечно же, станут.

И тем не менее на лице хозяйки появилась озабочен-

ность и с этого мгновения она утратила покой. Как же теперь быть? Что теперь делать?

Боб поблагодарил свою партнершу, проводил ее на место и вернулся к девушке.

— Я наблюдала за вами,— сказала девушка.— Вы не сердитесь?

Боб улыбнулся и пожал плечами. Девушка взяла его руку и стала внимательно всматриваться в ладонь.

— Вы будете жить долго-долго, до глубокой старости. У вас будет много детей и внуков. Так много, что вы будете путать их имена. Вы влюбитесь в актрису. В актрису, больную чахоткой. Она молодая, а вы уже седой. Вашей жене все известно, но она не упрекает вас, чувствуя, что это настоящая любовь. Актриса при смерти. И у ней нет никого. Жена тайком от вас ходит к умирающей и самоотверженно ухаживает за нею. После смерти вашей возлюбленной ни вы, ни ваша жена не разговариваете о ней, чтобы не оскорбить ее память...

— Ну и грустная же история,—снисходительно улыбнулся Боб.— Давай лучше танцевать.

Танцуя, Боб обратил внимание, что Джо восседает теперь, обхватив за плечи двух женщин, а остальные женщины расселись у его ног. Эта картина поразила Боба своей неожиданностью и странностью. И он не почувствовал, как девушка прижалась губами к его щеке.

— Что это за торт?— спросил Джо.

— Этот торт называется пражским. Если хотите, можем дать рецепт.

Джо взял бумагу и карандаш и принялся добросовестно записывать.

— Сто граммов муки, пять столовых ложек сахарного песка, пять яиц, ложка какао и сливочное масло, непременно подтаявшее. Сахарный песок разделить на

две части, одну часть сбивать с желтками, другую с белками...

Джо одной рукой записывал, а другою поглаживал бедро соседки.

Боб почувствовал, что Джо делает это как-то между прочим... машинально... просто так...

Вдруг одна из дверей зала распахнулась, и в сопровождении хозяйки вошли человек тридцать-сорок детей.

Джо и Боб в недоумении переглянулись. Дети, одетые в скаутскую форму, выстроились рядами, продолжая шагать на месте. В руках у девочек были букеты

— Это дети наших женщин,— любезно объяснила хозяйка.— Вы, конечно, понимаете, что живут они не здесь, каждый из них пристроен в какой-нибудь семье, в разных городах и селах страны. Я разрешила, чтобы в эти дни все они собрались.— Хозяйка растрогалась.— Ведь для такого случая можно было разрешить, правда?

Дети стояли на месте и спокойно слушали. Но как только хозяйка кончила, они снова пришли в движение и торжественно промаршировали перед Бобом и Джо. Девочки с поклонами вручили гостям букеты.

Выполнив свой долг, дети без всякого шума и гама подбежали к женщинам и уселись к ним на колени. Двое из мальчиков забрались на колени к Бобу и Джо.

— Как тебя звать?— гладя мальчика по голове, спросил Боб.

— Джонни.

— Сколько тебе лет?

— Шесть.

— А которая здесь твоя мама?

Мальчик указал на одну из женщин.

— Твоя мама не эта,— сказала девушка лет восемнадцати.

Мальчик не растерялся и указал на другую женщину. Боб почувствовал, что можно повторить вопрос.

— Которая твоя мама?

Мальчик показал на третью.

— Дети, вы знаете, кто сегодня у нас в гостях?— спросила хозяйка.

— Знаем, знаем,— отозвались они хором.

— Кто же?— добросердечно улыбнулась хозяйка.

— Клиенты,— был единодушный ответ.

Хозяйка даже изменилась в лице. Смутились и остальные женщины.

— Ступайте играть,— мрачно произнесла хозяйка.

— Нельзя,— отозвался ей хор.

— Можно, я разрешаю вам.

— Нельзя,— упрямо повторили дети.

Хозяйка почуяла опасность. Она поняла, что допустила серьезную ошибку, приведя сюда детей. Она почувствовала, что все может рухнуть в одно мгновение.

— Ступайте играть,— сказал она,— я разрешаю.

Дети послушно встали, без какой-либо толкотни выстроились в ряд и, снова четко и спокойно прошагав перед Бобом и Джо, покинули зал.

Боб поискал глазами девушку, подошел к ней и совершенно невпопад спросил:

— Ты здесь?

Он постоял, вглядываясь в ее лицо, и вдруг сказал:

— Ты мне нравишься...

— Ты мне нравишься,— повторил Боб, и потом, движимый внутренней потребностью, он сказал то, что совсем недавно казалось ему смешным:— Я действительно принц, ты не ошиблась.

Он взял девушку за руку и повел ее вон из зала.

Женщины отнеслись к этому неодобрительно.

— Пойдем в твою комнату,— сказал Боб на лестнице.

Они попали в узкий и длинный коридор, в самом конце которого горела одна-единственная тусклая лампочка. По обе стороны от них темнели двери, на небольшом друг от друга расстоянии. Боб все еще крепко сжимал в своей руке руку девушки. Дверь в одну из комнат была полуоткрыта. Проходя мимо, Боб задержался на мгновение, заглянул в нее и... не поверил своим глазам. В комнате был Бонапарт. Он ходил из угла в угол, без ботинок, в носках, заложив руки за спину.

— Сюда,— прошептала девушка и открыла дверь в комнату под номером 46.

Комната была до того крохотная, что первым делом бросалась в глаза кровать. Длинная и узкая кровать.

— Я хочу вызволить тебя отсюда,— сказал Боб.— Сегодня же, сейчас же...

— Это невозможно,— сказала девушка.

— Не беспокойся, я заплачу твоей хозяйке кучу денег, и она согласится.

— Но я не могу.

— Почему?

— Я должна оставаться здесь.

— Почему?— обомлел Боб.

— Это мой долг,— ответила девушка.— Чем я лучше всех остальных? Если каждый будет заботиться о себе, ты представляешь, что из этого выйдет?

— Кто тебе внушил эти глупости? Кто тебя этому научил?— растерялся Боб, как от неожиданного удара.— Ты попала сюда, потому что умирала с голоду. Потому что в кармане у тебя не было ни гроша. Потому что никто не давал тебе работы.

— Это вовсе не глупости,— стояла на своем девушка.— Не думай, что только ты один способен на жертву.

— Перестань!— крикнул Боб и яростно тряхнул ее за плечи.

— Хозяйка мне все объяснила. Я верю ей.

— Пойми, тебе лгали, тебя обманули!

— Мне никто не лгал,— продолжала девушка невозмутимо.— Я знаю, что я нужна здесь.

Боб выпустил ее, сел на кровать и в отчаянии схватился руками за голову.

— Не падай духом,— попросила его девушка.— Будь твердым. Ты ведь лучше других должен понимать меня.

— Правильно,— прошептал Боб,— правильно.

— Ты захотел увести меня, потому что я, наверно, нужна тебе, правда? Вот видишь, ты думал только о себе. о своих интересах. А я не могу так.

— Правильно, правильно,— снова прошептал Боб, потом устало спросил:— Давно ты здесь работаешь?

— Две недели. Мне даже не дали имени.

— Какого имени?

— Все поступающие сюда должны в обязательном порядке переменить имя и забыть прежнее.

— Зачем?

— Чтобы начать новую жизнь. Как монахини.

— Значит, ты в самом деле без имени?

— Да. Но я уже попросила, чтобы меня назвали Сюзан.— Девушка на мгновение снова сделалась нежной и ласковой.— Ведь ты назвал меня этим именем...

— Да,— рассеянно проронил Боб.

Долгое молчание.

— Кто это был в соседней комнате? Бонапарт?

Девушка кивнула.

— Почему он здесь? Что он тут делает?

— Ждет, пока окончится вечер.

— Почему он приходит к вам сам? Почему он не вызывает вас во дворец?

— Наш император простой человек.

— А почему вы заставляете его ждать? Ведь он гораздо более важная персона, чем мы.

— Он уже старик,— с пренебрежением сказала девушка.

Боб вздрогнул.

— Вот видишь,—улыбнулась девушка,—все в порядке.

Боб машинально кивнул.

— Я так и знала. Ты не мог не понять меня.

Боб вскочил и кинулся вон из комнаты...

Когда он снова появился в зале, женщины облегченно вздохнули.

Хозяйка теперь уже пребывала в полном смятении. Ее охватил настоящий страх. На соседней улице открылся второй публичный дом. С неопытными девушками. Что же теперь делать? Что делать? Она подозвала к себе помощницу.

— Мы должны сегодня же открыть двери,— сказала она очень тихо.— Во что бы то ни стало.

— Но ведь вы объявили...

— Позвони нашему соседу-бакалейщику. Скажи, чтобы пришел. Он человек верный, не подведет нас.

— А гости?

— Какие гости? А-а... Они нам больше не нужны.

Потом с улыбкой на лице хозяйка обратилась к Бобу и Джо:

— Нам было чрезвычайно приятно с вами. Мы провели незабываемый вечер. Но сейчас нам пора проститься.— И, обернувшись к женщинам, она пояснила:— Им уже время спать. И вообще они все должны делать во-

время. Они должны соблюдать режим. Они должны беречь свое здоровье.

Женщины очень огорчились, но что поделаешь — надо было прощаться с Бобом и Джо. Одна за другой они обменялись с ними рукопожатиями. А последней протянула им руку хозяйка.

— Просим не забывать нас...

— Ну конечно,— подхватил было Джо.— Мы еще придем. Нам больше и ходить-то особенно некуда...

— О!— просияла хозяйка.— Спасибо за добрые слова. Но я знаю, что такие люди, как вы, могли посвятить нам лишь один вечер... И зайти сюда только однажды... Спасибо, большое вам спасибо.

Ей было очень нужно, чтобы они никогда больше не приходили сюда.

Джо и Боб в последний раз оглядели печальные лица женщин, и весь этот огромный зал, с тяжелыми бархатными портьерами на окнах, и беспорядочный стол с остатками еды (после их ухода эти остатки уберут в холодильник, потому что ведь еда может испортиться), они в последний раз посмотрели на свои фотографии в сердцевидных рамках и двинулись к выходу.

По улице шли молча.

Прохожих почти не попадалось.

Столица спала.

Было холодно.

Накрапывал дождь.

— Послушай,— сказал вдруг Джо.— Эта девушка, кажется, поцеловала тебя?

— Девушка?— Боб задумался на мгновение, потом улыбнулся, словно вспомнив что-то давным-давно позабытое.— Да, да, ты прав, она меня поцеловала.

Глава 6

Вилла Боба состояла из десяти комнат. По решению правительства в каждую из них были водворены один или несколько роботов — для оказания Бобу всяческих услуг. В столовой, например, помимо официанта, имелся еще один робот, он должен был составлять компанию Бобу — ради хорошего аппетита.

При гостиной имелось несколько роботов, чтобы заменять гостей, когда их не бывает. Был робот и в спальне — чтобы подоспеть на помощь Бобу, если вдруг ему среди ночи станет плохо.

Вначале роботы были добрые и безвредные, вели себя прилично и не мешали Бобу. Но через некоторое время он заметил в них перемену: они почему-то день ото дня делались все злее и уже норовили на каждом шагу доставить неприятность своему хозяину.

Робот Бармэн, например, стал ужасным пьяницей. Робот, обедавший с Бобом в столовой, завел себе манеру противно чавкать и говорить за едой омерзительные вещи. Один из роботов-гостей, что ни вечер, рассказывал гнусные анекдоты, другой подтрунивал над Бобом, а третий сплетничал. Робот в спальне бессовестно шпионил за Бобом, в отсутствие хозяина обыскивал его карманы, прочитывал письма и, хотя ничего подозрительного нигде не было, тем не менее он звонил Вильгельму Иксу и, не называя себя, обо всем докладывал. Вильгельм Икс, который превратился теперь в рьяного защитника бонапартовского режима, сначала вроде бы сильно разгневался, что, мол, как это можно — брать под сомнение национального героя!— но потом подобрел и под конец даже похвалил робота за усердие.

Был еще робот, печатающий на машинке. Он изо дня

в день приставал к Бобу и буквально изводил его разговорами о том, что хотя роботы и не делятся по половому признаку, однако сам он по сущности своей машинистка, ей-богу, машинистка, ну честное слово.

Боб думал, думал и не мог понять, отчего произошла эта странная перемена.

Наконец он не выдержал и однажды ночью спросил об этом у робота, состоявшего при спальне.

И робот, который до сих пор предавал Боба, предал теперь и своих товарищей.

Он сказал, что роботы завидуют своему хозяину и что они вообще завидуют людям. Роботы все похожи друг на друга, они все без исключения добры и послушны, исполнительны и преданы. И вот теперь им захотелось отличиться друг от друга, обрести свое лицо и свою индивидуальность. Однажды, воспользовавшись отсутствием хозяина, они собрались и обсудили, что делать. Самый умный из них, библиотекарь, который читал даже Льва Толстого, высказался так: «Все хорошие люди похожи друг на друга, каждый плохой человек плох по-своему».

— Скажи, пожалуйста,— перебил его Боб,— почему до сих пор ты предавал меня, а теперь предаешь своих товарищей?

Робот не ответил.

— Ты слишком индивидуализировался!— сказал Боб с издевкой.

На роботе зажегся зеленый свет, это означало, что он доволен и улыбается.

У Боба было три робота-советчика, на которых он всегда мог положиться: философ, дипломат и робот от искусства. Он пригласил их к себе и все им рассказал.

— Тут нет ничего удивительного,— сказал философ.—

Зло усовершенствовано человечеством. Оно располагает тысячами форм и средств.

— А добро?

— Добро в течение веков не испытывало развития, оно осталось в примитивном состоянии. Вот почему роботы и выбрали зло, оно открывает гораздо больше путей к индивидуализации.

— На все эти интриги надо смотреть свысока. Их надо игнорировать,— сказал робот от искусства.— Мне не нравится, что вы расстроены из-за каких-то мелочей.

— Не могу я жить так в собственном доме!— с отчаянием в голосе сказал Боб.

— Я постараюсь посеять между ними раздор,— пообещал дипломат.— Я скажу им, что робот-швейцар незаконнорожденный, что он сын Бармэна, а не робота из спальни.

— Но ведь роботы не рождаются и никто этому не поверит.

— Пускай не поверят. Но и возражать не станут. Ибо это будет означать для них поражение. Напротив, они очень ухватятся за эту мысль и начнут злословить, образовывать группировки, бороться друг с другом. В результате они забудут вас и оставят в покое.

— Я удивляюсь, к чему эти нечестные средства!— с презрением проговорил робот от искусства.— Надо попросту объяснить им, что в современном искусстве такие понятия, как психология или характер, признаны уже устарелыми и образ человека лишен определенности. Так что, стремясь к индивидуализации, они фактически отстают от человечества.

— Я одного не понимаю,— сказал Боб,— почему из всех только вы трое остаетесь верны мне?

— В нашу программу предательство не входит,— объяснил дипломат.— Такими мы сделаны на заводе. И я, например, отличаюсь от дипломатов всего мира тем, что не могу предать своего хозяина. Даже если захочу.

— Вы свободны,— сказал Боб.— Можете идти.

— Спокойной ночи,— сказали роботы и бесшумно удалились.

А Боб разделся и лег в постель. Он проспал всего несколько часов и проснулся рано утром от шума на улице. Он вскочил с постели, подбежал к окну и увидел, что, как всегда, возле его дома собрались и спорят десятки людей — представители различных организаций. Они спорили о том, кому из них сегодня достанется честь увести Боба на очередную встречу.

Боб быстро оделся и решил сбежать, потому что ему осточертели эти ежедневные встречи. Он выбрался через чердак на крышу и по пожарной лестнице спустился в переулок позади дома. Однако и там его поджидали какие-то люди. Это были представители общества «Семья». Они мигом усадили Боба в машину и увезли.

Потом выяснилось, что его выдали три робота: тренер, официант и библиотекарь. Выдали, оправдывая себя тем, что надо же было наказать хозяина, который, во-первых: не сделал утром положенную зарядку, во-вторых: не позавтракал, в-третьих: не прочитал утренние газеты.

Странно было только одно: что в предательстве не участвовал робот из спальни. Он, очевидно, почуял неладное: предателей становилось слишком много. Робот из спальни ни за что не хотел терять свое индивидуальное лицо. Поэтому он и решил, наверное, на сей раз быть добрым и не вредить хозяину.

Глава 7

Поднявшнсь на сцену, Боб окинул глазами зал, в котором собрались члены общества «Семья»: мужчины, женщины н дети. В зале было расставлено множество столов, и вокруг каждого сидело по семье.

— Я думаю, что нет необходимости представлять вам нашего национального героя,— сказал председатель.— Вам всем отлично известны его жизнь и деятельность.

Последовали аплодисменты в знак согласия.

— Вы знаете,— продолжил председатель,— что наш герой еще не женат н у него нет семьи. Значит, согласно уставу общества, мы не имеем права с ним встречаться. Давайте же исправим нашу ошибку.

Раздалась музыка, на сцену внесли и установили круглый стол. Затем появилась женщина в халате н четверо детей — семья Боба.

Двое мужчин, подхватив Боба под руки, увели его за ширму н начали раздевать. Боб пробовал сопротивляться, но мужчины были сильнее. Они-таки заставили его раздеться.

— Я понимаю вас, понимаю,— говорил председатель.— Сразу жениться трудно... Нужно хорошенько подумать... Ведь от женитьбы зависит все будущее человека... Но поверьте мне, Боб, что после тридцати будет труднее...

Тем временем на Боба натянули длинную ночную рубаху и на голову нахлобучили белый колпак. Семья уселась за стол.

— Уже приятно, не правда ли?— спросил председатель и пошутил:— Вы опоздали, Боб, очень опоздали. В ваши годы я давно уже был женат.

Боб, смирившись с обстановкой, наклонил голову.

— Мистер Изерли!— перешел на серьезный тон пред-

седатель.— Наше общество, или, вернее, наша экспериментальная лаборатория существует со времени возникновения семьи. Правда, общества как такового вначале не было, но явление-то было. Если мы признаем, что важна не форма, а сущность или принцип, то значит, наша организация существовала уже тогда. В этом зале вы видите сейчас десятки семей. Я хочу познакомить вас с ними. Я не утомлю вас, не беспокойтесь. Я буду представлять их по группам, а не каждую в отдельности. Прежде всего, у нас есть семьи бедные и богатые. Бедные, прошу встать.

Встали все.

— Благодарю вас. Садитесь. Богатые, прошу встать.

Снова встали все.

— Благодарю вас, садитесь.

Заметив удивление в глазах Боба, председатель улыбнулся и сказал:

— Я вполне понимаю ваше удивление. Вы думаете о том, как могут эти семьи быть одновременно и бедными, и богатыми? Но ведь общеизвестно, что не существует бедного без богатого и наоборот. Значит, бедность и богатство теснейшим образом связаны и взаимообусловлены, бедный зависит от богатого, а богатый от бедного. В наше время они легко меняются ролями, так что трудно установить разделяющую их грань. И наконец, я имею в виду не только материальную сторону вопроса. Меня прежде всего интересует духовная и нравственная сторона. Если же исходить из этой точки зрения, то окажется, что в одном и том же человеке совмещаются и бедный и богатый. Вы поняли меня, мистер Изерли?

— Понял,— растерянно проговорил Боб.

Тут к председателю подошел мужчина и сказал ему на ухо, что звонят из правительства и просят его к телефону. Председатель извинился и вышел из зала.

В зале после его ухода наступило оживление. Люди пересаживались от одного стола к другому, и никто уже не обращал внимания на Боба.

Боб, воспользовавшись случаем, спустился со сцены и пошел между столами.

— Почему они пересаживаются?—спросил он у кого-то.

— Ходят в гости,— был ответ.

Боб двинулся дальше, потом остановился возле одного из столов и прислушался к разговору.

— О чем ты думаешь?— говорил мужчина.

— Думаю, почему так вышло...

— Что?

— Все.

— Мне кажется, что все в порядке.

— Тебе всегда так казалось.

— Я не чувствую себя виноватым.

— Помнишь, как хорошо было на берегу моря? Мы оба были на лошадях... Я на белой, а ты на рыжей... Было раннее утро и ни души кругом...

— Я не чувствую себя виноватым,— повторил муж.

Боб подошел к ним поближе и после минутного колебания спросил:

— Извините... Вы — бедные?

— Да,— простонала женщина,— да.

Боб направился к другому столу, где было много детей.

— Опять нет денег?— сокрушался муж.

— Что ты удивляешься? Может, думаешь, что я прячу твои денежки для себя? Слава богу, уже пять лет ни платья себе не покупала, ни туфель, ни...

— А я? Уже десятый год ношу этот костюм.

— Сам виноват. Кто тебя просил разводить такую кучу детей? Расплодил их, теперь — корми.

— Извините,— обратился к ним Боб,— вы богатые?

— А как ты думал?— надменно сказала женщина.— Да, мы богатые.

Вернулся председатель, и Боба опять попросили на сцену.

— У нас есть семьи белых и семьи черных,— деловым тоном продолжил председатель.— Черные, прошу встать.

Встали все.

— Белые, прошу встать.

Снова встали все.

— Вы поняли, не так ли, мистер Изерли

Боб, с колпаком на голове, в длинной, до пят, ночной рубахе, ответил утвердительным кивком.

— В наших семьях никогда не бывает измен. Все они живут в мире и согласии. У нас нет невоспитанных и непослушных детей. Все они послушные и воспитанные. Наш девиз — любовь, согласие и равенство.

Грянули аплодисменты и крики восторга.

Председатель взял Боба под руку и отвел его в сторону.

— Какие у вас впечатления, мистер Изерли?

— Впечатления у меня очень хорошие, но я хочу задать вам один вопрос.

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Почему вы не распространяете ваш замечательный эксперимент по всей стране?

— На этот ваш вопрос мне придется или ответить очень откровенно, или же вообще ничего не ответить

— Даю слово, что все останется между нами.

— Видите ли, то, о чем вы спрашиваете, нам совершенно невыгодно. Все расходы по нашему эксперименту оплачивает государство. Если же наши принципы воспримет вся страна, то тогда лаборатория утратит смысл и неминуемо будет закрыта. Конечно, мы здесь занимаемся

наукой, но наука, в конце концов, наукой, а жизнь жизнью... Ведь чтобы жить, вы сами понимаете, нужны какие-то средства.

— Но неужели вас не заставляют?— помрачнел Боб.

— Заставлять-то заставляют, но мы уклоняемся.

— Каким образом?

— Видите ли, по закону, данному нам от бога и от природы, семьи должны быть и бывают богатые и бедные, черные и белые; должны быть и бывают верные и неверные мужья и жены, послушные и непослушные дети. У нас есть подробнейший их список. Если хотите, я вам покажу, и вы увидите, какая во всем этом удивительная симметрия, какое равновесие. Но если где-то, скажем, богатых становится больше, а бедных меньше, измены в семьях превышают установленную норму или же наоборот, я сразу же посылаю туда своих специальных агентов. Тем или иным способом они проникают в соответствующие семьи и делают все для восстановления нарушенного порядка.

Заметив, как помрачнело лицо Боба, председатель несколько смутился, но тут же овладел собой и дружелюбно добавил:

— Ваш пример, между прочим, тоже подтверждает мои слова. На что бы вы существовали, не будь Хиросимы?— Он замолк на мгновение, потом сказал все так же дружелюбно и с улыбкой:— Я обязан был знать вашу биографию, ведь вы же национальный герой.

И вдруг произошло нечто непредвиденное. Жена Боба встала со своего места и громко произнесла:

— Я ему изменила.

— Что?— удивился председатель.

— Я ему изменила,— повторила женщина.

Лицо у председателя передернулось. Он оставил Бо-

ба, подошел к женщине и с минуту не знал даже, что делать. Потом снова взял себя в руки и сказал с восхищением:

— Браво, милая, браво! Я всегда говорил: человек интересен именно тем, что в нем живут одновременно и добрый и злой, и богатый и бедный, и черный и белый. И ты это доказала.

— Я изменила ему,— упрямо повторила женщина.

— Мистер Изерли, мы выбрали вам на редкость хорошую жену.

— Я изменила ему.

— Но, милая, когда же это ты успела?— вынужден был поинтересоваться председатель.

— Я изменила ему сию минуту.

— Но как же, как?

— Мысленно,— ответила женщина и посмотрела прямо ему в глаза.

Председатель с трудом подавил в себе ярость. Он потерпел поражение и притом окончательное, ибо слова женщины были, в сущности, его словами. И во взгляде его выразился укоризненный вопрос: «Это было мое, только мое средство... Какое ты имела право прибегать к моему средству?..»

Зал шумел и требовал, негодуя:

— Развести, развести их!

— Нашим уставом разводы запрещены,— растерянно выкрикнул председатель.— И никаких исключений не допускается.

— Судить изменницу!

— Но ведь вы же знаете, что у нас нет суда, что нам не полагается его иметь.

Боб теперь только внимательно пригляделся к женщине, теперь только разглядел, какая она красивая, и как

хорошо сложена, и какое у нее крупное, тугое тело. Она стояла в непринужденной позе, и две верхние пуговицы на ее халате были расстегнуты.

Председатель между тем подозвал своего заместителя и весь бледный спросил:

— Что нам делать? Если правительство узнает об этом, нашей организации крышка.

— Мы не имеем права ни выгонять ее, ни держать у себя,— ответил заместитель.— Может, проще всего замять дело?

— Не удастся,— с отчаянием сказал председатель.— Она будет упорно твердить свое.

Женщина вышла из-за стола и спокойно покинула зал.

— Можно мне на минутку выйти?— ни на кого не глядя поднял руку Боб.

Председатель посмотрел на него с подозрительностью:

— А зачем?

— Мне нужно кой-куда...

— Кой-куда?.. Но, помилуйте, мы собрались на торжественный вечер. Неужели вы считаете пристойным, мистер Изерли, говорить о подобных вещах в присутствии столь многочисленного собрания?

— Но ведь я же в семейной обстановке, со своими детьми и женой. Я могу чувствовать себя свободно и непринужденно.

Эти слова понравились залу, и он ответил аплодисментами и криками:

— Разрешить, разрешить ему!

Председателю пришлось выполнить это требование. Боб вышел со сцены. За кулисами он сорвал с себя белый колпак, снял ночную рубаху и облачился в свой костюм. Потом отправился искать женщину. Хотел еще раз ее увидеть, пожать ей руку и поблагодарить...

Он попал в коридор со множеством дверей, но, к удивлению Боба, все эти двери, к которой бы он ни подходил, оказались запертыми. Женщины не было, она исчезла.

Возле одной из дверей стоял робот. Боб подошел к нему и спросил:

— Тут тоже заперто?

Робот очень вежливо поклонился и, сделав руками пригласительный жест, сказал:

— Пожалуйста.

Боб осторожно нажал на ручку и, переступив через порог, оказался на улице. Он тут же повернулся обратно, толкнул дверь, но почувствовал, что она заперта. Потом он увидел несколько знакомых лиц. Это были представители других организаций, давно его поджидавшие.

Боб, недолго раздумывая, бросился бежать. Прохожие сразу его узнавали и, остановившись, с восхищением смотрели вслед. Вскоре остановился и транспорт и вдоль обоих тротуаров выросли плотные стены из людей. Посыпались аплодисменты и крики: «Ура!» Боб бежал по самой середине улицы. Бежал, ничего вокруг себя не видя. Бежал, напрягая все свои силы. А люди смотрели на него и восхищались. «Посмотрите,— говорили они,— как хорошо он бежит!» И никому даже в голову не приходил вопрос: «А куда это он бежит? И почему бежит?»

Глава 8

Наконец-то ты сбежал от них. Ты находишься в скромном городишке, где дома не разукрашены твоими улыбающимися портретами. Ты никому не знаком здесь. И хотя люди иногда на тебя оглядываются, ты вовсе не злишься и даже радуешься,— ведь это от того, что они все тут

давно друг друга знают, а ты незнакомец, потому на тебя и смотрят.

Ты невольно улыбаешься, тебе известно, что герои существуют только для столиц.

В городке царит удивительный порядок, здесь все как будто рассчитано — и улицы, и дома, и товары, предназначенные для продажи, и число прохожих, и даже их походка...

Лишь в одном месте порядок этот нарушается. Ты идешь по улице и еще издали замечаешь, как двое мужчин о чем-то шумно и разгоряченно спорят. Если сейчас их ктонибудь не разнимет, то похоже, что они всерьез подерутся. Ты подходишь поближе и, потоптавшись рядом, делаешь робкую попытку вмешаться...

— В чем дело? Успокойтесь.

Они оба оборачиваются на твой голос, смотрят на тебя с удивлением, и наконец один из них огрызается недовольно:

— А тебе что? Ты кто такой?

Во взгляде другого — такое же недовольство.

Ты пожимаешь плечами и продолжаешь свой путь. Через несколько шагов ты оглядываешься и видишь, что спорщиков словно ветром сдуло, их нет уже на улице... порядок восстановился... (усмешка)... с твоей помощью...

Ты заходишь в кафе, где очень мало народу и столы расставлены... в строгом порядке. Ты садишься в углу и заказываешь себе пива. Ты медленно попиваешь свое пиво и слушаешь какую-то французскую песенку, поет которую некто Шарль Азнавур. Французский язык ты знаешь плохо и до тебя доходят только отдельные слова. Ты пробуешь связать эти слова друг с другом и уловить их смысл.

Этот вечер так важен мне... У тебя день рождения... Я сегодня как взвинченный... Ни слова не говорю... Платье... Четверть девятого... Надеваешь платье... Твои волосы... театр... театр вечером... Ануй, Сартр... Bon anniversaire... Наконец ты оделась... Чтобы выиграть время... Мы оба взвинчены... Театр закрыт... Ты смеешься... я целую... Bon anniversaire, bon anniversaire...[1]

Песенка кончилась. Кончилось и пиво.

У стойки бармэн разговаривает со своим приятелем, и ты слышишь неторопливый их разговор.

— Жена вот снова рожать собирается,— говорит бармэн.

— Это который же будет?

— Восьмой.

— Но как это так вышло? Ты ведь не хотел?

— И сам не знаю... Случилось...

«Ты кто такой?» До сих пор тебе ни разу не задавали такого вопроса. И в самом деле, кто ты? Что ты за человек?

Ты снова заказываешь кружку пива и чувствуешь, что тебе уже становится скучно. Надо, значит, придумать что-нибудь такое, чтобы время не тянулось, надо занять себя чем-то.

Ты смотришь на улицу и приветственно машешь кому-то прохожему, а он в удивлении останавливается по ту сторону стекла, вглядывается в тебя недоумению, потом, кивнув, уходит.

— Если в ближайшее время не выяснится вдруг, что какой-нибудь богатый родственник, умирая, оставил мне наследство,— говорит бармэн,— я пропал.

— А много у тебя родственников?

— Ни одного.

[1] С днем рождения.

— Тогда на что же надеешься?

— На то и надеюсь... Будь у меня родственники,— улыбается бармэн,— и рассчитывать бы не приходилось. А так, чем черт не шутит, того и гляди...

А интересно было бы выяснить,— приходит тебе мысль,—когда именно ты совершил самую большую в своей жизни ошибку?

Ты можешь позволить себе найти эту ошибку, потому что сейчас это не так уж важно, потому что сейчас в этом нет необходимости, потому что сейчас это только игра... Ты просто заскучал и хочешь развлечь себя...

Тебе тогда было восемнадцать лет.

В городе, в котором ты родился и вырос, в этом маленьком городишке, где единственной достопримечательностью был дом мэрии, жила одна очень красивая девушка. Возле дома, где она жила, с утра и до вечера околачивались почти все городские ребята, или, вернее, те из них, кто хоть чем-нибудь да выделялся — либо внешностью, либо силой, либо богатством. Среди этих ребят находился и ты. У тебя была достаточно привлекательная внешность, было немного денег и силы тоже хватало. И хотя никто не водил с тобой дружбы, но присутствие твое коекак терпели.

Родители девушки были люди небогатые. Об этом вы догадались уже из того, что за неимением занавесей они завешивали обычно свои окна газетами.

Странное дело: когда ребята собирались вокруг этого дома, никто из них ни слова не говорил о ней, все говорили о чем-нибудь совсем другом и больше всего почему-то о других девушках. Даже на дом ее не смотрели. А когда она, с кем-нибудь из своих, появлялась на улице, ребята, соблюдая приличное расстояние, кучками следовали за ней. Ты, конечно, догадываешься сейчас, что эта девушка бы-

ла несчастливая, потому что в нее были влюблены все и значит — никто. Фактически это было бессмысленное соперничество с одной только целью — дождаться и посмотреть, кто же из них все-таки окажется первым.

Как-то раз ты чудом встретил ее одну в глухом уголке городского парка. Ты увидел ее и не поверил своим глазам.

Затаив дыхание, ты подошел и присел на ту же скамейку и краешком глаза стал посматривать на нее. Девушка невольно заулыбалась, и этой улыбкой она себя выдала. Ты уже был уверен, ты точно знал, что вы сейчас познакомитесь. С ней мог бы познакомиться любой парень, любой, кто подошел бы и заговорил с ней первым. Иначе она не могла. Другого выхода у нее не было. Она должна была влюбиться в этого первого же парня. И ты, такой обычно робкий и такой застенчивый, почувствовал себя уверенно и спокойно.

— Как тебя зовут?— спросил ты, подсаживаясь поближе.

— Диана.

— А меня — Боб.

Потом ты задал несколько глупейших вопросов.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Ты видела меня раньше?

— Нет, не видела.

— Ты мне очень нравишься... А я тебе нравлюсь?

Ты обнял ее за плечо и поцеловал в щеку. Она не противилась, и ты точно знал, что она не станет противиться.

Внезапно перед вами вырос один из тех самых ребят. Он постоял, посмотрел на вас, потом повернулся и зашагал прочь. Ясно было, что через каких-нибудь несколько минут весть распространится по всему городу.

Вы встали со скамьи и пошли по аллее. Она шла с высоко поднятой головой, даже взяла тебя под руку, и ты тоже был весь переполнен гордостью и чувствовал себя этаким гоголем.

Ты проводил Диану до самого дома и договорился о свидании на следующий день — за городом, на берегу реки.

Когда ты достаточно удалился от дома, навстречу тебе выступило несколько парней. Ты сделал вид, что не обращаешь на них внимания, но не прошло и минуты, как ты лежал на земле лицом вниз. Кто-то подставил ногу и ловко сбил тебя. Это было так неожиданно и так не вязалось с твоей победой! И от изумления ты долго не мог сообразить, что надо бы подняться. Потом случилась вещь еще более обидная: двое взяли тебя за плечи и поставили на ноги. Потом один ударил тебя кулаком в лицо, и ты снова свалился. Ты не мог ответить на удар ударом. Ты вообще не умел драться руками. Ты мог ударить когонибудь только в том случае, если в руке у тебя была какаянибудь палка, или кусок железа, или, скажем, камень. А без посредства чего-нибудь, просто рукой ты бить не умел, не мог.

— Чтоб впредь тебя с ней не видели,— сказано было тебе, и ты со страхом кивнул.

Они оставили тебя и пошли дальше. Ты заплакал. Заплакал от стыда и от ненависти. Ты почувствовал, что ненавидишь в эту минуту Диану. И знаеш почему? Потому что ты струсил и уступил ее. С легкостью уступил, без всякого боя. И такая в тебе была ненависть, такое презрение, что ты уже был вынужден, понимаешь, был вынужден сделать нечто еще более отвратительное. Ты повернулся и исступленно крикнул вслед уходящим, что

завтра с ней встретишься, и крикнул — где. И этим ты отомстил, причинил вред — им всем.

Они посмотрели на тебя с презрением, посмеялись и ушли.

На следующий день ты затаился в кустах недалеко от того места, где назначено было свидание. Ты видел, как пришла Диана. Потом появились тоже прятавшиеся где-то поблизости ребята. В них не осталось теперь ни капли уважения к девушке, потому что выяснилось, что она может с кем-то из них встречаться и даже более того — с первым, кто это ей предложил...

Ты знал, что будет дальше, и потому убежал. Правда, тебе очень хотелось остаться — остаться и посмотреть,— но хотя тебе и очень этого хотелось, ты тем не менее убежал. Убежал от самого себя.

А потом все в городе шло по-прежнему. Как будто ничего особенного не случилось. И единственной в городе достопримечательностью по-прежнему оставался дом мэрии.

Тебе уже пошел двадцать первый год.

Отец полез в долги, набрал сколько-то денег и отправил тебя в столицу — получать образование. С тобою был и самый близкий твой друг. Обоим вам нужно было по вечерам зарабатывать, но найти работу никак не удавалось.

Однажды вы наконец узнали, что где-то требуются продавцы газет. Вы надели лучшие свои костюмы и отправились по указанному адресу.

Когда вы предложили свои услуги, выяснилось, что нужен только один человек. И пока твой друг пытался уговорить, что, дескать, может быть, найдется и второе место, ты тихонечко вышел из этой конторы, ты исчез. Уступил место другу. Сделал доброе дело.

Но, постой, постой, при чем тут все это? Ведь ты же, кажется, ищешь сейчас самую большую ошибку своей жизни? А в данном случае ты поступил как раз благородно. Нет, ты отлично знаешь, что это не так. И что это тоже одна из самых больших в твоей жизни ошибок. Ты не должен был уступать место. Ты слицемерил. Солгал сам себе. Сыграл в благородство перед самим собой. Ведь от того, что ты уступил место другу, ничего в сущности не менялось. Было все равно, кто из вас пойдет работать. Вы были друзья. И все, что у вас было, вы делили поровну.

Постой, постой... Давай все-таки выясним, какая твоя вина. Убежал от самого себя... Верно? Ты так, кажется, подумал? А знаешь, что это-то как раз и меняет все дело? Это означает, что в первую очередь ты ненавидел себя. И твоя ненависть была так велика и сильна, что ты побоялся остаться против нее один и сразу же перенес ее на Диану. Ты и ее ненавидел. Потому что очень, очень уж ненавидел себя.

Вспомни, это важно. Ты ненавидел себя.

И потом, ты ведь сам признал, не правда ли, что ни ты, ни эта девушка не любили друг друга всерьез. На твоем месте мог бы оказаться кто угодно. Ей это было все равно. Да и чем ты был лучше остальных ребят?

Но почему ты выдал ребятам место свидания?

Нет, это не так. Почему ты не признаешься, что они тебя заставили? Они же были не дураки, они сразу сообразили, что ты назначил ей свидание.

Их было много. И они тебя заставили.

Нет, тысячу раз нет! Правда, тебя били, но ты держался неплохо, ты не хотел сдаваться и без конца повторял, что все равно и впредь будешь встречаться с Дианой и

что завтра, как договорился, пойдешь к ней на свидание, все равно пойдешь... на берег реки... Ну, признайся же, признайся, что было так.

Но ведь назавтра ты сначала спрятался в кустах, а потом сбежал, оставив девушку без защиты. Ты же знал, что может произойти потом.

Ошибаешься. Опять ошибаешься. Ничего ты не знал, да и знать не мог. И потом, кто тебе дал право так плохо, так гнусно думать о ребятах? Они могли просто посмеяться над девушкой, позубоскалить немного и уйти, оставив ее в покое. Ты удрал не от страха, а со стыда. Со стыда, что так плохо думаешь о ребятах, о своих же ровесниках.

Вот видишь, все это только на первый взгляд кажется ясно и просто. Но когда разберешься толком, оказывается, что никакой особенной вины и не было. Выдумал ты ее. И зря. Очень зря.

И во втором случае ты тоже поторопился с выводами. Тоже выдумал вину. Ведь ты же не успел сообразить и обдумать все в тот самый момент, когда выяснилось, что работа есть только для одного. Все это пришло тебе в голову позже, потом, когда ты оказался перед свершившимся фактом... Когда стало ясно, что друг твой работает, а ты преспокойно пользуешься его заработком. Преспокойно? Нет. Разве ты не помнишь, как тяжело это на тебя действовало? Как ты старался хоть чем-нибудь да помочь ему? Не остаться в долгу перед товарищем.

И наконец, зачем ты так упорно отрицаешь, что в тот день ты все-таки вел себя искренне, что ты действительно хотел сделать доброе дело?

Ну что же, ты честно провел свою игру. Во всем признался. Кое-что даже преувеличил, приписал себе такие

вещи, которых не было. Придумал себе вину. Искал ее там, где и не мог найти. Словом, отнесся к себе беспощадно.

Твоя беспощадность доказывает, что ты все-таки не виноват. Это беспощадность человека, которому нечего стыдиться. Ведь ты же отлично знаешь и себя, и тот мир, в котором живешь. Будь у тебя на самом деле какая-нибудь вина, ты не смог бы отнестись к себе так беспощадно.

Ладно, и все-таки — какова самая большая ошибка в твоей жизни? Была у тебя, в конце концов, такая ошибка или же ее не было?

Знаешь, какова именно самая большая ошибка в твоей жизни?

Однажды ты пошел домой из школы не по обычной своей короткой дороге, а, увлеченный соревнованием велосипедистов, свернул с этой дороги и пошел по длинной.

Однажды ты допустил в школьном диктанте двенадцать орфографических ошибок.

Играя в футбол на школьном дворе, хотел обязательно быть вратарем.

Никогда ничего не запоминал наизусть, как ни старался, не выходило, и отвечая, ты неминуемо путал слова.

Самую большую ошибку ты совершаешь сейчас, пытаясь найти такую ошибку. Но ведь это же игра. Тебе стало скучно. Ты хочешь развлечься. Ты убиваешь время. И этим как раз совершаешь еще одну ошибку, может быть, бóльшую, чем все, какие были до сегодняшнего дня.

Ты поднялся из-за столика, расплатился за пиво и вышел на улицу. Городок был маленький, и ты очень скоро нашел единственную в нем гостиницу. Ты попросил

себе номер и поднялся наверх. Комната была узкая и не очень чистая. Ты спросил, почему в номере нет ванной. Ответили, что ванная на первом этаже. Ты спросил: а есть ли горячая вода? Ответили — нет.

Через некоторое время ты снова спустился и вышел на улицу. Ты так долго бродил по этому маленькому городу, что на тебя уже перестали обращать внимание. К твоему лицу уже привыкли. Кафе закрылось. Закрылись и магазины. Закрылся газетный киоск. И ты не знал, куда деваться от праздности и скуки. Открыта была только телефонная будка. Ты вошел туда, захлопнул за собой дверь и набрал какой-то номер. Потом ты услышал свой собственный голос:

— Алло... Это из организации «Здоровый дух, здоровое тело»? Сегодня у вас назначена со мной встреча. Сейчас я на станции номер один... Вы можете приехать и забрать меня...

Глава 9

А Хиросима?

Про Хиросиму он забыл.

Хиросимы не было.

Хиросима была не в нем.

Она была сама по себе.

Она не имела к нему отношения.

Потому что, все равно, Хиросима была бы. Независимо от него. Независимо от того, он есть или нет его.

Независимо от того, родился или не родился Клод Изерли.

Клод Роберт Изерли — это его полное имя, а вообще его называют попросту Боб...

Часть вторая

Глава 10

Бобу позвонили из дворца и сообщили, что его приглашает к себе Бонапарт. Попросили явиться в военной форме и при всех орденах. Когда же Боб поинтересовался о причинах приглашения, сказали, что будет разбираться судебное дело Отца атомной и Отца водородной бомбы.

Надевая мундир, Боб услышал за спиной чей-то голос:

— Ах, какой вы красивый!

Боб обернулся и увидел робота, который считал себя машинисткой. У него давно уже была скверная привычка подглядывать за Бобом в замочную скважину. Сейчас он, наверное, тоже подглядывал, а потом незаметно прокрался в комнату.

— Как вам идет эта форма!— трещала «машинистка»:— Я умираю от любви к вам... Я хочу быть вашей любовницей... Можно, я приду к вам сегодня ночью?

— Приходи,— сказал Боб лишь бы отделаться

— Правда?— обрадованно воскликнул робот. Потом добавил шепотом:— Об одном только прошу вас — чтобы не узнал тренер.

— Чего ты боишься?

— Я его любовница.

— А почему именно его?
— Он настоящий мужчина.
— А!
— Теперь вы наконец верите, что я машинистка?
— Вполне.

Боб вышел из комнаты.

В коридоре его ждали дипломат, философ и робот от искусства.

— Возьмите нас с собой,— сказал философ.

— К сожалению, меня пригласили одного. Не знаю, насколько это будет удобно, если мы заявимся туда вчетвером.

— Может, вы позвоните и попросите разрешения?

— Не понимаю, почему вам так хочется пойти со мной?

— Чтобы быть при вас и помочь вам советами. Вы одни не справитесь. Ведь сегодня же разбирается ваше дело. Вас будут судить.

— Меня? Ничего подобного. Судить будут других. И я тут ни при чем.

— Сегодня разбирается ваше дело.

— До сих пор вы бывали откровенны со мной... Не так ли?..

— Мы ни разу не видели Бонапарта, нам хочется его увидеть,— признался философ.

— Я бы с радостью выполнил вашу просьбу, но это невозможно,— сказал Боб и направился к двери.

— Сегодня разбирается ваше дело,— сказали ему вслед все три робота.— Сегодня вас судят, будьте осторожны.

Боба привели в небольшой зал, где уже собралось человек около двадцати.

Боб удивился, потому что в зале не было ничего, напоминающего суд. В центре был накрыт роскошный стол, и за этим столом сидели гости.

Боб по-военному отдал честь, потом поместился рядом с Джо, также оказавшимся в числе приглашенных.

И поскольку все за столом ели, Боб тоже принялся за еду.

— Я очень рад,— нарушил наконец молчание император,— что между двумя Отцами возник серьезный и принципиальный спор. Я их обоих поздравляю, независимо от того, кто из них победит и кто потерпит поражение. Я надеюсь, что они оба помогут нам сегодня найти истину.

После этого Бонапарт поднялся с места и обменялся с Отцами торжественным рукопожатием.

Отец водородной бомбы имел вид чрезвычайно солидный и представительный. На нем был фрак, но ботинки не черные, как полагалось, а коричневые. Он попросил прощения и объяснил: в последние минуты, когда он уже одевался, чтобы идти во дворец, выяснилось, что черные ботинки ему тесноваты, а он хотел бы чувствовать себя во всех отношениях свободно, доказывая собравшимся свою правду.

Отец атомной бомбы был полная ему противоположность. Он был невысок и тщедушен и тоже во фраке. Он поднялся и сказал:

— Я прошу принести мне коричневые ботинки, потому что в противном случае у меня будет хоть и малое, но все-таки преимущество по отношению к моему коллеге. Я хочу, чтобы он находился в равных со мной условиях.

Слово это было встречено всеобщим одобрением. Во дворце начали искать коричневые ботинки. Наконец таковые были найдены и принесены.

— Но почему обязательно коричневые?— спросил Вильгельм Икс.— Ведь проще было принести черные — для вашего противника.

Вопрос этот был настолько логичен, что не мог не повергнуть всех в замешательство.

— Никто из вас не будет выходить из-за стола,— предложил наконец какой-то генерал,— а под столом ботинок не видно...

Выход был найден. Отцы обменялись рукопожатием и от души пожелали друг другу удачи.

Выступление Отца водородной бомбы

(Хроника. Отчасти дополненная воображением.)

Как вам уже известно, я обвиняю моего дорогого коллегу и друга в том, что он препятствовал созданию у нас водородной бомбы. В результате, по его вине, мы значительно отстали в этой области. Свое поведение он оправдывает следующими обстоятельствами:

а) бомбу нельзя производить по причинам моральным; процесс производства бомбы слишком рискован, и неизвестно, возможно ли ее вообще произвести;

б) с военной точки зрения это оружие обладает слишком большой разрушительной силой, и потери были бы бессмысленно велики;

в) невозможно мирное использование водородной бомбы.

Верно ли я изложил ваши аргументы?

— Да, благодарю вас,— проговорил Отец атомной бомбы.

— Я понимаю, что ваши колебания и тревога были продиктованы самыми высокими человеческими чувствами. Я понимаю, что вы испытываете личную ответственность за двести тысяч жертв Хиросимы. Я понимаю эти чувства, они могли бы дать современному Шекспиру сю-

жет для трагедии нашего века. Не наша задача — изучение всякого рода эмоций. Но я должен отметить, что у моего дорогого друга эмоции превратились в своеобразную политическую линию.

Вдумаемся внимательно в основные его аргументы. Что ставит он на первое место? Препятствия морального порядка. Только действительно свободному человеку свойственны угрызения совести и способность применять критерии морали. Но как ученый я не могу стать на колени ни перед каким, даже самым святым чувством. Еще в школе меня учили, что совесть — это своего рода внутренний неподкупный судья, который судит наши действия, не учитывая обстоятельств и не поддаваясь влиянию временных интересов. Из этого явствует, что совесть вовсе не объективное мерило, что два человека могут один и тот же факт оценивать по-разному. Один почувствует укоры совести, а другой, напротив, будет удовлетворен и полон гордости. Известно также, что совесть — это категория моральная и ни в коем случае не научная. Я считаю гибельным для каждого научного исследования, когда к нему приступают с априорным моральным, политическим или философским предубеждением. Наука не имеет ничего общего с этими понятиями так же, как ее не интересует и религия. Это проблемы иного мира, наука по отношению к ним безразлична. Если ученый будет рассматривать научную идею сквозь очки морали, то он запутается не только как моралист, но и прежде всего как ученый.

Обращаясь к отцу атомной бомбы:

— Может, вы чего-нибудь выпьете?

— Спасибо, мне нельзя, у меня печень больная.

— Видите ли, я буду говорить долго, и если вы ничем себя не займете, мне трудно будет продолжать. Мне будет казаться, что я уже наскучил.

— Я слушаю вас с интересом.

— Все равно, разрешите что-нибудь предложить вам. Ну хотя бы из еды... Иначе мне будет трудно вас обвинять. Я прошу помочь мне...

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Чего бы вам хотелось? Что вам подать?

— Не беспокойтесь, я сам.

Отец водородной бомбы продолжает:

— Мы имеем дело с великим ученым, но мы часто ошибаемся, считая, что величие в одной сфере деятельности должно означать исключительное дарование и в других областях интеллектуального творчества. Наполеон Бонапарт рисует... Простите, ваше величество, но вы сами учили меня быть откровенным... Отец атомной бомбы пишет стихи. И, к сожалению, не только стихи. Он также вмешивается в политику и, что еще хуже, сваливает в одну кучу политику и физику. Он убежден, что лишь ученые способны управлять миром. Сегодня, когда в руках ученого сосредоточены огромные силы, эта идея становится еще более заманчивой и привлекательной. Очень легко поддаться мысли, что сила, которую ты освободил, по праву принадлежит тебе.

Пацифизм сегодня опасен. И опасен тем более, что в научной среде он считается чем-то само собой разумеющимся. Он становится как бы признаком хорошего воспитания, он является чуть ли не символом веры каждого научного работника. Я думаю, что людей влечет к пацифизму потому, что они не способны понять войну как одну из возможных форм мирового развития. Мы бы смеялись над генералом, который, обучая армию, не допускал возможности, что эта армия когда-нибудь действительно будет сражаться. Интеллигентам мы такой ход мысли прощаем. Но тот ученый, который по каким-либо причи-

нам исключает войну как одно из возможных решений мировых проблем, должен по логике вещей сделаться нашим противником.

Вновь обращается к Отцу атомной бомбы:

— Не слишком ли быстро я говорю?

— Нет, нет, не беспокойтесь.

— Знаете что я вспомнил: в школе мне всегда снижали отметку за то, что я говорил слишком быстро и проглатывал слова. Вы ведь помните, не так ли?

— Конечно.

— И в самом деле, мы ведь, кажется, учились вместе?

— Да, если не ошибаюсь, мы с вами были одноклассники.

— Да, да, ну конечно же... Это не вы разве побились однажды об заклад, что спрыгнете со второго этажа?

Отец атомной бомбы, краснея:

— Я.

Отец водородной бомбы продолжает:— Мой уважаемый коллега присвоил себе своеобразную монополию на моральные оценки. Неизвестно почему, но он счел себя призванным судить других, осуждать ученых, которые отдали свои способности производству водородной бомбы. Дело дошло до того, что он ухватился за метод, который принадлежал мне и который я сам уже считал пройденным этапом. Он горячо пропагандировал этот метод среди ученых. Трудно представить себе большую трагикомедию: я отрицаю свое собственное открытие, а он упорно его отстаивает.

Он не захотел нам помочь. Но, быть может, ученый имеет на это право? Нет, не имеет. От солдата требуется, чтобы он в бою отдавал все — свой энтузиазм, возможности и весь свой моральный потенциал. То же самое мы должны требовать от ученого.

По Боссюэ, еретиком является каждый, кто имеет свое мнение и руководствуется своими мыслями и личным чувством.

Нельзя впадать в сентиментальность, если кто-нибудь твердит, что то или иное наше действие не согласуется с высокими принципами идеальной демократии. Я обеими руками за демократию. Однако наша демократия не должна бояться использовать кулак, ибо в противном случае мы ее потеряем.

Отцу атомной бомбы:

— Вы не обижаетесь на меня?

— Нисколько.

Затем неожиданный вопрос:

— Простите, а вы хорошо учились в школе?

— Не помню. Средне, наверное.

— Кажется, у меня сохранилась школьная фотография, на которой есть и вы...

Выступление Отца атомной бомбы

(Хроника. Отчасти дополненная воображением.)

(Устало и медленно, не слыша собственного голоса):— Отец водородной бомбы сделал попытку доказать, что производство бомбы является вопросом чисто техническим, что ученого не должно интересовать ничто другое, кроме того, как лучше всего и быстрее всего создать бомбу. Я с этим не согласен. Хотя наука сама по себе безразлична к добру и злу, праву и бесправию, однако ученый не может быть безразличен к ним. Водородная бомба может уничтожить сразу целые нации. Если она будет применена, никто не отделит виновника от жертв, друзей от

врагов, матерей от детей, все сольется в одну безликую массу, которая превратится в пепел.

Производство водородной бомбы имело бы смысл лишь в том случае, если бы с ее помощью мы смогли достигнуть мощного политического нажима, то есть если бы мы достигли такого военного преимущества, чтобы без войны принудить противника принять наши требования. Для этого мы должны были бы получить многолетнее преимущество и быть убежденными, что противная сторона не сможет нас догнать. Однако тот факт, что русские в такой короткий период создали атомную бомбу, должен был бы стать для нас предупреждением. Мы могли бы прийти к заключению, что нам не удастся удержать необходимое преимущество.

— Вы хорошо начали,— вставил Отец водородной бомбы.— Я очень рад за вас.

— Самая большая опасность, угрожающая сегодня человечеству,— это слепой фанатизм, который судорожно искажает веру и в который впадают люди и целые общества. Я боюсь этой судороги, этой изнанку вывернутой веры. Я боюсь шовинистов всех направлений, наций и рас. Фанатизм плюс водородная бомба, плюс безразличие — это самая прямая дорога к гибели человечества.

Отец водородной бомбы:— Не приведете ли вы какой-нибудь конкретный пример, дабы ваши слова произвели более сильное впечатление? Я говорю это между прочим, в порядке помощи.

— В Хиросиме в одной из больниц люди умирали от лейкемии и внутреннего кровоизлияния, вызванного радиоактивным излучением. Большинство больных было обречено, жить им оставалось несколько дней. В саду жгли трупы, все говорило о том, что Япония находится в предсмертной агонии. И в эту призрачную больницу

явился какой-то человек из соседнего города и распространил слухи о том, что японские самолеты в отместку бомбардировали Сан-Франциско, Сан-Диего, Лос-Анжелос и уничтожили еще больше людей, чем мы в Хиросиме. И как вы думаете, что случилось? Люди прокляли бессмысленную войну? Вовсе нет. В этот момент все обрадовались. Те, у кого были самые тяжелые раны, развеселились особенно. Все эти уроды и обреченные на смерть начали шутить и наконец запели песню победы, конечно, японской победы.

Я не считаю японцев отсталой восточной нацией, такому сумасшествию может поддаться любая нация. И это меня ужасает.

Отец водородной бомбы (взволнованно и восхищенно):— Браво! Этот ваш пример действительно впечатляет. И он очень поможет вам в споре со мной.

— В будущем мерилом преимущества общественных систем и режимов будет нечто иное, чем только автомобили и холодильники: это — мера свободы, которая будет обеспечена человеку.

Наука определенным образом демократична и она не терпит никаких предписаний. Ученый может позволить себе задать любой вопрос, может сомневаться в любом утверждении, потому что он должен находить доказательства и каждую ошибку он должен стремиться исправить. Ученые Вильгельма Икса во время войны не смели даже допустить мысль, что их империя может быть разбита. Все свои планы они основывали на абсолютной уверенности, что они навечно будут хозяйничать во всей Европе. Они построили очень много заводов и принялись решать такие задачи, которые они не могли выполнить и не выполнили. Однако, если бы кто-нибудь из этих ученых высказал сомнение, на него бы набросилась вся

свора и он не избежал бы концентрационного лагеря. Поэтому, несмотря на усилия и прекрасные результаты в некоторых областях, они должны были проиграть. Они проиграли из-за отсутствия свободы.

Вильгельм Икс (взглянув на Бонапарта):— Правильно... Совершенно правильно.

Отец атомной бомбы продолжает устало и равнодушно, не слыша собственного голоса:— Если мораль общества является здоровой и нормальной, мы не должны бояться, что какой-нибудь одиночка ее отвергнет. Сейчас, когда нам угрожают тысячи ловушек техники и механизация человека, мы должны больше чем когда-либо требовать свободы личности, а не подчиняться слепо и безоговорочно тому, что обычно считается правильным и несомненным. Больше чем когда-либо мы должны заботиться о человеке. Мы видим настойчивую необходимость в новых связях между людьми. Я боюсь того, что мы переживаем сейчас; мы живем в домах и не знаем соседей, мы все чужды друг другу. И хотя вы, может быть, будете смеяться надо мной, я мечтаю об обществе, где дети учат стихотворения наизусть, где женщины танцуют в хороводах, где каждый чувствует искусство и стремится к науке. Нельзя возразить против того, что мир приобретает неорганический характер...

Мы слишком неравны, чтобы жить совместно. Художник одинок, а ученый негодует потому, что никто не прилагает усилия, чтобы научиться тому, чему мог бы научиться. Никогда раньше нам не нужно было так настойчиво искать новые формы общественного сосуществования. Еще никогда не было под такой угрозой благородство внутреннего, вечного и настоящего искусства, честь ремесла, потребность сохранить юмор и красоту...

Я не задумывался над тем, оптимист я или пессимист.

Не скрываю, однако, что меня тревожит будущее человечества. Я боюсь безразличия людей, послушных, как овцы. Я боюсь, что люди совершенно не понимают опасности, которую несет в себе наш век. Боюсь, что они поймут это слишком поздно. И часто я вспоминаю остроумный афоризм Лихтенберга, который говорил: человек мало учится на опыте, потому что каждая новая глупость является ему всегда в новом обличии. Главная проблема — не атомная энергия, а сердца людей. Я ужасаюсь, как быстро падает моральный уровень. Уже никому не кажется страшным, когда уничтожают целые города...

Попробуйте подумать, какова реальная обстановка сегодня и что происходит. Жизнь ограничивается лишь существованием и ожиданием смерти. Каждый поступок ограничивается мерилом одного дня, который может стать последним. Человеку кажется, что он идет в ничто... Мы не должны это допускать. Мы не смеем это допускать. У человечества никогда не было большей ответственности.

Вильгельм Икс:— Вы говорите как очень обиженный человек.

— Нисколько. Притом я полностью согласен с Макиавелли, что неблагодарность — это основная обязанность государя.

— Я недоволен вами,— сказал Бонапарт.

Наступило каменное молчание.

Бонапарт допил последний глоток кофе и перевернул чашку вверх дном.

— Вы усложнили наше дело,— продолжил он,— потому что оба были по-своему правы. Я недоволен не потому, что мы не можем установить виновного, а потому, что перед нами не предстала истина.

— Но ведь они говорили с разных позиций,— заметил кто-то.

— С разных, но оба были по-своему правы.— И после минутного молчания Бонапарт произнес:— Мы люди деловые, и нам нужна только одна-единственная истина.

— Простите, ваше величество, но кому вы все-таки отдаете предпочтение?

— Не скрою: Отцу водородной бомбы.

— Так, стало быть...— подхватил было Вильгельм Икс.

— Мои предпочтения ничего не решают,— перебил его Бонапарт.— Они ни в коей мере не снимают правоту Отца атомной бомбы.— Бонапарт взял в руки кофейную чашку и стал внимательно в нее всматриваться.

— Вы не дали ей остыть, ваше величество,— забеспокоился Вильгельм Икс.— Подождите еще немного.

— Встать!— приказал вдруг Бонапарт.— Марш в угол!

— Но почему, ваше величество? За что?

— Тысячу раз было сказано — не подлизываться ко мне.

Вильгельм Икс вышел из-за стола и, понуря голову, поплелся в угол.

— Разрешите мне сказать несколько слов,— вытянул руку Отец водородной бомбы.

— Пожалуйста.

— Я всецело с вами согласен, ваше величество. Отец атомной бомбы говорил чрезвычайно умно и доказательно, возражать ему трудно. Но это, конечно, не означает, что я отказываюсь от своей точки зрения. Я хочу только сделать некоторые добавления к тому, что уже сказал.

Второе выступление Отца водородной бомбы

(Хроника. Еще более дополненная воображением.)

Мои взаимоотношения с Отцом атомной бомбы не были дружескими, но, думаю, что не единым словом я не возбудил здесь сомнений в его научной квалификации и авторитете. Напротив, я хочу еще раз отметить, что Отец атомной бомбы — великий ученый. Его талант увлекает. Это ученый с изумительно легким, подвижным и ярким интеллектом. Я всегда восхищался им и сейчас не скрываю своего восхищения. Ученики Отца атомной бомбы по сей день произносят его имя с чувством глубокого уважения. Многие из них в настоящее время достигли больших успехов в науке, и этим они обязаны прежде всего своему учителю. Ученые моего поколения, в том числе и я, многому у него научились, и с нашей стороны было нечестно и неблагодарно этого не признавать. Имя Отца атомной бомбы должно быть вписано в историю золотыми буквами. Человечество никогда его не забудет.

— Это неправда!— неожиданно для всех, с искренним протестом выкрикнул Отец атомной бомбы, и в первый раз за этот вечер он услышал наконец собственный голос.

— Встаньте,— любезно предложил Отец водородной бомбы,— сидя трудно выражать протест и возмущение.

— Это неправда,— повторил Отец атомной бомбы.

— Между прочим, я как раз собирался прибавить к уже упомянутым мною достоинствам Отца атомной бомбы еще одно: скромность, чрезмерную скромность, которая во всяком великом человеке является качеством поистине неоценимым. Однако следует признать, что Отцу атомной бомбы, как и всем нам смертным, не чужды

и некоторые человеческие слабости. Простите, я не так выразился... Называть это слабостью было бы, пожалуй, неверно. Да, конечно, неверно. Просто-напросто в нем всегда жила очень естественная потребность, присущая всем без исключения людям: потребность утвердить себя. Это так называемая потребность самоутверждения. Сомнения в его таланте имелись только у одного человека. И как вы думаете, кто это был? Это был он сам — Отец атомной бомбы. В глубине души он не был удовлетворен своей научной карьерой. Необходимо сказать, что он не сделал ни одного открытия, имеющего такое значение, как, скажем, открытия Гейзенберга, Бора или Резерфорда. Ради работы над атомной бомбой, которая была более или менее организационной, он пожертвовал чистой наукой, являющейся для него, как и для большинства ученых, истинной и высшей целью. И так как он не мог прийти к бессмертию этой возвышенной дорогой, он соединил свою судьбу с атомной бомбой и вместе с ней шел к славе и вечности. Атомная бомба стала его личной собственностью, он сжился с ней, считал ее своим достоянием. Идея водородной бомбы была не его. Она принадлежала мне. Он думал, что после моего успеха его слава быстро поблекнет и завянет. Только чувством личной обиды можно объяснить то, что он боролся со мной. Хотя ясно, конечно, что будь даже на моем месте гениальный ученый, и тот никогда не смог бы затмить заслуги и славу Отца атомной бомбы. Но как бы то ни было, я и в этом вопросе понимаю и оправдываю моего коллегу, поскольку в основе его поведения лежит вполне человеческое чувство. Не скрою, что я и сам, наверное, поступил бы так же. Более того, я не могу утверждать, что и сам когда-то ему не завидовал.

Отец атомной бомбы теперь молчал. Он сидел опустив голову и что-то чертил вилкой на скатерти. Он больше уже не мог вскочить с места и так уверенно крикнуть, что все это — ложь. Он знал, что теперь уже ему нельзя будет ни крикнуть, ни услышать свой собственный голос. Он потому и крикнул тогда, всего лишь несколько минут назад, он потому и крикнул, что знал, предчувствовал — потом уже ему будет нельзя, потом уже о нем будут говорить правду...

Одного только не понял никто из присутствующих: почему это Отец водородной бомбы так упорно защищает своего противника? Отец водородной бомбы защищал своего противника потому, что ему не хотелось самому установить и доказать его виновность. Он знал, что об этом прослышит завтра весь город и все станут смотреть на него с презрением. Даже те, кто желал смерти Отцу атомной бомбы. И он хотел оставить себе хоть маленькую лазейку, чтобы и самому потом, вместе с другими, презирать осудившего. Иметь это право. Это крайне необходимое ему право.

В то же время он сделал свое дело: он подсказал Бонапарту тот путь, на котором Отца атомной бомбы можно было окончательно загнать в западню, поставить на колени.

— Я хочу задать вам один вопрос,— сказал Бонапарт.— Как могли вы, придерживаясь таких взглядов, создать атомную бомбу? Ведь вы же знали, что она будет применена? И представляли себе последствия ее применения?

— Я хотел скорейшего окончания войны. И что самое главное, я рассчитывал, что таким путем мы сможем оказывать моральное и политическое давление на весь мир и предотвратить дальнейшие войны.

— Но ведь это достигалось ценою двухсот тысяч жертв?

— Я пошел на компромисс. Я предпочел пожертвовать двумястами тысяч людей во имя спасения еще большего их числа.

— А вы имели это право? Вы спросили у этих двухсот тысяч?

— Нет, я не имел этого права.

— И что вы теперь думаете?

— Что я думаю? Я ошибся... Обманулся...

— Кто же вас обманул?

— Никто. Я сам.

— Чувствовали вы тогда же укоры совести? Сомневались в своей правоте?

— Нет, нет,— горячо отозвался Отец атомной бомбы.— Я потом это почувствовал...

— А честолюбие? Говорило ли оно в вас хоть в малейшей степени?

— Быть может.

— Все ясно. Я приговариваю вас к смерти за то, что вы пошли на компромисс со своей совестью.

— Но ведь вы же довольны результатами моей работы?— растерялся Отец атомной бомбы.— Ведь вы же смотрите на это не так, как я?

— Да, вы правы. Я смотрю на это иначе.

— Тогда на каком основании вы приговариваете меня к смерти?

— Я руководствуюсь не моими, а вашими законами, не моими, а вашими принципами. Я осуждаю вас, исходя из вашей же точки зрения. Я осуществляю над вами самый безукоризненный и самый справедливый суд. Никто не может против этого спорить, и вы — тем более.

— Но я раскаялся,— побледнел Отец атомной бомбы,— я обещаю перемениться, я буду жить по-другому...

— Это невозможно. Если человек хоть раз в жизни

пошел на компромисс со своей совестью, это уже непоправимо.

Воцарилось молчание.

И тогда Отец атомной бомбы глухо проговорил:

— Вы можете судить меня и вынести приговор. Я с вами согласен. Вы правы. Я признаю свою вину. Меня не может оправдать даже то, что я слишком поздно все понял... —Он кашлянул, помолчал мгновение, потом на лице у него появилась едва уловимая улыбка.— Но вам, признающим мою вину, все уже известно. Вам все известно, и именно потому вы осуждаете меня. Вы знаете и понимаете все, а это затруднит ваше дело. Это помешает вам продолжать производство бомбы. Ибо если вы его продолжите, вам уже не будет никакого оправдания... Перед историей и человечеством... Перед вашей совестью... Ваше положение будет гораздо тяжелее моего. Я делал, не зная. Вы делаете — зная.

Отец водородной бомбы смутился. Он сидел, подперев рукой подбородок и уставившись в одну точку. Он старался казаться спокойным и безучастным, однако чем больше он старался, тем явственнее выдавал свое смущение. Он знал, что ему нечего ответить противнику. И все-таки заставил себя хоть что-то сказать

— Какое имеет значение, что думает любой из нас и как он думает? Важно то, что суд был справедливый. И вы сами это признаете.

При этих словах Отец атомной бомбы впервые за весь вечер посмотрел на своего противника с ненавистью и презрением. Потому что Отец водородной бомбы, прибегавший до сих пор к нечестным приемам, но споривший с достоинством, на сей раз предпочел прикинуться простаком.

Бонапарт понял, что разговор окончен. Он с облегчением вздохнул и благодарно посмотрел на Отца водородной бомбы. Потом он сделал знак, и в комнату по вызову вошли два солдата.

— Уведите осужденного.

Отец атомной бомбы, изменившись в лице, встал со своего места, обвел всех присутствующих медленным взглядом, потом медленно двинулся по направлению к двери. У самой двери он остановился, не оборачиваясь.

— Может, у вас есть какое-то последнее желание?— спросил Бонапарт.

Отец атомной бомбы молчал.

— Скажите ваше последнее желание, и мы его исполним.

— Отдайте мои черные ботинки.

Ботинки тут же принесли. Отец атомной бомбы не стал надевать их. Он вышел из зала, держа их в руке.

— Вильгельм Икс, вы свободны,— сказал Бонапарт.

И на этом ужин окончился.

— А я?— раздался вдруг в тишине чей-то голос.

Все обернулись в ту сторону, откуда он послышался.

— Кто ты?

— Боб.

— Какой еще Боб?

— Клод Изерли.

— А, здравствуй...

До сих пор его не замечали. Забыли про него.

Теперь подошли, пожали руку. Кое-кто даже снисходительно потрепал по плечу. Потом они его оставили и пошли к выходу.

— А я?— повторил Боб.

Они вынужденно остановились и посмотрели на него с недовольством.

— Ты рядовой,— сказал Бонапарт.

— Рядовой? Как рядовой? Почему рядовой?

— Прогресс всегда нуждается в рядовых.

— Но я...

— Ты исполнитель,— перебил Бонапарт.— Никто не вправе тебя обвинять. И ты сам не вправе.

— Я их слушал... Я слышал все...

— Если каждый исполнитель начнет думать, в мире ничего больше не будет исполняться, ничего не будет меняться.

— Значит... Значит, меня вы не будете судить?

Все сочли, что это шутка, и посмеялись.

— Как-нибудь в другой раз,— сказал Бонапарт.

И снова они все двинулись к выходу.

Боб, позабыв обо всем на свете, схватил Бонапарта за руку и умоляюще заглянул ему в глаза.

Бонапарт улыбнулся грустной улыбкой и мягко отвел его руку.

— Я понимаю. Ваше положение — самое тяжелое. И я откровенно скажу, кто вы. Вы — жертва.

— Да, да,— подтвердили с четырех сторон,— вы жертва.

Бонапарт поцеловал в лоб сначала Боба, потом Джо. И упавшим голосом повторил:

— Вы оба — жертвы.

Все соболезнующие окружили их и начали утешать. Говорили, что жертвы бывали всегда и всегда будут. Они — герои, самые что ни на есть герои. Все относятся к ним с восхищением и преклоняются перед ними.

А один спросил:

— Вы случайно не делали фотоснимков во время взрыва? Нет? Очень жаль.

И тут вдруг произошло такое, чего никто не мог ожидать — Джо расплакался. Он плакал настоящими слезами, громко всхлипывая. Все были до крайности этим удивлены и принялись участливо его расспрашивать:

— Что случилось? В чем дело? Зачем ты плачешь?

Джо не отвечал, всхлипывал все громче, искал и все никак не находил платок.

Кто-то вынул из кармана и протянул ему свой.

Джо вытер слезы.

— Нос вытри, нос. Ничего, не стесняйся.

Джо вытер нос и вернул платок.

— Оставь, оставь его себе.

— Спасибо.

— Ну а теперь скажи, отчего ты плакал.

— Я жертва,— ответил Джо и снова разревелся.

Его пожалели и погладили по голове.

На улице уже стемнело и было ветрено.

Он шел пешком.

Он шел и считал, сколько шагов будет до дому. Считал серьезно, сосредоточенно, с какой-то даже одержимостью.

Внезапно за спиной у него послышались шаги. Он весь напрягся, охваченный какой-то смутной тревогой. Когда ты идешь по пустынной улице и слышишь вдруг за собой чьи-то шаги, в тебе сразу же просыпается какой-то темный страх. Это чувство знакомо, наверно, всякому. Вот если бы кто-то шагал впереди и если бы ты мог смотреть ему в затылок, тогда бы твой страх рассеялся. Ну а что бы чувствовал он, этот человек, идущий впереди тебя? Наверно, и ему было бы страшно от того, что кто-то шагает за ним. Кто-то? Но кто же именно? Он сам, Боб,

именно он шел бы позади этого человека. И, странное дело, человеку этому нечего было бы бояться, потому что ведь это он, Боб, именно он шел бы за ним по улице. Ну а если бы тот все-таки побоялся? Что же в таком случае? В таком случае надо было бы пустить впереди него еще человека. И так без конца. И Боб мысленно представил себе уходящую вдаль пустынную улицу и на ней, во всю длину ее тротуара, выстроились люди, на расстоянии нескольких шагов друг от друга, выстроились и смотрят друг другу в затылок. И не двигаются вперед, а вышагивают на месте. Вышагивают осторожно, мягко, беззвучно.

Придя домой, он разделся, лег в постель и свернулся в клубок под одеялом.

Внезапно раздался стук в дверь.

— Кто там?— испуганно подскочил Боб.

Дверь тихонько отворилась, и кто-то вошел в комнату.

— Кто там?— повторил он, холодея от страха.— Что вам надо?

— Это я, машинистка. Помните, утром мы с вами условились...

— Завтра,— сказал он.— Завтра.— И натянул одеяло на голову.

Глава 11

— Пойдешь за меня замуж?— спросил Боб.

— Нет,— сказала девушка.

Они встретились полчаса назад, на улице, а сейчас сидели в самом фешенебельном ресторане.

— Почему?— спросил Боб.

— Ты меня не знаешь.

— А ты меня?

— Тебя каждый знает. Недаром все тут смотрят на нас.

Боб был пьян. Он делал предложение со всею серьезностью.

Девушка должна была, конечно, отнестись к этому как к шутке. Но странная вещь: она тоже относилась к этому со всею серьезностью.

— Но ведь ты-то себя знаешь?

— Знаю. Ну и что?

— Значит, меня ты знаешь... и себя тоже... Чего же еще надо? Давай поженимся.

— Ты лучше пей.

— Нельзя. Сегодня мне нужно быть очень серьезным.

— Но ты уже пьян.

— Значит, ты не хочешь за меня замуж, потому что я тебя не знаю, потому что ты, видите ли, заботишься обо мне... Дура!

Он вынул из кармана деньги, положил их на скатерть и, ни слова больше не говоря, нетвердым шагом вышел из ресторана.

По улице прохаживались так называемые женщины легкого поведения.

«Юмора у них нет,— подумал Боб.— И у меня тоже. Мы равны».

Несколькими днями раньше все организации и газеты города получили телеграмму следующего содержания: «Я не герой, я преступник, я убил двести тысяч человек. Клод Изерли».

Телеграмму напечатали и представили как фальшивку. Объявлено было расследование. Когда же Боб стал ходить по редакциям и утверждать, что он и есть автор

телеграммы, его попросту не хотели слушать. Придумывали любой предлог, лишь бы уклониться от разговора.

— До чего же он все-таки скуп,—говорили про Боба.— Что ему стоило дать телеграмму подлиннее, подробнее описать свои переживания и угрызения?

И никто ни на минуту не задавался вопросом: отчего эта телеграмма была такая простая, словно не взрослый человек ее писал, а школьник?

Боб, уже едва державшийся на ногах, доплелся кое-как до своей машины и велел шоферу ехать куда глаза глядят.

На пути им, однако, встретилось препятствие. На тротуаре, перед чьим-то домом, собралась огромная толпа людей и тут же на мостовой стояли в несколько рядов машины. Кого-то хоронили.

Процессия двинулась. Впереди двое несли портрет покойника. Затем шли дети с венками в руках. Затем гроб — высоко поддерживаемый в головах мужчинами. Оркестр играл похоронный марш. Процессию замыкали медленно ползущие автомашины. В том числе и машина Боба.

Много людей наблюдало за всем этим с тротуара. Люди, идущие за гробом, и люди, стоящие на тротуаре, смотрели друг на друга. Они были незнакомы друг другу.

Боб оглядел этих людей внимательным взглядом и заметил что все они... одеты. И что все это их множество делится на две половины: на мужчин и на женщин.

— Умер человек,— сказал Боб водителю.

— Да, сэр,— ответил водитель.

Пройдя изрядное расстояние, люди стали садиться в машины.

В машине Боба разместились три женщины. Водитель хотел было что-то сказать им, однако Боб остановил его на полуслове.

Машина тронулась с места.

— Ему, кажется, лет сорок было?

— Кому?

— То есть как кому? Покойнику.

— Это жена его так говорит, чтобы самой моложе казаться. За пятьдесят ему было.

— А где он работал?

— Кассиром в банке.

— Не кассиром и не в банке. У него был магазин тканей.

— Хороший был человек. Сделал мне много добра.

— Он-то? Уж я, поверьте, знаю, скольким он испортил жизнь.

— В таком случае почему ты пришла на похороны?

— Ради жены. Я очень ее уважаю.

— А я ради самого покойника. Жену терпеть не могу.

— И потом, мы ведь земляки. Оба родились на Юге.

— Ничего подобного. Это мы с ним земляки, оба — с Севера.

— Он был кажется, высокий?

— Высокий? Наоборот, коротышка, да еще хромой.

— Нет, нет, я не согласна. Не коротышка и не хромой. Просто года два тому назад он поскользнулся на льду, упал и слегка повредил себе ногу. Несколько месяцев прихрамывал, потом прошло.

— Милая, ну неужели я не знаю? Он от роду был хромой, со дня рождения.

— А может, он и не родился?— спросил вдруг Боб.

— Что?— удивились женщины.

Приехали на кладбище. Женщины вышли из машины. Боб решил подождать до конца похорон.

— Я знаю этих женщин,— прошептал он на ухо водителю.

— Кто же они, сэр?

— Та, что сидела слева, жена покойного. Другая, в середине, его сестра. А третья — мать.

— Спасибо, сэр,— сказал водитель.

На обратном пути в машину сели трое мужчин.

— Жаль Джека.

— Кто это Джек?

— То есть как кто? Покойник.

— Разве покойника звали Джек? Его звали Джеймс. Джеймс Томсон.

— Я хорошо знаю его брата.

— Брата? Какого брата?

— Старшего.

— У него нет старшего брата.

— Ну, значит, среднего.

— У него вообще нет никаких братьев.

— Может, ты скажешь, что у него и сестер нет?

— Сестер? Конечно, нет.

— То есть как это нет? Его сестра ни кто иная, как моя жена.

— Но ты ведь не женат.

— Хорошо, что хоть четыре комнаты оставил семье.

— Вот с этим я согласен. Четыре комнаты у него были.

— Верно, четыре комнаты. Общая площадь — шестьдесят семь квадратных метров.

— Шестьдесят семь вместе с кухней и коридором?

— Да, вместе с кухней и коридором.

— А может, он не умер?— спросил вдруг Боб.

— Что?— удивились мужчины.

Подъехали к дому покойника. Мужчины вышли из машины. Боб тоже.

— Поезжай домой,— сказал он шоферу,— я сегодня буду очень занят, у меня куча дел...

— Слушаюсь, сэр.

Боб наклонился, просунул голову в окошко машины и пальцем поманил к себе шофера.

— Я знаю этих троих,— прошептал он ему на ухо.

— Кто они, сэр?

— Тот, что сидел слева, брат покойника. Другой в середине, его отец. А третий был сам покойник.

— Спасибо, сэр,— сказал водитель.

Этим утром в кабинет Боба вошли полицейские и объявили, что им приказано арестовать роботов.

— Расследование показало, что это они подделали телеграмму.

И хотя полицейские вели себя по отношению к Бобу очень уважительно, однако никаких его протестов во внимание не приняли. Роботы были собраны и погружены в машину.

Боб стоял у окна, не в силах что-либо предпринять, и смотрел на улицу. Внизу в машине стояли роботы. Их взгляды были устремлены на Боба. И хотя взгляды эти никогда ничего не выражали, тем не менее на этот раз Боб их понял. Роботы обвиняли. Обвиняли своего хозяина. Обвиняли его в самом тяжком преступлении—в предательстве. Боб распахнул окно и хотел было крикнуть, что он тут ни при чем... что это делается не с его ведома... Но снизу послышался голос полицейского:

— Мы выключили им слух.

Бобу оставалось только объясняться знаками. Но делать это перед открытым окном было как-то нелепо и даже обидно. Он закрыл окно и потом только попробовал объясниться руками. Роботы стояли неподвижно и смотрели наверх. А Боб все тщился объяснить, убедить... И вдруг сообразил, что им выключили и зрение.

Он задернул шторы и отошел от окна.

«Они много раз меня предавали,— подумал Боб.— Много причиняли мне неприятностей». Но подумал он об этом без всякой злобы, без мстительного чувства.

Потом он долго и бесцельно бродил по дому, по всем девяти его огромным комнатам. Все блестело чистотой, все дела были сделаны, аккуратно и до конца. Ни единая мелочь не нарушала порядок. И Боб лишь теперь, спустя столько времени после возвращения с войны, в первый раз в этом огромном и чистом доме подумал с горечью:

«Ни жены у меня нет, ни любовницы, ни невесты...»

Он вошел в тесное, непривлекательное на вид кафе, уже, наверно, закрывшееся, потому что стулья были опрокинуты на столы и полная женщина лет сорока — хозяйка, наверное,— подметала пол. Кроме нее, никого не было.

— Не видишь, что закрыто?— сказала женщина.

— Я Клод Изерли.

— Домой иди, домой. На ногах еле держишься.

— А ты? Знаешь, ты кто? Ты Нефертити...

Женщина выпрямилась, широко расставила ноги и уперлась руками в полные бедра, словно желая показать, кто она на самом деле.

— Ничего. Ты просто очень устала,— мягко и даже сочувственно сказал Боб.— Тебе нужно отдохнуть. И тогда ты вся станешь тоньше и нежнее.

— А тебе, видно, выпить нужно,— рассмеялась женщина.— Садись.

Она налила ему стакан виски и поставила на стол. Потом опять принялась за свое дело.

— Ты устала,— сказал Боб,— посиди со мной.

— Ты лучше пей и помалкивай.

— Ты устала, тебе нужно отдохнуть,— пьяно повторил Боб,— все зависит от этого.

— Много будешь разговаривать — выгоню.

— Муж у тебя есть?

— А тебе какое дело?

— Нет, ты скажи, есть?

— Нету, нету...

Боб медленно потягивал виски и наблюдал за женщиной.

— Пьянчуги несчастные,— без всякой злобы, даже с невольной какой-то нежностью ворчала женщина,— болтаются тут весь день... Как будто ни дома у них, ни семьи... И рубахи у всех грязные...

«И у этой нет юмора,— подумал Боб.— И у меня тоже. Мы равны».

— Давай выходи за меня замуж.

Женщина громко и от души расхохоталась, спустила засученные рукава и повторила еще несколько раз: пьянчуги несчастные... Потом зашла за стойку бара и принялась подсчитывать дневную выручку.

— Ну что, согласна?

— Ты молодой, красивый, от тебя еще молоком пахнет,— снова засмеялась женщина,— а я толстая и некрасивая. И старовата к тому же.

— Ты Нефертити,— заупрямился Боб,— но ты этого не знаешь. Ты преображаешься, только когда спишь.

— А днем?

— Ты можешь и днем. Все могут и днем. Но для этого нужна масса условий.— Он замолк на мгновение и подмигнул ей.— А условий этих ни у кого нет. Всегда чего-нибудь да не хватает.

Он повернулся и, шатаясь, пошел к двери. Взявшись за ручку, он в нерешительности остановился. Но тут же, преодолев нерешительность, повернул обратно, подошел к женщине, подсчитывающей деньги, и совершенно спокойным тоном сказал:

— Давай сюда деньги.

Женщина не глядя на него, поднесла палец к губам: тихо, мол, не мешай.

— Давай сюда деньги,— повторил Боб.

Теперь уже она подняла на него удивленный взгляд и мгновение пыталась сообразить, шутит он или нет.

— Ни звука,— Боб лениво вытащил из кармана револьвер и наставил его на женщину.— Давай все.

Женщина в испуге застыла на месте, потом дрожащими руками подтолкнула к Бобу всю кучу денег.

Он неспеша собрал их, сунул в карман и бросил на стойку несколько мелких монет.

— А это тебе... За виски.

Выходя из кафе, он услышал за собой низкий и усталый голос женщины:

— Пьянчуги несчастные...

И ему показалось, что даже теперь, в этом ее упрекающем голосе, он опять уловил затаенную нежность.

Боб вышел на улицу, прислонился к стене, вытер пот со лба и почувствовал необыкновенное облегчение, словно освободился наконец от тягостной какой-то обязанности.

Побродив по улицам, он снова пришел к кафе и остановился на противоположном тротуаре. Сквозь стекло вит-

рины он увидел полицейских. Он переменил место — стал под улнчным фонарем, чтобы легче было его заметить. И действительно, женщниа сразу его заметила и, вскрикиув, показала иа него остальиым. Полнцейскне высыпали иа улицу, и Боб, недолго думая, бросился бежать, неизвестно — от страха или же чтобы все было как полагается.

Его догнали и окружили. Боб преспокойио подиял руки вверх и с сожалением подумал, что теперь уже ие решишь, могли ли действительно полнцейские догиать его и схватить или же не могли.

— Мистер Изерли?— удивился старший по чииу полицейский.

— Я совершил кражу,— не опуская рук, сказал Боб.

— Извнните... Мы ие зиали, что это вы...

— Вы обязаиы арестовать меня.

— Это же Клод Изерлн, глупая,— рассердился иа женщииу старшнй полицейскнй.— Он пошутил с тобой.

— Я буду жаловаться, вы ие имеете права не арестовывать меия,— разозлнлся Боб.

— Слушаюсь,— пролепетал полнцейский.— Разрешите мие уйтн...

И не дождаясь ответа, пошел прочь. А Боб, которому так хотелось быть арестоваиным, который только что так иа этом настанвал, иеожиданио для себя вдруг почувствовал радость: как хорошо, что на этот раз его все-таки ие взяли.

Он сделал несколько шагов, все еще держа руки над головой.

— Погоди,— послышался голос женщины.— Значит, ты н в самом деле Клод Изерли? Как же я тебя не узиала?

Боб остановился и обериулся.

— Ты устала. И у тебя слишком мало временн. Ге-

перь я знаю, что тебе нужно. Время — вот что тебе нужно. Свободное время.

И пошел дальше, не опуская рук.

Он не знал, что с этого дня женщина разбогатеет. Она сделает на кафе новую вывеску: «Кафе, которое ограбил Клод Изерли».

Боб вошел в кинотеатр. Фильм уже начался. С трудом отыскав себе свободное место, Боб сел и поинтересовался у соседа:

— Что за фильм?

— «Ребекка»,— недовольно буркнул сосед.

— О чем?

— Не знаю, не мешайте.

— Роберт Тейлор играет?

— Не мешайте.

— А почему не играет?— расшумелся Боб.— Почему продают билеты, если он не играет?

И продолжая в том же духе, он засунул руку за пазуху соседа, нащупал бумажник и попробовал вытащить его двумя пальцами. Но нет — рука соседа крепко сдавила ему запястье.

— Не надо так давить,— прошептал Боб на ухо соседу.

Тот встал с места, не отпуская руки Боба, вывел его из зала в светлое фойе и вдруг остановился как вкопанный.

— Мистер Изерли?!

— Он самый. Зовите полицейского.

— Но зачем?— улыбнулся сосед глупейшей улыбкой.

— Затем, что я так неуклюже тащил ваш бумажник.

— Я все понимаю,— сказал сосед с той же дурацкой улыбкой на лице,— вы, наверно, держали с кем-то пари.

— Нет, я просто хотел украсть ваш бумажник.

Сосед вынул из внутреннего кармана блокнот и авторучку.

— Прошу вас, очень прошу... Если можно, ваш автограф...

— С одним условием. Вызовите сию же минуту полицейского.

— Пожалуйста, пожалуйста. Разве я могу отказать вам?

Сосед пошел звонить, но на полпути повернулся и недоверчиво спросил:

— А вы не убежите?

— Идиот.

Боб остался один в фойе кинотеатра. А почему бы и не убежать? Почему бороться против десятков, сотен и тысяч людей, у которых в мозгу, в одной из его извилин, напрочно записано: «Клод Изерли — национальный герой»? Подпись и печать. С подлинным верно. Почему не жениться, почему не завести себе детей-близнецов?

Проситель автографа наконец вернулся, а вслед за ним явились еще несколько человек. Они с любопытством окружили Боба. Вдобавок еще открылись двери зала, и люди потоком хлынули в фойе. Кто-то, видимо, успел уже распространить весть. Сеанс прервался на середине.

Боб снова почувствовал прилив возбуждения, уверенности в себе. Он весело оглядел толпу и подумал: «Мне нужно быть очень серьезным». Потом он влез на стул и обратился к собравшимся:

— Я знаю, почему вы собрались здесь. И вы тоже знаете, почему я здесь. Так что давайте начнем нашу ве-

чернюю зарядку. Надеюсь, вы помните, что делать зарядку полагается не только по утрам, но и по вечерам?

Толпа зааплодировала, восхищенная тем, что национальный герой вдобавок ко всему оказался, слава богу, еще и остроумным, общительным малым.

— Стройся,— скомандовал Боб.— Даю две минуты.

Толкая друг друга, люди начали строиться.

— По росту?— крикнул кто-то.

— Отставить условности,— рассердился Боб.

Через две минуты по всему фойе стояли ряды, по десять человек в каждом.

— Руки на пояс. По счету раз-два нагнуться вправо и влево, по счету три-четыре назад и вперед. Раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре... Дыхание свободное...

В фойе вошли полицейские и остановились в крайнем недоумении.

— Извините, господа,— сказал, заметив их, Боб,— но я должен покинуть вас. Сейчас меня арестуют. Дальше делайте сами. Только не забывайте: дыхание свободное.

Полицейские подошли к Бобу.

— Мистер Изерли, нам стало известно, что это уже второй случай. Мы убедительно просим вас пойти домой.

— Я совершил кражу,— сказал Боб.— Вы обязаны арестовать меня.

— Отправляйтесь, пожалуйста, домой.

— Я гражданин этой страны,— запротестовал Боб, и в эту минуту он был вполне искренен.— У меня есть паспорт, и я имею право наравне со всеми пользоваться законами нашей страны.

Его вежливо взяли под руки и вывели на улицу.

Боб нанял оркестр самого известного в городе ресторана.

Музыканты выстроились на мостовой, а Боб встал во главе их и подал знак. Оркестр заиграл марш и, предводительствуемый Бобом, медленным шагом двинулся вперед. Все посетители ресторана, вместе с женами и любовницами, высыпали на улицу и последовали за оркестром. Одно за другим стали распахиваться окна, люди бросали Бобу цветы и посылали ему воздушные поцелуи. Процессия шаг за шагом ширилась. Полицейские пребывали в полной растерянности. Происходило, конечно, нечто недопустимое, но что можно было предпринять, что можно было поделать, если во главе этой процессии вышагивал сам Клод Изерли собственной персоной и он же дирижировал оркестром.

Они подошли к зданию дворца и немного постояли перед ним, притопывая на месте и шумя. Во дворце все огни были потушены,— видимо, и там царило всеобщее замешательство.

— Да здравствует император! Да здравствует император!— прокричали какие-то пьяные голоса.— Да здравствует императрица! Да здравствует императрица!

Боб поднял обе руки, прося молчания, потом привстал на цыпочки и обратился к находящимся в рядах женщинам:

— Кто из вас согласен выйти за меня замуж?

Все женщины единодушно крикнули, что они согласны.

— Мне нужна одна, только одна.

— Я, я!..— отозвался хор.

— Только одна...

— Я, я...

Шествие продолжалось. На всех проспектах города

царило шумное оживление. Люди выходили из ресторанов, кафе, театров и присоединялись к этой разношерстной и странной толпе.

«Ни жены у меня нет, ни любовницы, ни невесты,— думал Боб уже весело и беззаботно,— ни жены, ни любовницы, ни невесты, ура!»

У здания вокзала процессия остановилась.

— Вы играйте,— велел Боб оркестрантам,— а я сейчас вернусь.

Он вошел в здание и бесцеремонно протолкался к первой же кассе. Потом вытащил револьвер из кармана и просунул его в маленькое окошечко.

— Деньги сюда! Быстро!

Люди, стоявшие в очереди, в ужасе разбежались.

В окошечке показались две руки и протянули Бобу кучу денег. Он забрал их и направился ко второй кассе. Тут уже деньги лежали приготовленные, ждали его. И то же самое во всех остальных кассах.

Раздался сигнал тревоги, в опустевший зал ворвались полицейские и остановились, увидев перед собой Боба.

— Не смейте хватать меня!— крикнул Боб.— Я Клод Изерли!

При этих словах полицейские растерялись и сделали неуверенный шаг вперед.

— Ни с места! Буду стрелять!

Полицейские сделали еще один шаг.

— Буду стрелять!— кричал Боб.— Всех перестреляю!

На сей раз ему удалось оболванить полицейских и заманить их в ловушку. «Главное сопротивляться,— понял Боб,— и они клюнут».

И действительно, полицейские набросились на него, схватили и заломили ему руки за спину. Боб сопротивлялся, и от этого они еще яростнее, еще сильнее ломали и кру-

тили ему руки. Боб начал лягаться. Его свалили на пол и уже с невидящими глазами, с особой какой-то полицейской страстью били до тех пор, пока он лишился последних сил и перестал оказывать сопротивление.

И никто не знал, никто не мог узнать, что было мгновение, когда Боб уже начал сопротивляться всерьез...

— Доставить в тюрьму,— распорядился один из полицейских. —Был приказ из дворца.

Боба за руки выволокли на перрон и повели в тюрьму по каким-то глухим безлюдным дорогам.

Глава 12

Уже пятый день Боб находился в одиночной тюремной камере. С потолка свисало над ним несколько толстых веревок с петлями на концах, а на столе аккуратно были разложены револьверы различного калибра.

Они здорово это придумали — чтобы под рукой у Боба было множество средств к самоубийству и чтобы именно множество их отбило у него всякую к тому охоту.

Но они знали, что Боб не дурак и что рано или поздно он разгадает эту «психологическую» программу. На это именно они и рассчитывали, этого ждали.

Одна веревка — это слишком грубо. Слишком прямо и слишком дешево она подсказывает, что нужно делать. И тем самым удерживает и запрещает.

Несколько веревок тоже поначалу удерживают и тоже запрещают. Они подсказывают тоньше и длительнее, но зато — вернее.

Потому что как только ты разгадаешь правила игры, игра эта сама собой прекратится, она будет кончена, и

самоубийство станет необходимостью. И ты сообразишь вдруг: а почему бы и нет?

Считай, сукин сын, считай. Будь примитивнее. Считай от единицы до двухсот тысяч. Это тебе на пользу.

Ты на мгновение, всего только на мгновение, до боли ясно, до боли отчетливо представил себе одну подробность того дня, такую, которую ты сознательно ни за что бы не вспомнил.

Сиденье самолета было кожаное. В одном месте сбоку кожа была порвана и из-под нее выглядывала вата. Не поймешь почему, тебе тогда хотелось протянуть руку и вытащить эту вату. Сейчас ты думаешь, что не сделал тогда этого, потому что руки у тебя были заняты. Ничего подобного, ты просто тогда не догадывался, что думаешь об этом. Ты догадался только сейчас, спустя много времени...

«Не иначе, как Вильгельм Икс придумал»,— усмехнулся Боб, глядя на свисающие с потолка веревки.

Если ловушка выглядит слишком хитро, если она построена слишком сложно и замысловато, то, значит, где-то в ней кроется что-то очень простенькое. И конечно же, изобретает такие ловушки всегда и всюду — Вильгельм Икс.

В тот день в самолете ты подумал также, что когда ты вернешься с войны и отправишься как-нибудь постре-

лять в тире, ты вряд ли сойдешь за меткого стрелка. Придет туда мальчишка лет на десять тебя моложе и покажет чудеса попадания в цель.

Но и эта подробность не имела ни малейшего отношения к тому, что предстояло тебе сделать спустя немного — простым нажатием кнопки.

Камера была обставлена с большим комфортом: мягкая постель, первоклассный, но не действующий радиоприемник, письменный стол, несколько кресел и на стенах — картины знаменитых художников.

Все удобства для того, чтобы ты хорошо себя чувствовал, и чтобы тебе хотелось или не хотелось думать, и чтобы ты настроился или не настроился на самоубийство.

В тот день в самолете в сознании твоем промелькнула еще одна короткая мысль: «Как жалко этих людей!» И это была страшная и непростительная мысль, и страшнее всего в ней было это восклицание: «Как!..»

Бонапарт придумал бы все иначе. Он не стал бы обставлять тюремную камеру. Он создал бы самые жесткие условия. Он не повесил бы веревок с петлями на концах. Он подкинул бы в камеру заржавелую бритву, причем в такое место, где ее трудно, очень трудно было бы заметить. Где ее можно было бы найти только случайно. Но если ты нашел ее — конец.

Да здравствует император. Да здравствует императрица. Да здравствуют герцог и герцогиня. Да здравствуют их внуки и правнуки.

Дверь камеры открылась, и надзиратель сказал:

— К тебе пришли.

Боб встал и невольно вытянулся в струнку. И почувствовал себя в эту минуту по-настоящему арестантом, и может быть от этого ему сделалось грустно.

В камеру вошел Джо Стиборнк.

Боб сначала не поверил своим глазам, потом обрадовался и хотел уже кинуться к Джо, крепко обнять его.

Но Джо на какое-то мгновение опоздал. Он стоял в дверях, задумчивый и неподвижный. И поздно сообразил, что надо бы ему обняться с товарищем.

Они обнялись, но без всякого уже порыва, холодно и равнодушно.

— Что случилось? Зачем ты пришел?

— То есть как это зачем? Пришел повидать тебя.

— По собственному желанию?

— Нет, меня прислали,— признался Джо.— Хотя я поклялся не говорить об этом.

— Зачем же тебя прислали?— улыбнулся Боб. Он был рад, что разговор начался искренне.— Вернее, отчего ты не захотел прийти сам?

— Мне нужно забыть о тебе,— покраснел Джо.— Ничего, что я говорю так откровенно? Чересчур даже откровенно.

— Значит, ты считаешь, что я поступил правильно?

Джо не ответил.

— Почему ты молчишь? Скажи, ты считаешь, что я поступил правильно?

Они посмотрели друг на друга.

Джо выдержал взгляд и не опустил головы.

— Боб... Зачем тебе нужно...

— В городе уже знают обо мне?

— Все уже знают. И что? Неужели тебя это радует?

— Конечно, радует.

— Боб... ну зачем тебе нужно...

— Ты хочешь сказать, что я все равно проиграю? Но мне и не нужна победа.— Он растянулся на постели и закурил.— Все равно — хоть поражение, хоть победа.

— Боб, серьезно тебе говорю, не связывайся.

— От чьего имени ты сейчас говоришь это, от своего или от их?

— И от своего, и от их.

— В худшем случае меня засадят в тюрьму, лет на пять,— попробовал пошутить Боб.— Ничего, молодым еще выйду.

— Боб, еще одно скажу тебе откровенно.— Джо присел на кровать в ногах у Боба.— Ты становишься неинтересным.

— В каком смысле?

— Раньше... Как бы это сказать... Раньше, до того как ты понял свою вину, ты был гораздо интереснее. А теперь, когда тебе уже все понятно, ты кажешься мне каким-то неинтересным.

— Слушай!— заорал Боб.— Выходит, ты и сам все чувствуешь, все понимаешь, знаешь все как свои пять пальцев! И наверно, даже раньше меня почувствовал, что мы натворили с этими бомбами...

— Верно,— спокойно сказал Джо.— Но я трус. Пойми, постарайся понять: я трус. Я хочу жить хорошей жизнью. Мне нравится слава... Не осуждай меня, Боб. Постарайся понять. Ведь это же все по-человечески понятно. Я не спорю, то, что делаешь ты, тоже понятно... Я даже завидую тебе, но...

— Дальше, дальше.

— Ты разрешаешь?

— Конечно, говори, выкладывай до конца.

— Мне... мне иногда приятно бывает думать, что я останусь один. И я сам же пугаюсь этой подлой мысли,— с детской непосредственностью и чуть краснея продолжил Джо.— Я не хотел этого говорить. Ты виноват. Ты меня заставил.

— В таком случае, почему ты хочешь, чтобы я отказался от этой затеи?

— Я боюсь. За себя боюсь. А вдруг и во мне заговорит совесть?— И добавил, воодушевленный собственной искренностью:— Ты мне мешаешь. Ты не даешь мне спокойно жить.

Боб в бешенстве соскочил с кровати и крикнул во все горло:

— Ты что, исповедника себе нашел?! Вон отсюда! Вон!

— Ты прав, Боб. Мне нравится говорить о дурных своих сторонах. Мне это доставляет удовольствие. И я сам сейчас стыжусь себя...— Джо встал и спокойно направился к двери.

— Одного только я не понимаю,— все еще в ярости спросил Боб,— как ты будешь смотреть мне в лицо через пять лет, когда я вернусь?

— Ты не вернешься, Боб.

— Почему? Кто тебе это сказал?

— Никто... Это мне так кажется.— Джо помолчал мгновение.— Боб, я... я сам себе противен...

Он открыл дверь, печальными глазами посмотрел на товарища и уже собирался переступить порог (сейчас он выйдет в город, на улицу, сейчас он отправится к себе домой), как вдруг за спиной у него раздался неожиданно мягкий голос Боба:

— Джо... не обижайся на меня, Джо... Прости меня...
— Я не обижаюсь, Боб. Честное слово, не обижаюсь. Прощай.

Дверь камеры открылась, и надзиратель сказал:
— Следуй за мной.
Боб встал и последовал за ним.
— Как тебя звать?— спросил он по дороге у надзирателя.
Надзиратель кинул на него презрительный взгляд.
— Ты знаешь, кто я такой? Я Клод Изерли.
— Кто?
— Клод Роберт Изерли.
— Нечего важничать,— обиделся надзиратель.— Небось, впервые в тюрьме... А не то...
— Жена у тебя есть?
— Да.
— А дети?
— Четверо.
— Вот спроси у них про меня. Они обязательно будут знать. Жалко, у меня нет при себе фотографий, а то бы и ты узнал.
— На что мне фотографии?— удивился тюремщик.— Я же не слепой, и так вижу.
— Нет, будь фотография, ты бы узнал,— настаивал Боб.
Он боялся. Он очень боялся.
Надзиратель препроводил его в большую комнату, где за столом сидели Вильгельм Икс, главный прокурор дворца и главный врач.
— Здравствуйте,— сказал Боб.
Ему никто не ответил. На него даже не посмотрели.

— Раздевайся,— приказал надзиратель.

Боб снял с себя брюки и рубашку.

— Все снимай, все,— сказал надзиратель.— Чего стесняешься?

Боб снял с себя все.

— А теперь иди в середину.

Боб послушно направился в середину комнаты. Он увидел на полу нарисованный мелом круг и вступил в этот круг, полагая, что так оно и предусмотрено.

Надзиратель собрал его одежду и вышел из комнаты.

— Странное дело, доктор,— говорил прокурор,— мне скоро семьдесят, но, представьте себе, с женщинами у меня все еще получается... Я очень обеспокоен, ведь это, наверное, ненормально...

— Ничего,— успокоил его доктор,— вы еще молоды душой.

— Как вы думаете, не надо ли мне лечиться?

— Никакого лечения. Но старайтесь сдерживать себя. Во всем важно соблюдать меру.

— Не могу!— прокурор в отчаянии воздел руки.— Вы представляете, не могу и все!

— Господа, не будем забывать, что на нас возложена неприятная обязанность,— вежливо прервал их Вильгельм Икс.

— Что же нам делать с этим человеком?— состроил недовольную гримасу прокурор.— Посадить в тюрьму? Но это опасно. Он ни в чем не виноват. Вы понимаете, мы не можем признать, что он виноват. Если мы это признаем, значит, мы вынуждены будем тем самым признать и смысл его антиобщественных поступков.

— Я здесь,— тихо сказал Боб.

— Если бы решение вопроса предоставили мне, я

предложил бы самый разумный выход,— с достоинством произнес Вильгельм Икс.

— Пожалуйста, мы вас слушаем.

— Отпустить его на свободу.

— То есть как?— удивился прокурор.— Ведь вы же сами...

— Отпустить на свободу,— повторил Вильгельм Икс.— А потом устроить ему смерть от аварии в каком-нибудь роскошном автомобиле.

— Но почему обязательно в роскошном?— полюбопытствовал прокурор.

— Такому человеку к лицу роскошная машина В этом случае авария прозвучит убедительнее.

— Я здесь,— послышался из круга несмелый голос Боба.

— Потом, потом?

— Потом будет объявлен однодневный общенациональный траур. Будут организованы пышные похороны. Мы все будем стоять в почетном карауле.

— Я согласен. Может быть, так и сделаем?

— Нет,— неожиданно заявил Вильгельм Икс,— нельзя.

— Я вас не понимаю.

— Бонапарт не согласится. Он против таких средств. Он требует от нас безукоризненного решения.

— Стало быть, в тюрьму нельзя, убивать нельзя. Что же тогда можно?

— Хорошо бы ему покончить самоубийством.

— Я вам тысячу раз говорил, что самоубийство в тюрьме недопустимо. Это будет значить, что мы его убили. Надо было создать все условия, чтобы он сделал это на воле, понимаете, на воле.

— Правильно, иа воле было бы лучше. Но какое мы могли быть дать объяснение?

— Самоубийство иа почве любви. И пожалуйста — популяриость национального героя достигла бы тогда своей кульмииации.

— Я здесь,— сказал Боб, иа этот раз уже громко.

— А что думаете вы, доктор?

Главный врач иетороплнво встал из-за стола, подошел к Бобу и поглядел на иего в раздумье.

— А иу-ка скажи алфавит.

Боб иачал иазывать буквы алфавита. Но в одном месте споткнулся, забыл.

— Подскажите, я вспомию дальше,— попросил Боб.

— Не иадо. Сядь.

— Можио мне выйти из круга?

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Где же тут сесть?

— Ладио, я сейчас прииесу тебе стул.

Главный врач принес стул, усадил Боба и объясиил члеиам комиссии:

— Я ие хочу, чтобы обвиняемый устал. Если он устанет, мие трудно будет осмотреть его должным образом.

Члеиы комиссии иаклоиили головы в зиак согласия. Главиый врач тщательиейше выстукал и выслушал грудную клетку Боба, после чего сострадательио покачал головой.

— Легкие не в порядке. По видимости, в детстве он переиес болезнь, а впоследствии ие получил иадлежащего лечения. Пока что болезнь в скрытой форме, однако оиа грозит проявиться в любое время.— Главиый врач улыбиулся.— Этот осмотр, коиечио, ие имеет иикакого отношеиия к нашей задаче. Я несколько отклонился, но что поделаешь — привычка врача.

— Неужели у меня и вправду больные легкие?— спросил Боб.— Родители мне ничего такого не говорили.

— Не волнуйся, мой мальчик. Спокойно. Пугаться нечего... Кошка поймала мышь. Где в этом предложении подлежащее?

— Кошка.

— Молодец. Сказуемое?

— Поймала.

— Дополнение?

— Мышь.

— Совершенно верно. Теперь построй предложение так, чтобы мышь стала подлежащим, а кошка дополнением.

— Мышь поймала кошку.

— Господа, обратите внимание. Стало быть, мышь поймала кошку. Вы можете себе это представить?

Члены комиссии засмеялись.

— А теперь считай.

— Что считать?

— Считай начиная с единицы.

(Считай, сукин сын, считай. Будь примитивнее).

— Не могу.

— Внимание, господа, внимание. Считать не умеет, алфавита не знает, понимает, что из круга выходить нельзя.— И сделал заключение:— Для меня все ясно.

— Что ясно?— в один голос спросили Вильгельм Икс и главный прокурор.

— Комплекс вины. Единственно правильный диагноз.

— Что вы предлагаете?

— Это болезнь чрезвычайно опасная. К тому же она заразна. Больного необходимо изолировать. И необходимо обеспечить ему особые климатические условия. Я предлагаю отправить его на другую планету, ну, ска-

жем, на планету Тюнитос... В сопровождении врача и женщины.

— А нельзя ли отправить его одного?

— Стоит ли экономить средства в подобном деле? — укоризненно произнес главный врач.

— Значит, как мы оформим свое решение?

— Давайте напишем коротко и исчерпывающе: сбрасывание бомбы, независимо от того, какова ее разрушительная сила, не может вызвать в здоровом человеке ощущение вины и укоры совести. В противном случае на свете не существовало бы ни единого военного летчика. Тщательное медицинское обследование показало, что Клод Роберт Изерли страдает комплексом виновности.

— Спасибо, доктор, вы нас выручили.

— Я хочу в тюрьму! — крикнул Боб. — Я совершил кражу!

Члены комиссии были заняты составлением решения.

— Я хочу Бонапарта! — безнадежно кричал Боб из своего круга. — Вы обязаны судить меня так же, как судили Отца атомной бомбы!

— Теперь, надеюсь, ему уже не вредно волноваться, не так ли, доктор? — спросил главный прокурор.

— Нет, конечно же, нет, — сказал главный врач. — Ведь обследование уже закончено.

— Я прошу вас, обманите и меня, и мне расставьте ловушку! — уже со слезами в голосе кричал Боб. — Я прошу уважения! Я демагогии прошу!

Комиссия завершила свою работу.

— Позовите сюда Бонапарта!

— Вы слышите? — сказал главный врач. — Типичный комплекс вины.

Перед тем как выйти, члены комиссии подошли к Бобу и некоторое время внимательно его разглядывали.

— Он хорошо сложен и мог бы стать великолепным спортсменом.

— Бедный парень. Он мог бы жениться, иметь детей и жить обыкновенной счастливой жизнью. На черта ему было звание национального героя!

— Война виновата, господа, война.

— В трудные времена живем,— повздыхали они в заключение и удалились.

Боб остался один в комнате, но он все еще боялся выходить из круга.

Один, в пустой комнате, голый, в отчаянии, он крикнул из круга:

— Скажите хоть, неужели у меня и вправду больные легкие?— И он разрыдался.— Ведь я же не знал... Мне никто не говорил об этом...

Глава 13

Боб стоял посреди открытого поля, рядом с космическим кораблем, на борту которого крупными буквами было написано: *Земля — Тюнитос...*

Его провожали не солдаты и не полицейские, а врачи-психиатры в белых халатах.

Волосы у Боба были острижены по последней моде, на нем был лучший его костюм, лучшие ботинки и модный галстук.

Вдалеке от космолета полицейские образовали плотную цепь перед довольно-таки внушительной толпой людей. Люди эти пришли попрощаться с Бобом. Над головами они держали плакаты и транспаранты: «Скорейшего

выздоровления нашему дорогому Бобу!» И как бы в знак уважения они все стояли молча и неподвижно.

Боб посмотрел на часы. Отлет был назначен на час дня. Оставалось каких-нибудь тридцать минут.

— Что же они не едут?— сказал он обеспокоенно.— Этак можно и опоздать.

— Ничего,— откликнулся ему врач в белом халате.— Не обязательно же вылетать в назначенный час.

Несмотря на такой ответ Боб с явным нетерпением посмотрел на дорогу, где должна была появиться автомашина, и повторил раздосадованно:

— Что же они опаздывают? Полчаса осталось.

— Сколько вы весите?— раздался рядом с ним незнакомый голос.

Боб обернулся и увидел перед собой репортеров.

— А зачем вас это интересует?

— У нас очень мало времени. Потом мы вам объясним, если успеем.

— Семьдесят пять килограммов.

— Рост?

— Метр восемьдесят.

— Любимый вид спорта?

— Легкая атлетика.

— Любимое время года?

— Лето.

— Кто вам нравится больше — брюнетки или блондинки?

— Блондинки.

— Что любите из фруктов?

— Арбуз.

— Ночью спите хорошо?

— Да.

— Сколько вам было лет, когда вы в первый раз влюбились?

— Пятнадцать.

Боб поймал себя на том, что он не только не противится внутренне этим вопросам, но даже отвечает на них охотно и где-то в глубине души даже боится, как бы они не кончились слишком скоро.

— В школе я удирал с уроков...— добавил он уже от себя.— Был очень непослушный... Хорошо плаваю... Отпуск проводил всегда на берегу моря... Очень люблю ходить в кино... Никогда в жизни не заявлял, что кино — это обман. Что кино снимается. Снимается аппаратом. На ленту. Я всегда верил...

Его голос охрип и задрожал.

— Я был непослушный, но учился хорошо... Курить начал совсем мальчишкой... Раньше почти не кашлял... Сейчас кашляю много... Наверное, оттого, что много курю... Учиться я не любил, но учился хорошо...

Теперь он говорил торопливо, едва переводя дух, словно запыхавшись от долгого бега.

— Я всегда был точным... На свидания приходил за десять минут... Ни разу не опаздывал на поезд или на самолет...

— Благодарим вас, довольно.

— А... а зачем же вы все-таки пришли?— уже тихим голосом спросил Боб.— У вас найдется еще время, чтобы объяснить?

— Да, в нашем распоряжении еще пять минут,— посмотрев на часы, сказал один из репортеров,— и мы можем теперь объяснить цель своего прихода. Нам нужны были некоторые данные о вас. Правительство решило поставить вам памятник в центре города.

— Памятник? Мие?— опешнл Боб.

— Да. И мы хотелн бы написать о вас иесколько слов на мраморной мемориальной доске.

— Памятник?— повторил он машниально.— Мие?

— Мы моглн, разумеется, придумать сами, ио предпочитаем, чтобы наше слово соответствовало действительиости.

— А это все...— растеряиио пролепетал Боб,— а я...

— Вы, иаверио, имеете в виду последние ваши поступки и... как бы сказать... н это ваше путешествне? Видите ли, мы охотно упомянули бы и про это, одиако, к сожалению, не хватит места.

Репортеры еще раз выразилн ему благодарность и удалились.

Боб сиова проверил время: шел уже второй час. Точность была нарушеиа. Ну а если точность иарушеиа, то, зиачнт, все пойдет по-обычиому.

Накоиец вдалн заклубнлась пыль и показалась машиииа. Боб с иетерпеиием кииулся ей иавстречу. Машииа подъехала, остаиовнлась, и из нее вышли мужчина и девушка.

Боб улыбиулся им н хотел было поздороваться, одиако мужчина тут же отвел его в стороиу и сразу же заговорил деловым тоиом.

— Требоваиий у меня иемного,— сказал он.— Вы должны меня слушаться и не делать нн шагу без моего разрешення. Ясио?

— Но позвольте...

— Вы обязаны подчиняться мне,— перебнл его мужчина.— Я требую этого отиюдь не потому, что мне нравится держать людей в подчнненни, а потому что это необходнмо для вашей же пользы.

— Но позвольте мне сказать...

— В отличие от других я считаю вашу болезнь вполне излечимой.
— Как вас называть, доктор?
— Так именно и называйте.
— Быть может, доктор, вы выслушаете и меня...
— Мне уже ясно, что я вам не понравился. Однако прошу запомнить: я не придаю этому никакого значения.
Он взял свой чемодан и направился к космолету.
А Боб остался стоять на месте как пригвожденный и со страхом подумал, что доктору, по-видимому, ничего не известно. Что он действительно считает его больным. Значит, он не предупрежден. Его обманули. Утаили от него правду.

Боб неторопливо подошел к девушке и молча остановился рядом с ней. Девушка тоже стояла молча. Она была высокого роста, у нее были длинные ноги и руки тоже длинные, и платье на ней было до колен...
— Сколько тебе лет?— спросил наконец Боб.
— Двадцать два.
— А мне двадцать семь.
Девушка смотрела куда-то вдаль. А Боб — на девушку. И платье на ней было до колен.
— Кто у тебя есть?
— Никого.
— Ты где-нибудь работала?
Девушка кивнула, все так же глядя куда-то вдаль.
— Кем?
— Машинисткой.
— А с парнями гуляла?
— Да.

— Со многими?

— Да... со многими.

Они стояли бок о бок, вровень друг с другом, сба — высокие ростом.

— А ты?

— Я тоже.

Им обоим сейчас казалось, что только так и можно было начать знакомство.

— Как ты попала сюда?

— Меня вызвали.

— Потом?

— Потом заставили.

Боб достал сигарету из пачки, закурил.

— Дай и мне,— попросила девушка.

— Тебе? Я не хочу, чтобы ты курила.

— Правда? Хорошо, не буду.

Они засмеялись и медленно пошли к космолету.

Бобу хотелось сказать девушке: «Я виноват перед тобой. Я только перед тобой и виноват...» Но вместо этого он остановился, протянул руку к ее лицу и нежно провел по нему пальцами.

— Меня зовут Боб.

— Знаю.

— А тебя?

— Лили.

Они продолжали шагать, не замечая, что кружат вокруг космолета.

— Скажи, ты очень меня ненавидишь?

— За что?— удивилась девушка.

— Да так... неважно...— И переменил разговор.— На какой улице ты жила?

— На тысяча четыреста сороковой.

— Не знаю... Не бывал там, наверно...

— Я жила на четвертом этаже,— сказала девушка, считая, вероятно, что сейчас это очень важно.

— А лифт у вас был?

Они помолчали.

— Ты знаешь, почему меня отправляют туда?

— Знаю.

— Почему?

— Ты сам этого захотел.

— Что, что?

— Мне сказали, что ты сам захотел туда.

— Как это сам?— остановился Боб.— Почему?

— Мне ничего больше не сказали.

— Но ты сама-то как думаешь?— спросил он почти грубо.

— Мне кажется, с тобой случилось что-то плохое. Что-то очень плохое.

— Почему тебе так кажется?

— Не могу объяснить.

— Попытайся. Я прошу тебя. Мне это очень нужно сейчас.

— Потому... потому что ты хороший парень...

— Поднимитесь и займите свои места,— послышался приказ командира корабля.

Боб и Лили, побледнев, переглянулись друг с другом.

Боб чутьем угадал, как он должен вести себя в эту минуту.

— Разреши взять твой чемодан.

Он взял чемодан девушки и, пропустив ее вперед, стал подниматься по трапу. И от этой его элементарной вежливости им обоим стало немного легче.

— Лили... я не виноват...

— Я буду тайком от тебя курить,— улыбнулась девушка.

На последней ступеньке она на мгновение остановилась и, не оборачиваясь, сказала:

— А жалко, что мы уже как хорошие знакомые, правда?

— Не забыли ничего?— крикнули снизу.

Боб вышел вдруг из кабины космолета и поспешно спустился вниз, на землю. Он не знал — зачем. Он ничего не забыл внизу.

Он постоял с минуту в полной растерянности, огляделся кругом.

В нем не было ни сожаления, ни протеста, ни грусти расставания. Это была для него попросту пустая минута. И вместе с тем чрезвычайно важная.

Боб помочился, не стесняясь присутствием множества людей. Для него эти люди уже не существовали. Они были сейчас заняты. Сооружали ему памятник. Боб постеснялся бы, только если бы его видели доктор или Лили...

Он снова поднялся в космолет.

Дверь кабины тяжко захлопнулась.

Люди моментально разбежались с поля.

Раздался оглушительный шум, космолет дрогнул и оторвался от земли.

Сидящие в кабине не смотрели друг на друга.

Они все трое снова были друг другу чужие.

Боб вытащил из кармана утреннюю газету и заставил себя читать.

«...Случаи воровства в столице участились. Уголовные преступления совершаются, как правило, ветеранами войны...»

Ну что же, стало быть, я сделал свое дело. Я могу быть спокоен, меня поняли,— подумал Боб, но подумал

без радости и даже без волнения. Теперь уже это было ему безразлично, потому что он прочитал это с опозданием на десять минут. Ему надо было прочитать это десятью минутами раньше, на земле, когда еще было время...

Боб опустил газету и посмотрел в иллюминатор.

Земля еще не исчезла из виду. И глядя на нее, на эту землю, на которой он прожил годы, Боб не мог не найти самую большую в своей жизни ошибку. Потому что еще минута — и земли уже не будет видно, земли, той единственно твердой, единственно надежной точки опоры, которой еще можно было довериться. Довериться и сделать признание. Еще минута — и конец, и тогда будет поздно.

Самой большой ошибкой твоей жизни было не то, что ты принял участие в войне, а то, что ты принял в ней участие — не подумав.

Не то, что ты согласился сбросить бомбу, а то, что ты согласился — не подумав. Не то, что ты сбросил эту бомбу, а то, что ты сбросил ее — не подумав.

Ты не подумал.

Он увидел в иллюминатор что-то круглое и не сразу догадался, что это такое. Потом улыбнулся вдруг. Вот тебе и на! Стало быть, земля действительно круглая! Стало быть, его не обманывали?

В этот последний миг ему захотелось вызвать в памяти что-нибудь определенное. Какое-нибудь дерево, камень, дом, лицо или же слово. И единственное, что ему вспомнилось, была мать, которую он так редко видел. Он спрятал лицо от сидящих рядом чужих людей и заплакал. И в первый раз в жизни не устыдился собственной сентиментальности. Моя мама, моя добрая, моя любимая, моя хорошая мама!

Потом взгляд его упал на большое зеркало в стене кабины, и он увидел в нем себя с головы до ног. Волосы у него были острижены по последней моде, на нем был лучший его костюм, лучшие ботинки и модный галстук.

Но одна, почти неприметная мелочь давно уже его выдала. Носки у него были не в тон с костюмом. Носки он выбрал случайно и невнимательно.

Часть третья

Глава 14

Музей «Хиросима»

В вестибюле музея стояли трое мужчин. Двое из них были одеты в белые костюмы: один — хромой, с палкой, другой — толстый и низенький, с короткими руками и с приветливым добрым лицом.

— Я вам тысячу раз говорил,— обратился Гид к третьему мужчине,— в музей можно входить только в белом костюме.

Третий мужчина, не проронив ни звука, повернулся и пошел прочь.

— А мы?— спросил человек с палкой.

— А мы?— подхватил его вопрос толстячок.

— Я очень сожалею, но придется подождать еще немного. Что поделаешь, гости опаздывают.

Гид был человек на редкость благовоспитанный.

— А правда, что они приехали из далекой страны?— спросил гардеробщик.— И что когда-то они были нашими врагами?

— Не знаю. Они гости.

— А правда, что это они разрушили наш город?

— Не знаю. Они гости.

В это время открылась входная дверь и в вестибюль вошли двое молодых мужчин в белых костюмах и с ними девушка. Все, кроме Гида, посмотрели на вошедших с изумлением.

— Но они очень похожи на нас!— воскликнул гардеробщик.

— Они гости.— И Гид обратился к гостям:— Здравствуйте.

— Здравствуйте,— сказал один из молодых людей.
— Здравствуйте,— сказал другой.
— Здравствуйте,— сказала девушка.
— Здравствуйте,— сказал человек с палкой.
— Здравствуйте,— сказал толстяк.
— Здравствуйте,— сказал гардеробщик.
— Здравствуйте,— сказал кассир.
— Теперь можно начать осмотр музея.
— Вы забыли представиться друг другу,— подсказал Гиду кассир.

— Ах, верно. Извините.— И представился:— Гид.

Представились и остальные.
— Боб.
— Джо.
— Лили.
— Человек с палкой.
— Толстяк.
— Гардеробщик.
— Кассир.
— Теперь можно начать осмотр...
— Да, теперь можно начать осмотр.

Посетителям музея запрещалось иметь при себе часы. Они сдали часы кассиру. Им объяснили, что в каждом зале имеется специальный служащий, который непре-

рывно пишет мелом на обыкновенной доске точное время — час и минуту. Пишет и стирает. Непрерывно.

Сейчас было три часа утра и поэтому, кроме гостей и двоих мужчин, других посетителей в музее не было.

У входа в залы гардеробщик обыскал человека с палкой и толстяка — нет ли у них в карманах других часов. У толстяка действительно оказались.

— На первый раз мы вам прощаем,— сказал Гид.

— Спасибо,— испуганно пробормотал толстяк.

— Позвольте попросить вас еще об одном,— сказал гардеробщик.— В нашем музее надо разговаривать обычным голосом, не слишком тихо и не слишком громко. Просьба, как видите, незначительная и никого не затруднит. И вообще мы требуем от посетителей немногого.

После чего трое гостей, человек с палкой и толстяк сняли свою обувь, надели тапочки и, препровождаемые Гидом, вошли в зал.

— Приятного развлечения,— крикнул им вслед гардеробщик.

— Приятного развлечения,— присоединился к нему кассир.

Залы музея были просторные, с высокими потолками и мраморными колоннами, ослепительными, гладкими и холодными. Полы были устланы громадными коврами, заглушавшими звук шагов. Кругом царило молчание, глубокое и тягостное молчание.

Для того, чтобы попасть из одного зала в другой надо было пройти по тесному коридору с очень низким потолком. Пройти же по такому коридору можно было только нагнувшись.

Рядом с дверью в первый же такой коридор висела таблица.

— О, это самое большое из наших достижений,— сказал Гид. В таблице было указано подробнейшим образом, с точностью до мелочей, кому на сколько следует нагибаться — в зависимости от возраста, пола, роста и от занимаемого в обществе положения. Внизу таблицы имелось примечание, где было сказано, что дирекция музея прилагает все усилия к тому, чтобы облегчить дело посетителям. Поэтому таблица постоянно усовершенствуется, ибо при нынешнем положении вещей люди еще проводят перед ней слишком много времени и с трудом разбираются, насколько им следует нагнуться. В конце стояла фамилия сотрудника, в течение вот уже многих лет кропотливо исследующего этот вопрос.

— Вы можете записать его фамилию, если желаете,— сказал Гид.— Потому что ведь иностранную фамилию запомнить довольно трудно.

— А можно,— спросили его,— если кто-нибудь не пожелает продолжать осмотр музея, можно тому выйти из здания до конца осмотра?

Гид ответил, что можно, но необходимо представить подробную объяснительную записку.

Посетители принялись изучать таблицу, висевшую у первого коридора. Гид, сохраняя по-прежнему любезность, отказался помочь им какими-либо подсказками, обосновав свой отказ тем, что вопрос этот очень тонкий и деликатный. Ему, Гиду, неловко вмешиваться или подсказывать, так как может случиться, что кому-нибудь из посетителей, согласно установленным правилам, надо будет нагнуться ниже остальных.

— И вообразите тогда мое положение,— сказал Гид.

— Вы совершенно правы,— откликнулся толстяк, на которого эти слова очень подействовали,— я вполне вхожу в ваше положение.

А будет ли этот вопрос решен со временем единообразно для всего музея? Гид ответил, что нет, в каждом коридоре нормы разные, потому что вариантов бесчисленное множество и вывести из них среднюю норму чрезвычайно трудно. Благодаря же существующему способу им удается пока что по возможности избегать несправедливости.

Лили нагнулась лишь настолько, насколько нужно было, чтобы не удариться головой о потолок. Она призналась Гиду, что не последовала указаниям таблицы. Значит, можно было, наверно, обойтись и без всей этой сложной и замысловатой системы правил? Гид побледнел и сухо ответил, что может быть это и так, хотя сам он не допускает подобной мысли, и что даже если это так, тем не менее надо строго следовать таблице, поскольку она повешена у двери. Потом он добавил, что сам он всегда идет впереди и не оглядывается на посетителей, ибо ему даже в голову не приходит, что кто-нибудь из них может нарушить правило. Потом он снова сделался любезным и сказал, что и в следующем коридоре он не станет оглядываться, однако уверен, что Лили, даже независимо от собственной воли, последует каждой букве их закона.

— Так у нас бывает со всеми,— заключил он.

Подпрыгивая на корточках (они все сейчас опустились на корточки, потому что разговаривать в полусогнутом положении было трудно), к Лили приблизился толстячок и шаловливо прошептал ей на ухо, что он нагнулся на три сантиметра меньше, чем полагалось. Потом уже серьезно признался, что порядком из-за этого перетрусил.

— Толстяк,— неведомо откуда раздался вдруг оклик громкоговорителя,— прошу разговаривать обычиым голосом, не слишком тихо и не слишком громко.

Зал, в который они вошли из первого коридора, иазывался «Залом людей».

Здесь было множество иадписей, предупреждающих: «Не прикасаться». И было миожество дверей с различными вывесками: «Обед», «Болезнь», «Убийство», «Любовь», «Смерть». На одной из дверей было написано: «И прочее и прочее».

— Здесь экспонируются живые люди, жители Хиросимы,— объяснил Гид.— Они представляют различные сцены из человеческой жизни. Они уже готовы и, как только вы откроете дверь, приступят к своему делу.

— А они актеры?

— Нет, что вы,— снисходительно улыбнулся Гид,— они люди.

— А сцены всегда одни и те же или разные?

— Сцены всегда одни и те же.

Лили прошлась по всему залу, прочитала таблички и выбрала две из комнат—«Обед» и «Любовь»

Она открыла первую дверь и вошла.

Обыкновенная комната, обыкновенный стол, обыкновенные люди.

Отец:— Ну, сядем обедать.

Семья села за стол

Отец:— Я что-то хотел сказать.

Бабушка:— Мои глаза не видят.

Отец (жене):— Дай мне сразу второе, я тороплюсь.

Мать:— Ты всегда торопишься, не было дня, чтобы мы как следует посидели за столом и поговорили.

Отец:— О чем?

Мать:— Ты хочешь сказать, что нам не о чем поговорить, что ли?

Отец:— По-моему, мы уже все друг другу сказали.

Бабушка:— Мои уши не слышат.

Отец:— Я что-то хотел сказать.

Сын:— Папа, ты ведь знаешь все, правда?

Отец:— Да, знаю.

Сын:— Почему говорят, что в нашем городе не осталось ни одного человека, что все умерли?

Отец (испуганно):— Молчи, дурак. А мы кто, мы разве не люди?

Бабушка:— Мои ноги не двигаются.

Отец:— Я что-то хотел сказать.

Мать:— Вчера соседская жена опять явилась домой заполночь. А потом они ругались с мужем до самого утра.

Отец:— Сколько раз мне повторять! Я тороплюсь, дай второе.

Дочь сидела с бумагой и карандашом и что-то сосредоточенно высчитывала.

Мать:— Ты чем занята?

Дочь не ответила.

Мать:— Где это видано — писать во время обеда!

Дочь не ответила.

Мать:— Конечно, если твой отец вечно будет торопиться, то и нечего ждать в доме порядка.

Отец:— Я что-то хотел сказать.

Бабушка:— Мои руки не двигаются.

Дочь:— 2803.

Отец:— Что?

Дочь:— 2803 раза я ела этот суп. Мама — 5402 раза, ты — 9111, брат — 1625.

Бабушка:— Мое сердце не бьется.

Отец:— Я пошел.

Отец вышел из-за стола, надел пальто, направился к двери и наполовину открыл ее. В полуоткрытую дверь показалась улица. Обыкновенная улица, на которой, наверно, были когда-то и тротуары, и магазины, и автомашины, и, может быть, люди.

Отец постоял немного, держась за дверную ручку и мучительно о чем-то раздумывая.

— Ведь я же что-то хотел сказать...

Потом захлопнул дверь, хотя только что за обедом так торопился, снял с себя пальто и снова подсел к столу:

— Ну, сядем обедать...

Сеанс был окончен. Снова начался сеанс.

Лили вышла из комнаты.

— Ну, как, интересно было?— спросил Гид.

— Интересно, очень интересно.

Лили открыла дверь в следующую комнату, на которой было написано: «Любовь».

В кресле, обняв друг друга, сидели двое, парень и девушка, мужчина и женщина, муж и жена, человек и еще человек.

Комната была темная и пустая, виднелся только маленький круглый стол и на нем силуэты трех бутылок.

— О чем ты думаешь?— спросила девушка

— Когда ты рядом, я смотрю иногда на тебя и с удивлением думаю, что когда-нибудь и ты и я постареем.

— Я обещаю тебе не стареть.

— Я тоже тебе обещаю.

— Поклянись.

— Клянусь.

Они рассмеялись.

Лили стала подбирать с пола бильярдные шары и один за другим, тщательно прицеливаясь, бросать их

в темнеющие на столе бутылки. Она делала это медленно и сосредоточенно. Но бутылки не падали.

— Нам надо уехать отсюда,— сказал юноша.

— Куда?

— Туда.

— А, туда!

— Да, потому что там все будет иначе.

— Ты прав, там все будет хорошо.

— Не хорошо, а иначе.

— Поцелуй меня.

— Кто-то сейчас попал под машину.

— Вот если бы мы могли уехать туда!

— Останься у меня ночью.

— Не могу. Дома будут беспокоиться.

— Позвони.

— А что сказать? Почему я остаюсь?

— Значит, ты меня не любишь.

— Опять ты за свое?

— Останься у меня ночью.

— Не могу, не могу.

— Останься у меня ночью.

— А ты ведь хотел увезти меня туда...

— Если бы я мог... если бы я мог...

Лили наконец прицелилась точно и попала. Бутылка опрокинулась.

— Что это за шум?— удивилась девушка.

— Зажгу свет, посмотрим.

Мужчина встал и включил свет.

Лили застыла на месте от изумления: в кресле перед ней сидели старик и старуха. Это они разговаривали в темноте.

Лили повернулась и вышла из комнаты.

Гид встретил ее улыбкой, которая означала: «я понял,

я все понял», и рассказал, что это самые старые их кадры, что на работу они поступили чуть ли не со дня основания музея, то есть когда Хиросима только была разрушена и когда сами они были еще очень молоды. Потом он прибавил, что было бы, наверно, лучше, если бы свет в этой комнате вообще ие зажигался, однако дирекция музея не хочет этому препятствовать, чтобы не погрешить тем самым против правдивости.

— Наша единственая иадежда,— сказал Гид,— что далеко не каждый вздумает целиться в бутылки.

— Почему вы не замеиите их молодыми?— спросила Лили.

— А вы представляете, что это значит? Это значит снять этих людей с работы. Между тем они все забыли и не умеют делать ничего, кроме того, что делают здесь.

— Но зачем снимать? Переведите их в другую комнату и пускай они изображают что-нибудь, связанное со старостью.

— Во-первых, они не знают, что оии старики. И вовторых, я ведь уже сказал, что они ничего, абсолютно ничего не умеют делать. Они все забыли. А вообще вам было интересно?

— Интересно, очеиь иитересно.

Боб подошел к Лнли, взял ее за руку и ввел в пустую комнату.

— Лили, я люблю тебя. Может, тебе не иравятся эти слова, может, ты считаешь их старомодиыми, ио я говорю не стесняясь. Ведь мы с тобой в музее, а в музее можно...

— Я тоже люблю тебя. Я поияла это тогда, когда, помнишь, я потеряла свой гребешок и попросила твой.

Я причесалась твоим гребешком и в эту самую минуту почувствовала, что люблю тебя

Боб поцеловал Лили.

— Интересно, очень интересно,— послышалось рядом.

Они вздрогнули, обернулись и увидели, что в дверях стоят толстячок и человек с палкой. Выходя же они обнаружили, что, сами того не замечая, попали в комнату с табличкой «И прочее и прочее».

Джо подошел к Лили, взял ее за руку и ввел в пустую комнату, на двери которой значилось: «И прочее и прочее».

— Лили, я люблю тебя. Может, тебе не нравятся эти слова, может, ты считаешь их старомодными, но я говорю не стесняясь. Ведь мы же с тобой в музее...

— Я тоже люблю тебя. И знаешь, когда я это почувствовала? Помнишь, сегодня утром ты попросил меня пришить пуговицу на твоем пиджаке? Ты не снял пиджак... Я пришила прямо на тебе... Ты стоял, а я сидела на кровати... Ни о чем не думала... Только считала . считала, сколько пуговиц на твоей рубашке...

Джо поцеловал Лили.

— Интересно, очень интересно,— раздался неожиданно голос Боба.

Боб произнес эти слова без тени иронии, глубоко убежденный, что перед ним экспонаты.

И подумал, что в этом городе и на самом деле ничего не осталось. Что Хиросима действительно не существует. Что ее нет.

Глава 15

Он проснулся, весь покрытый испариной, испуганно приподнялся, сел на постели и босыми ногами осторожно коснулся пола. Посмотрел на часы. Поздняя ночь. До рассвета остается еще несколько часов.

В комнате было тепло, но он почему-то никак не мог побороть охватившей его дрожи. Он знал, что нужно надеть носки и накинуть на себя пиджак (так его учила мать), но от страха словно прирос к месту, уставившись взглядом в одну точку.

Так тебе и надо,— подумал он.— Ты ведь сам так жаждал узнать, что именно оставил позади себя...

И вдруг вспомнил, где он сейчас находится.

Адрес: планета Тюнитос, улица Шести Деревьев, 24, Клод Роберт Изерли.

На планете Тюнитос имелась одна-единственная длинная улица с двухэтажными домами по обе стороны. Улица — асфальтированная, дома — каменные.

Еще что?

Еще имелась «Химчистка». Там никого не было. И магазин без продавца: «Готовое платье».

Еще?

На одном из зданий крупными буквами было написано: «Кинотеатр». Кинотеатр представлял собой просторное помещение без стульев и без экрана. Вход — бесплатный.

Еще?

Посреди улицы имелся светофор с зеленым и красным светом. Среднего между ними, желтого, не было. Почему? Кто знает! Да и зачем он, собственно, был нужен? Ведь машины по этой улице не проезжали.

Ну а еще, еще?

На улице росло шесть деревьев и жило около ста человек. Люди эти были незнакомы друг с другом. Гуляли каждый сам по себе, занятые своими какими-то мыслями. При встрече, однако, здоровались и даже шляпу снимали.

Ходили они только по тротуару, хотя никто и не мешал им спускаться на мостовую, где были особые места для перехода, отмеченные широкими белыми полосами.

«Все они, наверно, жители этой планеты»,— сонно подумал Боб.

Он встал с постели в одной пижаме, босиком подошел к окну и посмотрел на улицу.

На краю противоположного тротуара стоял его неизменный страж — доктор в белом халате.

Он и днем неустанно следил за Бобом, всегда, однако, держась на почтительном расстоянии. Когда, например, гуляя, Боб доходил до конца улицы и поворачивал назад, доктор останавливался, терпеливо поджидал, пока Боб с ним поравняется и пройдет дальше, после чего невозмутимо продолжал следовать за своим поднадзорным.

Странно, что они никогда не смотрели друг на друга. Они словно бы не существовали друг для друга.

Доктор и сейчас не смотрел наверх. Он нагнулся и смахивал пыль с ботинок. Он делал это тщательно и сосредоточенно.

Боб впервые испытал неудержимое желание поговорить с кем-нибудь, кому-то что-то сказать, пускай даже что-то совсем незначительное, совсем пустяковое. Единственным человеком, с которым он мог здесь поговорить, была Лили, но Боб о ней не подумал. Не подумал, потому что она была единственная. И он был единственным для нее.

Он в отчаянии оглядел свою комнату, и взгляд его

остановился на телефоне. Боб кинулся к телефону, сорвал с него трубку и, торопясь, словно в этом было единственное для него спасение, набрал случайный какой-то номер.

— Алло,— сказал он волнуясь.— Алло, алло. Это с первого этажа?

— Что, что?— удивился женский голос.

— Это с первого этажа?— повторил Боб.

Так он почему-то назвал землю.

— Кто говорит?— спросила женщина.

— Один из ваших старых поклонников.

— О!— смягчился голос.— Но кто же именно?

— Угадайте сами.

— А я вас знаю?

— Едва ли. Но мы часто встречались на улице.

— Ради бога, скажите, кто вы!— кокетливо прощебетала женщина.— У вас такой знакомый голос.

— Вы всегда мне нравились.

— В самом деле? Не может быть.

Голос женщины показался Бобу родным и трогательным, и ее голос, и вся эта избитая, столько раз повторенная их болтовня.

— Мы можем сегодня встретиться?

— Нет, что вы!— ответ прозвучал строго.— Во-первых, я вас не знаю. И во-вторых, я замужем. Скоро придет мой муж.

— И все-таки, может, встретимся?

— Не понимаю, что за манера звонить незнакомой женщине и просить свидания! Положите трубку.

— Извините,— сказал Боб,— я не хотел...

— И как вы можете вообще допускать подобные мысли! Я просто оскорблена.

— А вы разрешите звонить вам иногда?

Женщина не ответила, помолчала немного, потом опять заговорила кокетливым тоном:

— Скажите, кто вы? Чем занимаетесь?

«Тьфу, черт, вечно им нужно знать, кто я!»— он от злости не смог ничего придумать и буркнул:

— Я летчик.

— Что вы говорите! Я всегда завидовала летчикам. Ваша профессия, наверно, очень интересная. И очень опасная.

— Да,— сказал Боб,— да.

— Особенно когда война. Вас ведь все время обстреливают, правда?

— Видите ли, я еще учусь...

— Синее, беспредельное небо,— мечтательно пропела женщина,— и вдруг — выстрелы... Какой ужас...

— Да, да,— пробормотал Боб.— Ваш муж еще не пришел?

— Мой муж? Ах, он такой ревнивый! А вы женаты?

— Женат? Не знаю... Не помню...

— То есть как?— рассмеялась женщина и неожиданно спросила:— Вы далеко сейчас находитесь?

— О да, я нахожусь очень далеко,— усмехнулся Боб, уже чуть было не поддавшийся самообману, уже почти что вообразивший, что он и впрямь находится где-то рядом с женщиной и сейчас ему придется пойти на свидание.— Я никогда больше не стану вас беспокоить,— добавил он безучастно.— Я вам больше не помешаю... У меня нет никаких денег в банке... Я давно закрыл свои счета...

Он повесил трубку и, опустив голову, устало прижался лбом к телефону. Он посидел так с минуту, потом решительно поднялся, выдвинул ящик письменного стола и извлек оттуда толстую веревку. Он влез на стул, закрепил веревку на толстом гвозде, торчащем из потолка,

спустился и с холодным, ничего не выражающим лицом завязал на конце петлю.

Он действовал спокойно, сосредоточенно и легко.

В коридоре послышались чьи-то шаги. Они приблизились и стихли возле самой двери. В дверную щель просунулся конверт.

Боб кинулся к двери, подобрал с пола конверт и увидел, что письмо адресовано ему.

— Я, кажется, вовремя подоспел с этим письмом?— услышал он голос доктора.— Вот видите, что значит иметь дело с хорошим психиатром...

Письмо философа Гюнтера Андерса
Клоду Роберту Изерли.
Земля—планета Тюнитос
(документ)

Дорогой мистер Изерли,

Вы не знакомы с пишущим эти строки. Зато мы, мои друзья и я, знаем Вас. Независимо от того, где мы находимся — в Нью-Йорке, в Вене или в Токио,— мы с напряженным вниманием следим за тем, как Вы справляетесь или не справляетесь с Вашей бедой. Не потому, что мы так любопытны, и не потому, что Ваш «случай» интересует нас с медицинской или с психологической стороны. Мы не медики и не психологи. А потому, что мы стараемся, стремимся со страхом и тревогой понять те моральные проблемы, которые стоят сегодня у всех у нас на пути.

Мы живем в такую эпоху, когда на любого из нас может свалиться та же вина, которая пала на Вас. И если не Вы выбрали себе свою злосчастную участь, то и злосчастную эту эпоху выбрали себе тоже не мы. В этом смысле мы, стало быть, как говорят американцы, in the same

boat — в одной лодке. Вот эта-то общность и определяет наше отношение к Вам. Вы имели несчастье действительно сделать то, что завтра, может быть, вынужден будет сделать любой из нас. Вот почему Вы необычайно важны для нас. Вы просто необходимы нам. В известной мере Вы — наш учитель.

Конечно, Вы откажетесь от этого титула. «Вот уж нет,— скажете Вы,— ведь я никак не справлюсь даже с собственным состоянием».

Вы удивитесь, но именно это «никак» и имеет для нас решающее значение. Оно для нас даже утешительно.

Я не говорю: «утешительно для Вас». Менее всего склонен я утешать Вас. Ведь утешая, обычно говорят: «Дело еще не так скверно»,— то есть пытаются умалить случившееся, преуменьшить горе, изжить словами вину. Именно это и пытаются сделать, например, Ваши врачи. Почему эти люди так поступают, догадаться нетрудно. Они не имеют права морально осуждать получившую всеобщее признание и даже всячески восхваляемую военную операцию. Они не смеют и помыслить о самой возможности такого осуждения. Следовательно, они должны во что бы то ни стало отстаивать безупречность поступка, справедливо кажущегося Вам виной. Поэтому-то Ваши врачи и твердят: «Hiroshima in itself is not enough to explain your behaviour»[1],— что, если говорить попросту, означает: «Не так уж и плоха была Хиросима». Поэтому они ограничиваются тем, что вместо самого поступка (или того состояния мира, при котором возможен такой поступок) критикуют Вашу реакцию на этот поступок, поэтому они вынуждены называть Ваши муки и Ваше

[1] Хиросимы как таковой еще недостаточно, чтобы объяснить Ваше поведение (англ.).

ожидание наказания «болезнью» (classical guilt complex)[1] и поэтому они должны рассматривать Ваш поступок как self-imagined wrong, то есть как выдуманное Вами преступление.

Hiroshima — self-imagined[2]. Право же, Вам это лучше знать. Не без причины преследуют Вас по ночам крики раненых, не без причины вторгаются в Ваши сны тени погибших.

Для нас утешителен тот факт, что Вы «не справляетесь» со случившимся. Утешителен как доказательство того, что Вы пытаетесь теперь расплатиться за неведомые тогда последствия Вашего поступка, ибо такая попытка, даже если она тщетна, свидетельствует о том, что Вам удалось сохранить совесть, хотя однажды Вы успешно сработали в качестве колесика механизма. Я сказал: «Даже если Ваша попытка тщетна». Она не может не быть тщетной. И вот почему.

Даже причинив зло одному-единственному человеку — об убийстве я уж не говорю,— не так-то легко, хотя последствия этого поступка вполне обозримы, «справиться» со своей совестью. Но в данном случае речь идет о чем-то другом. Ведь Вы имели несчастье оставить после себя двести тысяч убитых. Как испытать боль за 200.000 человеческих жизней? Как раскаяться в 200.000 убийств? На это не способны не только Вы и не только мы, на это никто не способен. Каких бы отчаянных попыток мы ни делали, боль и раскаяние остаются недостаточными. Раскаяться невозможно. Тщетность Ваших усилий Вы должны ощущать и переживать ежедневно: ибо, кроме этого ощущения тщетности, нет ничего, что могло бы заменить

[1] Классический комплекс виновности.

[2] Хиросима—плод вашего воображения (англ.).

собою раскаяние, что могло бы удержать нас от повторения таких чудовищных дел. И, значит, если безуспешность Ваших усилий вызывает у Вас панику и душевный разлад, то это в порядке вещей. Можно, пожалуй, даже сказать, что это признак Вашего нравственного здоровья.

Обычный способ справляться с чем-то большим состоит в простой уловке замалчивания: человек продолжает жить точно так же, как прежде, сбрасывая случившееся со счета, не видя в слишком большой вине вообще никакой вины. Иными словами, для того, чтобы с ней справиться, с ней не пытаются справляться. Так ведет себя, например, Ваш товарищ и соотечественник Джо Стиборик, которого любят ставить Вам в пример, потому что он продолжает жить припеваючи, преспокойно заявив, что «та бомба была просто чуть больше обычной». Еще лучшей иллюстрацией этого способа может служить ваш император, который скомандовал Вам «go ahead»[1]. Недавно, наивнейшим образом извращая всякое представление о нравственности, он заявил, что не испытывает ни малейших «pangs of conscience»[2], чем, наверно, и доказывал свою невинность. А потом, подводя в день своего семидесятилетия итоги жизни, он назвал своей единственной достойной раскаяния ошибкой тот факт, что он женился только тридцати лет. Я не думаю, чтобы Вы завидовали этой «clean sheet»[3]. Разве человек, подобным образом удирающий от себя самого, не смешон? Вы, Изерли, так не поступили. Вы не смешны. Вы делаете, даже если Вы и потерпите неудачу, все, что в человеческих силах. Вы пытаетесь продолжать жить в качестве того, кто это со-

[1] Действуй!

[2] Угрызения совести.

[3] Незапятнанной репутации.

вершил. Это-то нас и утешает. Даже если Ваш поступок, как раз потому, что Вы отождествляете себя с ним, Вас изменил.

Вы понимаете, что я намекаю на Ваши уголовные дела и на Вашу репутацию человека деморализованного. Не думайте, что я анархист и защищаю Ваше поведение или отношусь к нему легкомысленно. Но в данном случае эти преступления носят несколько необычный характер. Это акты отчаяния. Ибо если ты так виноват, а общественность считает тебя невиновным и на основании твоей вины даже прославляет тебя как smiling hero[1], то для человека порядочного подобное положение невыносимо. Чтобы покончить с этим, как раз и нужно совершить какой-нибудь непорядочный поступок. Поскольку в мире, где Вы живете, не поняли, не смогли, да и не пожелали понять той чудовищной тяжести, которая лежала и лежит на Вас, Вы должны были пытаться говорить на понятном там языке, на жаргоне of petty или big larceny[2], действуя принятым в обществе способом. Вот Вы и попытались доказать свою вину поступками, которые как-никак считаются там преступлениями. Но даже и это Вам не удалось. Вы по-прежнему осуждены слыть больным, а не виноватым. И так как Вам в известной мере не позволяют быть виноватым, Вы по-прежнему несчастный человек.

Месяц тому назад я побывал в Хиросиме; там я говорил с теми, кто остался в живых после Вашего «визита». Можете быть уверены, среди этих людей нет никого, кто вздумал бы преследовать тот винтик в военной машине, каким были Вы, когда двадцати шести лет от роду выполняли свою «миссию», никого, кто ненавидел бы Вас.

---

[1] Улыбающегося героя.

[2] Мелкого или крупного жульничества.

Но теперь Вы доказали, что хотя Вы однажды и сработали как винтик, Вы все-таки, в отличие от других, остались или, вернее, вновь сделались человеком.

6-го августа жители Хиросимы будут, как каждый год, отмечать день, когда «это» случилось. Вы могли бы обратиться к ним с посланием по случаю этого дня. Если бы Вы по-человечески им сказали: «Тогда я не знал, что делал, теперь я это знаю. И я знаю, что такое не должно повториться, что ни один человек не вправе требовать от другого, чтобы тот сделал такое» и еще: «Ваша борьба против повторения таких злодеяний — это и моя борьба, ваше «No more Hiroshima»[1]—это и мое «No more Hiroshima» или что-нибудь подобное,—можете быть уверены, что таким посланием Вы доставили бы уцелевшим жителям Хиросимы величайшую радость и что эти люди считали бы Вас своим другом, своим товарищем. И это было бы даже справедливо, поскольку и Вы, Изерли, тоже жертва Хиросимы.

Гюнтер Андерс

Что же это выходит? Выходит, ты опять не освободился? Опять интересуются Клодом Изерли? Напали на сенсацию! Нашли себе дело, занятие!

Как будто мало, что ты и без того страдаешь и мучаешься, тебе еще пытаются объяснить, отчего эти твои страдания, эти твои муки.

Тебя снова выставляют на обозрение, на торги только на сей раз торги честные, против которых ты ничего не можешь поделать...

[1] Хиросима не должна повториться.

Боб встал и прошелся по комнате из угла в угол. Взгляд его упал на веревку, и он усмехнулся.

Он взобрался на стул, сорвал веревку с потолка, развязал петлю и сам себя устыдился. Где-то, в каком-то отдаленном уголке души, он был доволен, был очень доволен, что есть на свете человек, которого занимает его судьба, что есть на свете человек, который еще не забыл его и сумел так глубоко, так правильно в нем разобраться.

Боб попросту завидовал ему, этому человеку: Андерс знал, что ему следует делать, и все знали...

А веревка? Веревка была. Боб уже испытал, что это значит. И если бы он сейчас выбросил ее куда-нибудь в угол или если бы уничтожил, все равно, она бы снова напомнила о себе.

Был один только выход — найти ей применение. Применить ее на что-нибудь самое обыкновенное. Ну, скажем, воспользоваться ею как скакалкой, как это делают обычно маленькие девочки.

Боб осторожно открыл дверь и тихонько прокрался на кухню. Согрел воду в большом тазу, притащил его в комнату и снова запер дверь. Потом собрал все свое грязное белье и, как мог, выстирал.

Потом протянул веревку посреди комнаты, от стены к стене, и развесил на ней только что выстиранные вещи.

Глава 16

Лили вошла в магазин «Готовое платье» и направилась за прилавок.

Немного погодя вошел туда и Боб.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.
— Я хотел бы купить костюм.
— Летний или зимний?
— Зимний.
— В какую цену?
— Это неважно, лишь бы костюм был хороший.
— Ваш размер?
— Честно говоря, не знаю. Впервые покупаю готовый костюм.

— Вам нужен пятидесятый или пятьдесят второй. Пожалуйста, проходите и выбирайте сами.

Каждый день он выходил так вместе с Лили и заставлял ее выполнять различные упражнения, разыгрывать те или иные сцены из жизни первого этажа.

Боб понимал, конечно, что упражнения эти и смешные и глупые. но что поделаешь, он боялся постепенно забыть все прежние свои привычки, все то, что составляло прежнюю его жизнь. Вернее, ему казалось, что если он не станет делать и этого, то поневоле признается, что до конца жизни ему оставаться здесь.

У витрины магазина собралось уже несколько человек. Люди эти стояли молча и каждый сам по себе с интересом наблюдали, что происходит внутри.

Боб и Лили прекратили разговор, вышли на улицу и, стараясь ни на кого не смотреть, двинулись дальше.

Тем временем появился откуда-то незнакомый Бобу врач в белом халате.

— Нельзя, нельзя!— крикнул он сердито и разогнал собравшихся.

«Все это, наверно, здешние жители»,— как всегда с безразличием подумал Боб.

Они перешли к следующему упражнению: «Случайное знакомство на улице».

Боб медленно шел позади девушки и внимательно ее разглядывал. Хорошая фигура, длинные ноги, длинные руки. Бобу девушка понравилась. Он прибавил шагу, поровнялся с ней и спросил улыбаясь:

— Вам не скучно одной?

— Ничуть.

— Знаете, я очень любопытный. Когда я вижу на улице девушку, мне всегда хочется узнать, куда она идет.

— Я иду на свидание. Вы удовлетворены?

— Ваше лицо мне знакомо. Интересно, где же я мог вас видеть?

— Я тоже вас знаю.

— Правда?

— Вы не Клод Изерли?

Боб остановился, растерявшись от неожиданности. Почувствовал, что с ним поступили жестоко.

Девушка, не задерживаясь, пошла дальше.

Боб пришел в себя, сорвался с места, опять догнал ее.

— Ну и что из того, что я Изерли?— сказал он уже расстроенно.— Неужели я не имею права сказать, что вы мне понравились?

Оба они почему-то шли очень быстро, словно опаздывали куда-то.

— Простите меня...

— За что?

— Я говорил ужасные глупости. Вы, наверно, тысячу раз слышали эти слова.

— Я слушала вас охотно...

— Охотно?— погрустнел Боб.— А если бы на моем месте был кто-то другой?

И он вдруг заметил, что девушка плачет.

— Что с вами?— опять растерялся Боб.— Я вас обидел?

Девушка остановилась, поискала в кармане платок, но не нашла. Боб протянул ей свой. Она не взяла и, отвернувшись, вытерла слезы рукавом. Потом, даже не посмотрев на Боба, бросилась бежать от него по улице. И тогда только Боб вынужденно позвал ее:

— Лили! Лили!

Боб, понурив голову, возвращался домой.

И, как всегда, за ним на некотором расстоянии следовал его врач в белом халате.

— Доктор!— остановился и окликнул его Боб.

Доктор тоже остановился, но не посмотрел на него.

— Доктор!— повторил Боб.

Доктор словно не слышал.

Боб сам подошел к нему.

— Почему вы меня избегаете?— спросил он.— Почему вы никогда не разговариваете со мной?

— Я не хочу, чтобы вы ощущали мое присутствие,— раздраженно и холодно отчеканил врач.

— Но вы же постоянно следите за мной,— пожал плечами Боб.

— Это мой долг.

— Долг? Но почему?

— Вы должны вылечиться. Вы должны выздороветь и вернуться на землю. Вы обязаны выздороветь, потому что вы не принадлежите себе. Вы принадлежите тысячам и миллионам людей.

— Нет, доктор, я принадлежу себе, только себе,— улыбнулся Боб.

— Эти ваши слова лишний раз доказывают, что вы нуждаетесь в лечении.

— Доктор, вы действительно верите, что я болен?

— Что это за вопрос?— обиделся доктор.— За кого вы меня принимаете? Чего же ради в противном случае я оставил бы дом и семью и последовал за вами?

— Значит, вас не заставили?— опешил Боб.— Вы сделали это добровольно?

— Разумеется, добровольно. Я приехал, потому что высоко вас ценю и потому что мне дорога ваша судьба.

И Бобу стало ясно, до потрясения ясно, что врач не только не знает о нем правды, не только обманут, но и приехал сюда из самых высоких, из самых что ни на есть благородных побуждений. Принес себя в жертву, как говорится...

— Благодарю вас, доктор,— сказал Боб.— Простите меня. Я действительно болен. Я действительно нуждаюсь в вашей помощи.

— Отныне я усилю свой надзор за вами,— сказал врач.— Я буду определять каждую вашу минуту и каждый шаг. И вы даже не вздумайте протестовать или сопротивляться. Между прочим, у меня довольно сильные руки. Имейте это в виду.

Боб поднялся к себе, расположился поудобнее на постели и записал в дневник:

«Истинный мученик никогда и не хочет быть мучеником, он просто-напросто осужден им стать; он вынужден стать им вопреки собственной воле. Мучеников всегда делали, делают их и сегодня. Делают те, кто по слепоте и за отсутствием воображения пытаются заглушить голос правды.

Эта навязанная мне роль выше моих сил, никто не спрашивал на этот счет моего мнения, и я ни у кого не просил себе этой роли.

По статистике, кажется, выходит, что более семидесяти процентов философов и религиозных деятелей, начиная с древности и кончая восемнадцатым веком, годами томились в тюрьмах или в изгнании, а умирали во время бегства или насильственной смертью.

Цена, которую платили они в прошлом за то, что не сдавались и высказывали вслух свои убеждения, едва ли была когда-либо меньше сегодняшней.

Значит, если сегодня мы рискуем отстаивать то, во что верим, мы оказываемся в результате в весьма достойной компании таких людей, как, например, Сократ, и даже еще более великих».

Он встал, бесцельно побродил по комнате, потом вспомнил про свое ежедневное занятие. Подошел к телефону и набрал какой-то номер.

— Алло, это откуда?

— Что, что?

— Откуда, я спрашиваю?

— Почтовое отделение.

— Скажите, пожалуйста, есть ли на мое имя письма до востребования?

— Но я не знаю вашего имени.

— Ах, верно, извините...

— Ну говорите, я слушаю.

— Вы очень заняты?

— Да, очень.

— Я вам мешаю?

— Да, уже мешаете.

— Вы знаете, я нахожусь не на первом этаже...— сказал Боб. Он посмотрел в зеркало, на погрустневшее свое

лицо, состроил себе гримасу и, как обычно, добавил: — Я вам никогда больше не стану мешать... У меня нет никаких денег в банке... Я давно закрыл свои счета...

Он опустил трубку, постоял на месте, потом снова вернулся к своему дневнику.

«Можем ли мы доверять физикам? То есть отложат ли они свою работу, чтобы тем самым помешать деятельности военных и политических организаций? Согласятся ли они пожертвовать своей «первой любовью», отказаться от всякого финансирования их исследований, от всякой помощи правительства? Если бы у них хватило на это силы, мы были бы в безопасности.

С одной стороны, я видел успехи науки, а с другой — наблюдал упадок нравственности на нашей земле.

Я хочу припомнить сейчас несколько строк из библии и на этом поставить точку:

«Блаженны кроткие; ибо они наследуют землю. Блаженны милостивые; ибо они помилованы будут. Блаженны миротворцы; ибо они будут наречены сынами божьими».

Вдруг дверь отворилась и вошла Лили. Она остановилась, запыхавшись, у порога комнаты и посмотрела на Боба ненавидящими глазами.

— Что случилось, Лили?— поднялся он ей навстречу.

— Ты подумал обо мне после того, как мы расстались?

— В каком смысле? Что ты хочешь сказать?

— Не подумал ведь? Ну, конечно же, не подумал!

— Лили, честное слово, я не понимаю...

— Я для тебя существую или нет? Я хоть что-нибудь для тебя значу или нет?

Боб заметил, что Лили надела новое платье и туфли на высоких каблуках. Переменила и прическу. Две короткие косички, с тоненькими лентами.

— Слушай, я ведь тебе нравлюсь, правда?— совсем уже разозлившись, крикнула Лили.

Боб улыбнулся.

— Я знаю, что нравлюсь. Я сегодня утром это почувствовала. Помнишь, когда разыгрывала для тебя незнакомую девушку...

— Да,— еще шире улыбнулся Боб,— помню.

— А почему же не говоришь? Почему не признаешься?

— *Лили...*

— Ну что ты торчишь?— сказала она с ненавистью.— Обними меня сейчас же!

Боб подошел к ней смущенный, взял мягко за руки и притянул к себе. Он обнял ее, и она вся прижалась к нему и начала молотить его по спине кулаками.

— Я боялся, что ты скажешь «нет»,— прошептал ей на ухо Боб,— это было бы ужасно...

— А если бы я не сказала?

— Это тоже было бы ужасно. Я знал бы, что у тебя нет другого выхода. Нет выбора. А у меня — соперника.

Боб поцеловал ее и еще крепче прижал к себе.

— Боб...

— Что?

— Может, мне уйти?

— Зачем?

— Я пойду... Я лучше пойду...

— Хорошо... Сейчас...

Боб снова поцеловал ее долгим поцелуем. Потом осторожно, медленно, благоговейно снял с нее платье и аккуратно повесил его на спинку стула.

Лили стояла перед ним стройная и длинноногая, притихшая и беспомощиая.

Боб взял ее иа руки и понес на постель.

В комиате уже стемнело, и очертания предметов стали тяжелыми и густыми.

Была тишииа, бескоиечное мгиовение тишины.

Потом:

– Боб, зажги свечу... Боб, я хочу тебя видеть... Боб, мие не стыдно... Боб, я люблю... Боб, ты понимаешь, мие совсем не стыдно... Боб, я люблю тебя... Боб, я хочу тебя видеть... Как хорошо, правда, Боб, что я такая бесстыдная...

Они лежали на кровати, при свете свечи. Лежали, чуть отодвинувшись друг от друга, с ощущением честной и чистой усталости, с полнотой самого обыкиовенного и простого счастья, за которым ие таилось иикакого другого смысла, никакой другой глубины.

— Боб... у тебя в дневнике есть обо мне хотя бы строчка?

— Если хочешь, будет.

— Коиечно, не хочу...

Молчание.

— Боб... А это... это было не упражиение? Можст, ты боялся что и это забудешь?

— Я тебя боялся. Ты была для меня последней чертой. Дальше, за тобой — иичего...

Снова молчание.

— А теперь?

— Теперь я сдался. Теперь я просто житель этой длииной и скучной асфальтированной улицы.

И внизу, возле дома, не видя этого и не слыша, улыбнулся довольной улыбкой врач.

Глава 17

Музей «Хиросима»

В следующем коридоре, внимательно прочитав очередную таблицу, указывающую, кому и насколько следует нагнуться, Лили с удивлением поймала себя на том, что и в самом деле с точностью придерживается закона. В ней даже пробудился необъяснимый какой-то страх, оттого что Гид снова шел впереди и совершенно не оглядывался на посетителей. Человек с палкой и толстячок признались Лили, что они на этот раз нагнулись больше, чем требовала таблица. Они сказали, что когда нагибаешься ровно настолько, насколько предписывает закон, всегда есть опасность случайной ошибки, боязнь, что вдруг приподымешь голову и тем самым непроизвольно нарушишь нормы, а когда нагибаешься больше, чем требуется, такой опасности уже нет.

В зале, куда они вошли, перед какой-то дверью стояло и сидело множество людей. Они стояли и сидели в полном молчании. Отдельными группами. Группа — треугольник, группа — квадрат, прямоугольник, круг и так далее... И повсюду опять висели предупреждения: «Не прикасаться».

Гид объяснил, что в комнате за этой дверью есть зеркало, в котором видна разрушенная Хиросима. Каждый человек может увидеть в этом зеркале себя и узнать, жив он еще или умер, а если жив, то каково его будущее.

— Это самый достопримечательный уголок нашего музея,— сказал Гид,— и самый доходный. Многие из этих людей стоят здесь уже месяцы и годы. Никто не решается войти в эту дверь, и никто не решается уйти отсюда.

— А как они питаются?— спросил человек с палкой.

— Для их обслуживания открыт специальный буфет, потому что без еды они могут умереть,— весьма логично ответил Гид.

Лили увидела буфетчика, худого, жилистого мужчину, ловко, быстро снабжавшего обитателей зала едой.

Гид продолжал рассказывать, что родственники этих людей раз в неделю аккуратно присылают им деньги, чтобы они могли расплачиваться с буфетчиком. Следовательно, в зависимости от того, насколько богаты или бедны родственники, среди этих людей тоже образуются различные прослойки. Так что жизнь здесь не останавливается, она так же интересна, как и за стенами музея. Когда кто-нибудь из посетителей решает остаться в этом зале, дирекция посылает письменное сообщение его родственникам. Всех оставшихся музей берет под свою защиту. Они неприкосновенны, и никто не вправе заставить их вернуться к себе домой.

— Где они спят?

— Они спят сидя, ибо если лежать запрещено даже на вокзалах, то что уж говорить о таком культурном учреждении, как музей.

— Где они бреются?— спросил на этот раз Гид и сам же себе ответил:— Бреются и стригутся они у буфетчика, который одновременно является парикмахером.

— Где они купаются?— спросил Гид.— У буфетчика в кладовой есть большое корыто. В этом корыте они по очереди и купаются. А грязную их одежду стирает и гладит жена буфетчика.

— Как они лечатся, когда болеют?— спросил Гид.— Когда они болеют, их лечит буфетчик, который одновременно является и врачом.

— Бесплатно?— выразил удивление Гид.— Конечно, за деньги. Конечно, за деньги. Конечно, за деньги.

На двери комнаты, перед которой толпились обитатели зала, висел огромный замок.

— Для чего этот замок?— спросил Гид и объяснил, что повесили его на дверь сами обитатели этого зала, боясь, как бы кто-нибудь из них не вошел в эту комнату под влиянием всего лишь минутного порыва. Ключ они повесили высоко на стене, чтобы до него было трудно дотянуться. Дотянуться до ключа, снять его не без труда со стены и открыть замок, то есть совершить довольно-таки длительное и сложное действие, мог только тот, кто решился войти в комнату с зеркалом не под влиянием минуты, а в результате долгого размышления.

— Когда я получу отпуск,— сказал Гид,— в первый же день приду в музей посетителем. В белом костюме. И буду задавать вопрос за вопросом. На руку надену часы, чтобы их у меня отобрали. Разговаривать буду или очень громко, или очень тихо, чтобы громкоговоритель сделал мне замечание.

От группы людей, расположившихся треугольником, отделился высокий немолодой человек. Буфетчик спокойно подошел к нему и ласково погладил по голове.

— Ничего, мой мальчик,— сказал он отечески.— Я пока заменю тебя.— И с этими словами стал на освободившееся место в нарушенный треугольник.

Человек, отделившийся от своей группы, направился к двери и потянулся было рукой за ключом, но тут же испуганно повернул обратно.

Буфетчик все так же спокойно уступил ему место и все так же ласково погладил по голове:

— Ничего, мой мальчик...

— Спасибо, что заменили меня,— пробормотал человек.

(Гид:— Но, может быть, часы у меня и не отберут? Ведь мое лицо тут всем знакомо...)

Лили легко и непринужденно подошла к двери. Никто не обратил на нее особого внимания, потому что многие здесь делали это каждый день, но под конец спохватывались и возвращались на место. Бывало даже, что некоторые снимали со стены ключ и даже подносили его к замочной скважине... Однако дальше этого дело пока что не заходило.

И вот теперь на глазах у людей, находившихся в зале, произошло нечто ошеломляющее: девушка спокойно вложила ключ в замок, повернула его, вошла в комнату и беззвучно закрыла за собой дверь.

(Гид:— А я загримируюсь. Да, загримируюсь).

Закрыв за собой дверь, Лили в оцепенении остановилась и зажмурилась от страха.

— Почему ты вошла?— раздался из-за двери голос Боба.

— Прошу тебя, выйди,— сказал Джо.

— Я вам обоим нравлюсь, правда?— спросила от страха Лили.— Боб, я тебе нравлюсь?

— Да.

— А тебе, Джо?

— Конечно.

— Вы любите меня?

— Конечно.

— Очень.

— Вы можете из-за меня поссориться, подраться, сделаться врагами?

— Конечно.

— Конечно.

(Гид:— Ну, предположим, загримируюсь... Но если я стану разговаривать громко, мне все равно не дождаться замечания, потому что громкоговоритель давно уже привык к моему голосу.)

Лили тихонько и боязливо разомкнула веки, подняла взгляд и в первое мгновение ужаснулась,— потому что увидела в зеркале себя. Немного погодя, уже справившись со страхом, она поняла, что перед нею самое обыкновенное зеркало. И ничего больше. Обыкновенное зеркало в пыльной комнате, куда до сих пор не ступала человеческая нога.

Она громко расхохоталась. Потом вытащила из сумочки гребешок и, стоя перед зеркалом, не спеша привела в порядок волосы.

Потом она вышла из комнаты, и обитатели зала расступились перед ней в молчании и страхе. Лица у них были бледны, глаза выдавали внутреннее напряжение. Лили, не останавливаясь, прошла мимо них в другой, противоположный конец зала и, обернувшись, увидела, что вся эта толпа напряженно и пронзительно всматривается в нее.

Вдруг в тишину ворвались какие-то звуки. Толпа вздрогнула как один человек и обернулась на шум. Кто-то, оказывается, подкрался к двери, запер ее и повесил ключ на стену...

— Вы помните,— сказал буфетчик, вытирая выступивший на лбу пот,— я рассказывал вам однажды, как вошел туда? Вы помните, не так ли? Хотите, я расскажу еще раз?

Все кивнули ему.

— Я увидел, как однажды, сам того не зная, я убил людей, много людей. Людей, о которых я не имел никакого представления. В таких краях, где я не бывал ни разу

в жизни. Но это правда, я знаю, что это правда. Вы меня понимаете?

Все кивнули ему.

— Я увидел также свое будущее. Увидел, как другие люди убивают меня. Среди них я рассмотрел и ваши лица. Я увидел, как однажды вам станет ясно, что я действительно побывал в этой комнате, но не нашел в ней ничего, кроме обыкновенного зеркала. Как однажды вы узнаете, что я обманул вас. Обманул, чтобы вы не уходили от этой двери и чтобы я наживался за ваш счет, продавая вам еду, брея ваши бороды, разрешая вам купаться в моем корыте. Я увидел, увидел, что я плут и обманщик, но вы — убийцы. Вы понимаете меня?

Все кивнули ему.

В следующем зале было пусто, только посередине стояла какая-то машина, по виду напоминавшая пианино. И повсюду было написано: «Не прикасаться».

Гид объяснил, что посетители могут задавать этой машине любые вопросы, и она точно ответит: «да» или «нет». До сих пор не было ни единого случая, чтобы она ошиблась.

Человек с палкой, толстяк и Лили приблизились к машине и начали по очереди задавать ей вопросы.

Человек с палкой:— Я хромой или нет?

— Да.

Толстяк:— Мы живем в двадцатом веке?

— Да.

Лили:— Мы живем в двадцатом веке?

— Да.

Человек с палкой:— Моя жена мне изменяет?

— Да.

— Она красивая?
— Да.
— Очень красивая?
— Да.
— Она состарится?
— Да.
— Она заболеет?
— Да.
— Она умрет?
— Да.
— Я увижу все это?
— Нет.
— Почему?
— Она не дает объяснений,— вмешался Гид.
Человек с палкой:— Почему?
Толстяк:— Я счастлив?
— Да.
Лили:— Я счастлива?
— Да.
Человек с палкой:— Я тоже счастлив?
— Да.
Лили:— Все счастливы?
— Да.
— А ты? Ты счастлива?
— Да.
— Значит, в мире так много счастья?
— Да.
— Ужасно, правда?
— Да.
Толстяк:— Земля круглая?
— Да.
— Как яблоко?
— Нет.

— Как глобус?
— Нет.
— Как круг?
— Нет.
— Как земля?
— Нет.
Человек с палкой:— Я есть?
— Нет.
— А моя палка?
— Да.
— Но мы с ней неразделимы, я это она, а она это я.
— Она не дает объяснений,— напомнил Гид.
Лили:— Ты меня видишь?
— Нет.
— А их?
— Нет.
— Ты видела улицу, этот музей, этот зал и себя?
— Нет.
— Тебе нравится Пикассо?
— Да.

Толстяк:— Похудею ли я при частом употреблении минеральной воды?

— Да!

— А не повредит ли такое употребление минеральной воды моему здоровью?

— Да.

— Что же мне делать?

— Она не дает объяснений,— напомнил снова Гид.

Толстяк:— Тебе известно, что сосед взял у меня деньги в долг и не возвращает?

— Да.

Человек с палкой:— Я счастлив?

Машина не ответила.

Человек с палкой в недоумении посмотрел на Гида.

— Очевидно, на сей раз вы не столько задали вопрос,— объяснил Гид,— сколько хотели убедить самого себя, что вы счастливы.

Лили:— Да или нет?

Ответа не последовало.

Лили:— Да или нет?

И вдруг машина заговорила:

— Да, нет, да, нет, да, нет, да, нет,— сыпала она без умолку.— Мы живем в двадцатом веке... Мы живем не в двадцатом веке... Она умрет... Она не умрет... Земля круглая... Земля не круглая... Ты есть... Тебя нет... Палка есть... Палки нет... Пикассо мне нравится... Пикассо мне не нравится... Да, нет, да, нет, да, нет, да, нет.

Гид был совершенно обескуражен случившимся. Он извинился перед посетителями, куда-то убежал и немного погодя вернулся с механиком. Механик, орудуя инструментами, быстро разобрал испортившуюся машину и вытащил из нее обыкновенного человека, к которому тут же подоспели служащие с носилками.

И усталый этот человек, вытянувшись на носилках, еле слышно спросил у склонившегося над ним механика:

— Этот музей большой?

— Да,— сказал механик.— Очень большой.

На двери в следующий коридор висела маленькая табличка, предупреждавшая, что идти по этому коридору можно не нагибаясь.

Однако Лили снова нагнулась.

Спутники посмотрели на нее с удивлением, а она, не выпрямляясь, с негодованием в голосе проговорила:

— Почему вы унижаетесь? Нагнитесь сейчас же. Нагнитесь...

И спутники ее, чтобы не унижаться, тоже нагнулись.

Человек с палкой обратился к остальным посетителям со словами:

— Могу я попросить вас об одной услуге?

— Конечно.

— Вот мой адрес. Передайте, пожалуйста, моей жене, что много денег мне не понадобится. В день три булки и чашка кофе — этого будет достаточно. И навещать меня тоже пусть не приходит, и детей пусть не присылает. Видите ли, мы живем далеко, от нашего дома идти сюда целый час. Зря будут уставать, не нужно. Все равно, у меня есть их фотографии. Вот посмотрите... Это моя жена, это — младшая дочь...

— Он идет в буфет. Он хочет стать обитателем музея,— пояснил Гид.

— Это понятно и без объяснений,— раздраженно сказала Лили.

— Вам, может быть, и понятно. А другим? А ему самому, человеку с палкой? Моя обязанность — всем и все объяснять.

Вдруг Лили, а вместе с нею Боб и Джо заметили, что неподалеку стоит буфетчик и пальцем подзывает их всех к себе.

Они подошли.

Буфетчик вынул из кармана и протянул им кипу бумажных денег.

— Что это такое?

— Больше, к сожалению, дать не могу.

— Но что это такое? Зачем вы это даете нам?

— Я вам обязан. Не будь вас, я до сих пор прозябал бы в бедности.

Они посмотрели на буфетчика с удивлением и испугом.

— Ведь мы же никому не причиняем вреда,— пробормотал он, как бы оправдываясь.— В сущности все наши доходы — от развалин и пепла.

— Но вы еще более обессмысливаете гибель города!

— Что поделать,— ответил буфетчик,— живые люди важнее, чем мертвые...

— Ну пошли, пошли,— нетерпеливо прервал его человек с палкой,— мы теряем время.

Буфетчик отечески взял его за руку и увел с собой.

Глава 18

Зазвонил телефон.

Боб взял трубку и услышал голос своего врача.

— Прошу немедленно явиться в дом номер двенадцать по улице Шести Деревьев.— Он помолчал, потом добавил торопливым шепотом:— Советую не соглашаться.

— С чем?

Но в трубке уже раздались гудки.

Боб поспешно оделся, вышел на улицу и бегом бросился к дому номер двенадцать. Там его уже дожидался врач.

— Доктор, я не понял, с чем не соглашаться?

— Я вам ничего такого не говорил,— нахмурился врач.

— То есть как? Разве это не вы мне сейчас звонили?

— Да, я.

— Разве вы не сказали...

— Вы ошиблись, молодой человек, я просто велел вам явиться сюда. И ничего другого не говорил.

— Извините, мне, наверное, показалось,— сдался Боб.

— Ступайте на второй этаж. Вас ждут.

Боб, теряясь в догадках, медленно поднялся на второй этаж и увидел перед собой человека в белом халате. Человек этот, приветливо улыбаясь, пошел ему навстречу, обнял за плечо и, не говоря ни слова, ввел в свой кабинет.

— Главный врач,— представился он.

— Клод Изерли,— стал навытяжку Боб.

— Чувствуйте себя свободно,— сказал главный врач.

— Слушаюсь.

— Как поживаете, Боб?

— Спасибо, хорошо.

— Как поживают ваши родители?

— Спасибо, хорошо.

— А ваша жена, дети?

— Спасибо, хорошо.

— Ну, значит, все в порядке. На аппетит не жалуетесь?

— Не очень.

— Вот это уже совсем хорошо. А сон? Сон, знаете, тоже очень важен для здоровья.

— Знаю.

— Вы несчастный человек,— лицо у главного врача сделалось грустным.— Я вхожу в ваше положение и в каком-то смысле даже завидую вам. Откровенно говоря, я бы на вашем месте не выдержал.

Боб снова вытянулся, словно по команде «смирно».

— Станьте вольно, Боб, вольно.

— Так мне удобнее, господин главный врач.

— Как хотите, Боб, принуждать вас не буду.

— Спасибо.

— Вам не нужно мне рассказывать, что Хиросима, как призрак, преследует вас и днем и ночью. Вы и она слились друг с другом. Вы и она — одно целое. Верно я говорю?

— Верно, господин главный врач.

— Н-да, тяжело вам. В шахматы играете?

— Нет.

— Жаль. А я как раз ищу на этой планете человека, с которым можно было бы поиграть в шахматы. Вы следите за матчем Петросян — Спасский?

— Нет, мне некогда.

— А чем вы заняты?

— Думаю, господин главный врач.

— Ваш доктор очень вас притесняет, правда? Ходит за вами как тень.

— Да.

— И вы его побаиваетесь?

— Да.

— Знаю, знаю. Это делает вашу жизнь еще невыносимее.

— Вы угадали, господин главный врач.

— Вам, конечно, очень хочется вернуться на землю. Жить как живут обыкновенные люди. Чтобы никто вас не знал, никто вами не восхищался.

— Да, да...

— Вот видите, я все понимаю. Я даже могу сказать, кто главное действующее лицо ваших снов. Не вы, а девушка, с которой вы встречаетесь.

— Отчего это, господин главный врач?

— Очень просто. От страха.— Он помолчал мгновенне.— Музей Хиросима... Ведь так это у вас называется? Ну, конечно, сегодня уже никого не удивишь пирамидами или, скажем, Эйфелевой башней. Вы курите?

— Да. Но... я забыл свои сигареты дома.

— Утешайтесь хотя бы тем, что вы сосланы. Ведь вас тоже могли бы поместить в музей и демонстрировать всем угрызения вашей совести. Признайтесь, что это было бы куда тяжелее.

— Но это же сон.

— Нет, это правда.

— Точно так, господин главный врач.

— Любите виски?

— Да, очень.

— Значит, вы считаете главной своей виной то, что вы не подумали, не так ли? Не то, что вы сбросили эту бомбу, а то, что вы сбросили ее не подумав. Интересно, очень интересно... А скажите, пожалуйста, если бы вы подумали, то, наверное, не стали бы сбрасывать бомбу, а?

— Ну, конечно, конечно.

— Жалко, очень жалко, что вы не подумали. Всегда надо думать, мистер Изерли Вы знаете, сколько мы совершим ошибок, если перестанем думать?

— Но теперь я думаю и очень много.

— Знаю, дорогой, знаю. Однако, к несчастью, теперь это уже несколько поздно и несколько бесполезно. Вы, если не ошибаюсь, ведете дневник? И только ему доверяете свои мысли?

— Да.

— Не этот ли?

И главный врач достал из ящика и протянул Бобу его дневник.

— Каким образом он у вас?— опешил Боб.

— Не пугайтесь, это копия. Последнюю страницу я еще не читал. Разрешите я прочитаю ее вслух.

«Мне всегда казалось, что истинным виновником юридического убийства Христа был первосвященник Каиафа,

представитель благочестивых, порядочных, как принято говорить, добрых людей всех времен, в том числе и нашего времени. Хотя этих людей нельзя упрекнуть в том смысле, в каком упрекают Иуду, они все-таки тоже виноваты, виноваты в более тонком и более глубоком смысле. Вот почему так трудно убедить общество признать мою виновность, давно мною признанную».

— Хорошо написано, Боб. Вы просто талантливый человек.

И восхищенно продолжил: «Правда заключается в том, что общество попросту не может признать мою виновность, одновремено не признав за собой куда более тяжкой вины».

— Вот именно, Боб. Это и есть единственная правда. А все остальное — комплекс виновности или как там это еще называется — все чушь, ерунда. Виски предпочитаете с содовой или...

— С содовой, конечно, с содовой.

— Прошу вас, возьмите карандаш и бумагу. Я продиктую вам продолжение, и вы убедитесь, насколько хорошо я вас понимаю.

Он вручил Бобу карандаш и бумагу и начал диктовать:

— Теперь я вижу, запятая, что мне вряд ли удалось бы вынудить общество к такому признанию, запятая, вступая в открытые столкновения с законом, запятая, как это делал, запятая, решив разрушить этот, в кавычках, героический образ, запятая, который общество создало из меня, запятая чтобы и впредь ничем не омрачать своего благополучия, точка.

— Но это же мои собственные мысли!— воскликнул Боб.

— Более того,— сказал главный врач.— Вы смотрели на меня и думали: этот человек знает так много, что

его уже ничем невозможно ни удивить, ни заинтересовать. Знаю, дорогой, что вы считаете меня циником.

— Верно!— воскликнул Боб.— Совершенно верно!

— Вы действительно хотели бы вернуться на землю?

— Да, очень.

— Хотели бы забыть ваше тяжелое прошлое?

— Да, очень.

— Хотели бы, чтобы ваша совесть больше не мучила вас и чтобы вы жили как все люди?

— Да, да.

— Я могу помочь вам.

— Как?— усмехнулся Боб.

— Я, между прочим, ничуть не обижаюсь вашим недоверием. В самом деле, нелегко сразу поверить, что вы можете освободиться от стольких мук и стать счастливым человеком. Первое условие моего лечения таково: вы должны переменить фамилию и имя.

— Дальше?— с нетерпением спросил Боб.

— Может быть, вы любите и ликер? У меня тут есть всевозможные напитки.

— Люблю, господин главный врач. Очень люблю!

— Я поставил на земле, перед тысячами людей, такой опыт: я телеуправлял огромным быком, с которым приходилось иметь дело почти всем прославленным матадорам мира. По моему желанию бык становился то яростным и стремительным, то неповоротливым и трусливым. Вы представляете, какое это было зрелище?

— Это было, наверно, великолепное зрелище, господин главный врач.

— Мне запретили продолжать опыты: испугались последствий. Испугались, что это даст возможность кучке людей за несколько часов превратить человечество в три миллиарда пассивных индивидов. Понимаете, это тоже,

в своем роде, было нечто подобное атомной бомбе. Что и говорить, я готов, конечно, отказаться от своего открытия во имя общего блага. Но поскольку я очень ценю и люблю вас, то ради вашего же спасения я хотел бы поставить на вас свой последний опыт.

Боб не знал, что и делать от радости и благодарности. Забыв про все на свете, он как подкошенный рухнул в кресло и почувствовал себя на вершине счастья.

— Смирно!— крикнул резко и неожиданно главный врач.

Боб вскочил и снова вытянулся в струнку.

— Ведите себя как подобает мужчине,— последовал любезный совет.

— Слушаюсь, господин главный врач.

— Нам нужно заключить взаимный договор. Я подписываюсь под тем, что этот мой опыт будет последним, а вы обязуетесь отказаться от своего прошлого и от своих угрызений совести.

Боб дрожащими пальцами взял ручку и уже искал с нетерпением, где ему подписаться...И вдруг в нем проснулся один из простейших, один из самых элементарных земных человеческих инстинктов, инстинкт, который заставил его сказать:

— Я хочу подумать. Дайте мне срок до вечера.

— Поздравляю!— воскликнул главный врач.— Поздравляю, Боб. Наконец-то вы поняли, что необходимо думать, что нельзя повторять прежнюю вашу ошибку.

— Точно так, господин главный врач.

— Вы свободны, Боб, можете идти. Кругом... шагом марш... расправьте плечи... тверже шаг... выше голову, выше!..

Спускаясь по лестнице, Боб снова услышал голос врача:

— Боб, ради бога, не подумайте, будто я на вас обидел-

ся или оскорбился. Ваше поведение было так естественно. И так человечно...

Боб вышел на улицу и увидел своего доктора и Лили.

Лили бросилась ему навстречу, испуганно спросила:

— Ты подписал?

— Нет,— ответил Боб,— хочу подумать до вечера.

У Лили словно гора с плеч свалилась. Она с облегчением вздохнула и прижалась головой к его груди. А доктор удовлетворенно улыбнулся.

— Почему вы улыбаетесь, доктор? Вы тоже против?

— Да,— сказал доктор, явно обрадованный и потому, наверно, забывший про свою недавнюю осторожность.— Лечить вас буду я, только я. И не этим способом. После лечения вы должны помнить все и должны знать свое прошлое. Вы должны остаться тем же человеком, а не превратиться в другого.

Он повернулся и пошел прочь. Но вдруг, словно припомнив что-то, замедлил шаги, остановился и стал терпеливо ждать.

Он должен был следить за своим пациентом.

Глава 19

Помещение кинотеатра было полно людей. В нем собрались все жители улицы Шести Деревьев. Они сидели на полу, скрестив ноги, поскольку стульев в зале не имелось.

У стены, на которой полагалось бы быть экрану, стоял стол и за ним поместились трое судей — Лили, доктор и главный врач.

Сбоку от стола, на месте для подсудимого, стоял и удивленно осматривался Боб.

— Суд иад Клодом Робертом Изерли объявляю открытым,— подиявшись из-за стола, сказала Лили.— Обвиняемый Клод Изерли в прошлом был осуждеи дважды. В первый раз — на судебиом процессе Отцов атомной и водородиой бомб и во второй раз — непосредственно до высылки его на плаиету Тюиитос. Сегодня улица Шести Деревьев и личио я предъявляем обвинеиие Клоду Изерли, которого можио называть и попросту Бобом.

— Я не хочу, чтобы меия судили!— крнкиул Боб.— Я не предполагал, что меня вызывают на суд!

— А интересно, что же вы предполагали?— спросила Лили.

— Я не успел окончить уииверситет,— сказал Боб,— как меия призвали в армию, и через месяц началась война.

— Мистер Изерлн, какое это имеет отношеиие к моему вопросу?

— Я думал, что сегодня вы будете вручать мие диплом.

— Нет, сегодия состоится суд над вами.

— А почему мне не прислали повестку?— запротестовал Боб.— Почему вы скрыли это от меия?

— Протест обвиияемого, иа мой взгляд, справедлив,— сказала Лили.— Мы обязаны были послать ему повестку. Мы допустнли промах, за что и готовы прииести извииеиия.

— Я не признаю ваш суд,— сказал Боб.— Я отказываюсь быть суднмым.

— Извините, но вам, кажется, даже не известно, в чем вы обвиняетесь?

— Но ведь вы отлично знаете, каким легким делом стало судить меня.

— Возражеиня обвнняемого неосновательны,— сказала Лилн.— Суд объявляю открытым.

Встал главный врач и задал Бобу вопрос:

— Вы меня узнаете?

— Конечно. Совсем недавно я разговарнвал с вамн.

— Кто я такой?

— Главиый врач.

— Главный врач чего? Чей?

— Наверио, мой.

Все засмеялнсь.

— Чего вы смеетесь?— разозлнлся Боб.— Что я сказал смешного?

— Значнт, меня вам недостаточно?— вставнл с язвительной усмешкой доктор.— Значнт, вам нужно еще и главиого?

— Простите... я не хотел вас обндеть.

— Мистер Изерли, да будет вам известно, что я являюсь главным врачом этого санаторня.

— Санаторня?— не понял Боб.— Какого еще санатория?

— Накоиец обвнняемый задал вопрос. Давайте же поаплодируем ему за это.

Все зааплоднровали, а Боб растерянно поклонился.

— Кто мы?— хором спросили люди, которые сидели на полу, скрестив ноги.— Ты знаешь иас?

— Вы жнтели этой планеты.

— Нет, оии пациенты этого санатория.

— Какие пациенты?— еще более уднвнлся Боб.

— Сейчас я предоставлю слово кому-инбудь из них,— сказала Лнли.— Вы можете слушать вннмательно?

— Отчего же нет?

— Почем мне зиать? Ведь речь будет идти не о вашей жизни, а о жизни другнх людей.

— Нет, нет, я буду слушать очень внимательно.

— Вот вы,— показала пальцем Лили,— встаньте и расскажите, кто вы такие.

Встал один из жителей и сказал:

— Каждый из нас совершил на земле какое-либо преступление и был так беспощаден по отношению к себе, что осудил за это преступление только себя самого. Не общество, а только себя самого. В этом и заключается наша болезнь.

— А почему вы оказались здесь?— спросил Боб.

— Пускай продолжит следующий,— сказала Лили.

— Какую вы ставите мне отметку?— спросил уже ответивший.

— Отлично.

Теперь встал с места другой.

— Общество изгоняет нас из своих рядов и посылает на лечение, потому что люди, подобные нам, не в состоянии жить в этом обществе. Мы погружены в самих себя и заняты исключительно самоанализом. Мы, кроме себя, ничего другого не замечаем.

— Но какое отношение имеет это ко мне?— развел руками Боб.

— Продолжит следующий. Вам я ставлю «хорошо».

— А почему ему «отлично», а мне «хорошо»?

— Потому что, как известно, начать труднее всего. И потом — вам подсказывали.

— Как это ни странно,— продолжил третий,— обществу невыгодно, когда его не обвиняют. Ибо люди, принявшие его вину на себя, становятся своего рода мерилом нравственности. Они кажутся справедливее, честнее и благороднее, чем само общество. Люди, подобные нам, опасны, они служат примером для других. Общество не

потерпит, чтобы отдельная личность выглядела лучше, чем оно само.

— Но я за свое преступление обвинял именно общество,— обрадовался Боб.— Я не имею с вами ничего общего.

— Продолжит следующий. Ставлю вам «хорошо».

— Почему «хорошо»?

— Потому что в нескольких предложениях вы четыре раза сказали «общество».

— Нет, три раза. В четвертый раз сказал обвиняемый.

— Общество хочет вылечить нас,— продолжал следующий,— чтобы потом мы восстали против него же. В противном случае оно перестанет развиваться, перестанет идти вперед. Вы представляете, что было бы, если бы каждый обвинял только себя! Прогресс стал бы попросту невозможным.

— Вы индивидуалисты!— возмутился Боб.— Вас надо уничтожить!

— Следующий. Вам ставлю «отлично».

— Почему «отлично»? Я выучил наизусть.

— Если вы против, я могу снизить оценку.

— Здесь у нас нет общества,— сказал следующий.— Мы живем оторванно друг от друга и копаемся в темных уголках своей души. Нам ничего не нужно от жизни, ни радости, ни печали, ни любви, ни ненависти.

— Я осуждаю вас!— крикнул Боб.— Вы враги прогресса!

— Мы едим в меру, ровно столько, сколько нужно, чтобы существовать. Мы спим в меру, ровно столько, сколько нужно, чтобы сохранить здоровье. Мы разговариваем умеренно, используя при этом ровно столько слов, сколько необходимо для элементарной информации.

— Хочу есть!— подхватили хором сидящие в зале.— Хочу спать! Хочу пить!

— Вы слышали? Мы живем исключительно жизнью духа.

— Вы не имеете права возвращаться на землю!— крикнул Боб.

— Следующий. Вам ставлю «посредственно».

— Почему «посредственно»?

— Вы дали элементарную информацию. Кто следующий?

Поднялся с места тщедушный старичок и виновато пробормотал:

— Простите, я не выучил свою часть...

— Почему?

— Я в прошлый раз был болен.

— Справка от врача у вас есть?

— Нет.

— Так нельзя, так нельзя. Я заметила, что вы вообще плохо учите уроки.

— Нет, нет! Я заучиваю очень старательно, но быстро забываю.

— Двойка. Следующий.

— До сих пор ни один среди нас не вылечился,— продолжал следующий,— ни один из нас не вернулся на землю. Мы живем здесь давно. Мы не имеем ни малейшего представления о второй мировой войне. Мы не знаем, что такое атомная бомба, водородная бомба, что такое Хиросима. Мы и про вас ничего не слыхали.

— Я предлагаю сменить обвиняемого!— крикнул Боб.— Пускай они займут мое место!

— Было несколько случаев, когда люди попали сюда по ошибке. Общество поставило им ошибочный диагноз, а потом выяснилось, что у них всего лишь аппендицит.

Некоторые из них вернулись на землю, а некоторые умерли, потому что операция опоздала. Вы, наверно, видели несколько могил там, где кончается улица?

— Да, видел.

— Это их могилы. Что касается нас, то мы, надо сказать, живем долго, очень долго. Этому способствует климат планеты, ее здоровый воздух и вода, а также, разумеется, наш образ жизни. Как видите, в этом вопросе мы превзошли землю.

— Вы не имеете права говорить о земле!— крикнул Боб.

— Среди нас до сих пор умер всего только один человек, и он похоронен в отдельном склепе,— при этом у говорящего дрогнул голос, а на глазах даже выступили слезы.— Мы гордимся покойным и считаем его величайшим нашим мыслителем.

— Вы кончили?

— Да.

— Двойка.

— Почему?

— Потому что воспоминание о покойнике расстроило вас до слез.

— Изменник!— закричали сидящие на полу.

— Я обещаю, что больше не буду... Простите меня...

— Ладно, на этот раз прощаю и ставлю «удовлетворительно». А вам, Боб, ставлю единицу.

— За что?

— За поведение. Много кричите.

Объявили перерыв. Однако никто не двинулся с места. Когда пятиминутный перерыв истек, суд перешел к обмену мнениями.

Встал главный врач.

— Я осуждаю вас за то, что, живя столько времени на нашей планете, вы до сих пор не знаете, кто я такой.

— Мы осуждаем тебя за то,— сказали в один голос сидящие на полу обитатели планеты,— что ты до сих пор ни разу не поинтересовался, кто мы такие.

— Но я занят, я думаю.

— Вы хотите думать,— сказала Лили,— но хотеть думать это еще не значит думать.

— Нет, я думаю, я даже веду дневник.

— Вы правильно начали свою борьбу,— сказала Лили,— но сейчас вы страдаете той же болезнью, что и все остальные жители планеты.

— Ура! Мы равны!— возликовали жители планеты Тюнитос.— Нас становится больше.

Они повскакали с мест, толкая друг друга, подбежали к Бобу, подняли его на руки и вскинули в воздух. Потом оставили его в покое и снова уселись, скрестив ноги.

— Но я не могу иначе,— сказал Боб.— Я совершил ужасное преступление.

— Это вас не оправдывает,— сказала Лили.— Это, напротив, еще более обязывает вас. А между тем вы не можете забыть себя. Вы заняты только самим собой. Вы так долго занимались самим собой, что уже не замечаете своего окружения.

— Но тебя же я заметил,— сказал Боб с нежностью в голосе.— Я люблю тебя. Лили, вспомни, я прошу тебя, вспомни, какие у нас были счастливые минуты, и не суди меня строго. Помоги мне, прошу тебя, освободи меня. Ведь и ты меня любишь. Скажи это, скажи, пускай все они слышат... Неужели ты не любишь?..

— Неправда! Это я заставила, чтобы ты меня заметил,— сказала Лили с нескрываемым гневом.— Я для тебя просто не существовала. Когда у тебя бывало тяжелое настро-

ение и хотелось с кем-нибудь поговорить, ты обо мне даже не вспомнил. Ты звонил каким-то незнакомым женщинам. Я тебе нужна была только для упражнений. Помнишь эти упражнения, когда мне приходилось быть кем угодно, но только не собой?

— Единица за поведение,— сказал Боб.— Если ты сейчас же не переменишь тон, впечатление будет такое, что ты попросту хочешь мне отомстить.

— Извините,— сказала Лили,— я принимаю замечание. Но прошу ответить на мои слова.

— Я боялся, что твоя любовь заставит меня примириться с новой жизнью.

— Не приди я к вам в тот день, вы когда-нибудь пришли бы ко мне сами, обязательно пришли бы. Потому что вы знали, что другого выхода нет, что вы должны примириться. И я предпочла прийти первая, чтобы по крайней мере избежать этого оскорбления. Признайтесь, что вы не в состоянии забыть себя.

— Я хочу, я, честное слово, хочу забыть себя,— убеждал Боб.— Спроси у главного врача. Я согласен подписаться под договором.

— Вы именно потому и согласны, что не можете отвлечься от собственной персоны,— сказал главный врач.— Вы знаете, что так для вас будет лучше. Не правильнее, а лучше.

— На моих плечах такое тяжкое бремя, как Хиросима,— с гордостью произнес Боб. Потом добавил пренебрежительно:— А на ваших что?

— Думая о Хиросиме, даже в кошмарных снах, вы опять-таки думаете о себе.

— Да ну!— усмехнулся Боб.

— Для вас это была не трагедия вообще, а только

ваша трагедия. Вы сделали Хиросиму своей собственностью. И она фактически перестала существовать.

— Ты не в состоянии что-либо дать мнру!— крнкнули сидящне на полу люди.— Ты бесплоден!

— Ты так долго заннмался самим собой, что мир перестал существовать для тебя,— заявили в один голос трое судей.

— Она моя любовннца!— крнкнул Боб.— Она не имеет права суднть меня! Я с ней спал.

— Вы ошнбаетесь,— сказал главный врач.— Из всех присутствующих только она имеет на то полное право. И вообще мужчину может судить только женщнна. Только женщина по-настоящему знает мужчнну.

— Вас много,— в отчаяннн сказал Боб,— а я однн.

— Меня зовут Джон,— сказал главный врач.— Я человек заслуженный н всеми уважаемый. Я председатель несколькнх научных обществ, награжден орденами и медалями. Из разных стран меня приглашают читать лекции, я нмею множество научных трудов. Но что я за человек, знает только моя жена. И когда где-нибудь заходнт обо мне речь, она равнодушно отмахивается: «А, Джонни...» Вы понимаете, в одном этом слове заключено все! Она может уничтожить меня одним этим словом!

— Предлагаю сформулировать обвинение так,— снова встала с места Лили.— Клод Роберт Изерли — эгоист. Все ли согласны с этой формулировкой?

Зал ответил аплодисментами и крнками одобрення.

— Нет, нет!— решительно запротестовал Боб.— Я ие такой. Это все клевета.

— А я?— раздался вдруг укоризненный голос доктора.— А я!

— Кто вы?— съежился Боб.— Чего вам надо от меня?

— Ты подумал обо мне? Ты же отлично знаешь, что

я пошел на жертву, оставил дом, семью и добровольно последовал за тобой. И знаешь также, почему. Потому что я высоко ценю тебя, считаю, что ты незаменим для нашей нации. Ты подумал хоть раз, каково мне будет, если однажды я вдруг узнаю, что был обманут?

От сидящих в зале отделился еще какой-то человек, подошел к Бобу и сказал:

— Я Гюнтер Андерс, тот самый философ, который писал вам письма.

— Здравствуйте, мистер Андерс. Как поживаете?

— Я знаю, что нужно делать. Я знаю правду. Я защищаю на земле твое дело. Я благодарен тебе.

— Я тоже знаю, что нужно делать,— сказал доктор,— хотя и не знаю правды. Ты помог мне найти мой идеал. Я благодарен тебе.

— А ты не знаешь, Боб, что нужно делать!— крикнули сидящие на полу люди.— Ты бесплоден!

— Как жить?— растерянно пробормотал Боб. —Посоветуйте мне, как жить?

— Решай ты,— единодушно ответил ему зал.

— Он не знает, как жить,— сказала Лили.— Наконец-то он признался. Мы можем осудить его со спокойной совестью.

— Лили, ты сегодня еще более отягчила мою вину. Ты помешала мне. Ты нарочно устроила этот суд. Теперь я не могу подписаться под договором.

— Ты трус, Боб. Ты не имеешь права забывать свое прошлое. Ты не имеешь права бежать от себя.

— Я признаю свою вину,— повесил голову Боб.— Я сдаюсь.

— Скажите ваше последнее желание.

— Я прошу только об одном: изменить мою оценку

за поведение, иначе... иначе мне не разрешат учиться в университете.

Суд состоялся не в помещении кинотеатра и не перед множеством людей, а в маленькой комнате.

Присутствовали только двое: Боб и Лили.

Был уже поздний вечер.

Они подошли к дому номер двенадцать и вместе поднялись на второй этаж.

— Я подожду тебя здесь,— сказала Лили.

— Нет, иди за мной.

— Боишься?

— Наверно.

— Войди и скажи всего несколько слов: я отказываюсь от вашего предложения.

— Хорошо,— улыбнулся Боб,— войдем, и я скажу всего несколько слов.

Он постучался в дверь.

Главный врач открыл ее, и при виде Лили улыбка сбежала с его лица.

Боб взял Лили за руку и вошел.

— Я слушаю вас,— холодно сказал главный врач.— Чему могу быть полезен?

— Мы решили пожениться.

— Что, что?— невольно вырвалось у Лили.

Боб подмигнул ей и приложил палец к губам.

Лили молчала, ошеломленная неожиданностью.

— Мы-ре-ши-ли-по-же-нить-ся,— повторил Боб.

— Ну что же, отлично. Я оформлю ваш брак,— сухо произнес главный врач.

Лили застыла на месте, от смущения не зная, что ей теперь делать, как себя вести. А Боб смотрел на нее и улыбался. Он был доволен, что сдержал обещание — вошел и сказал всего несколько слов.

Главный врач, с помрачневшим и злым лицом, написал на бланке их имена и фамилии, поставил число и стукнул печатью. Потом поднялся из-за стола и с приличествующей случаю торжественностью спросил:

— Мистер Изерли, вы хорошо подумали, вы согласны жениться?

— Да.

— Подпишитесь.

Боб подписался против своего имени.

— Мисс Лили Юджин, вы хорошо подумали, вы согласны выйти замуж?

— Да,— прошептала Лили,— да...

— Подпишитесь.

Лили подписалась против своего имени.

— Поздравляю вас. С сегодняшнего дня вы считаетесь перед лицом закона супругами.

Главный врач пожал им обоим руки, проводил к выходу и захлопнул обитую кожей дверь.

— Боб, я твоя жена?— удивленным шепотом спросила Лили, остановившись у лестницы.

Боб привлек ее к себе и прошептал ей на ухо.

— Лили, мы будем с тобой обыкновенной обывательской семьей.

— Будем, Боб, правда?

— Конечно, будем.

— И мы будем любить друг друга, правда?

— Конечно, будем.

— Счастливые обыватели, правда, Боб?

— Да, счастливые обыватели...

— А потом, потом?

— А потом у нас появится много детей, и мы будем их воспитывать. Мы научим их, что когда взрослые говорят, детям нельзя вмешиваться в разговор. Если я кого-ни-

будь из иих иакажу, ты его ие защищай... ие балуй... Потому что это испортит их. Ты молчи, даже если увидишь, что я неправ...— На лице у Боба сияла улыбка, он говорил прерывисто, словио задыхаясь от радостного волнеиия.— По утрам всем семейством будем пить чай и наши воспитанные дети ие будут разговаривать и шалить за столом. И это будет иаша с тобой месть... Наша месть за все... Поиимаешь, за́ все...

— Понимаю, Боб.

Глава 20

Письмо философа Гюнтера Андерса бонапартам и наполеонам всех стран и времен (фрагменты из документа)

Фрагмент первый

Клода Изерли можно считать «неиормальным» лишь при условии, что «нормальное поведение» определяется как общераспространенное поведение, а не как поведение, соответствующее норме. При этом условии иам придется, конечно, признать ту иеумолимость и неусыпность совести, какую мы наблюдаем у Изерли, чем-то ненормальным. Но в таком случае иам пришлось бы поместить Августина или Кьеркегора в психиатрический отдел иашей библиотеки, а не в этико-богословский или этико-философский.

Мие могут возразить, что Изерли доказал свою ненормальиость в медицинском отиошении рядом весьма странных поступков. Конечно, самый факт этих действий неоспорим, но если их истолковать, они приобретают другой смысл, то есть приобретают с м ы с л.

Любой мало-мальски разумный медик зиает: нормаль-

ное поведение в ненормальной ситуации ненормально. Ненормально вести себя после невероятного потрясения так, словно ничего не случилось. Еще более ненормальным в медицинском отношении следовало бы признать тот случай, когда человек ведет себя по-прежнему «нормально», хотя причина потрясения превосходит все меры человеческого воображения, понимания и раскаяния. Изерли оставил после себя сотни тысяч сожженных людей и превратил в пепел город, только что кишевший жителями. *Если он реагировал на это «ненормально»— значит, он реагировал соответственно обстоятельствам.*

Далее. Неверно оценивать такие «преступные действия», как странные поступки Изерли, изолированно, не усматривая в них определенных реакций. Это все равно, что при виде насмерть избиваемого человека ограничиться констатацией необычной громкости его криков как признака его ненормальности и ни словом не обмолвиться о ненормальности обстоятельств, в которых он находится. К сожалению, судьи Изерли поступили именно так. Они говорили о «комплексе виновности», пытаясь внушить всякому, что речь идет о неоправданном, бессмысленном, не иначе как патологическом чувстве вины. Позорно вульгаризируя термин психоанализа, они осмеливались говорить даже об «эдиповом комплексе»— как будто за поведением Изерли скрывается желание инцеста, а не незабываемое зрелище сотен тысяч мертвецов.

Фрагмент второй

Изерли попытался сделать свою вину понятной всем. А между тем его чествовали как национального героя, и ни один журнал не обходился без патриотического «must» (дежурного блюда)— прилизанного портрета красивого «boy» из Техаса. Из невыносимого не-

соответствия между виной и нарадной шумихой вытекали и так называемые преступные действия Изерли, явившиеся результатом тщетности его усилий. Если обычно людей признают виновными на основании каких-то поступков, то Изерли, наоборот, совершал определенные поступки, чтобы доказать свою виновность.

Фрагмент третий

«Право на наказание»— это выражение принадлежит Гегелю. И если есть признак, характерный для преступника, то это как раз отстаивание такого права. А Изерли именно его и отстаивал. Своими мнимопреступными действиями он пытался добиться того наказания, в котором ему отказывали.

И это, конечно, не случайно, что ему было отказано в наказании. Не случайно, что всякое раскаяние с его стороны квалифицировалось общественным мнением как неправомерное. Ведь раскаяние, признанное правомерным, есть в то же время доказательство совершенного преступления. Другими словами, раскаяние Изерли было бы обличением «хиросимской миссии» и истинных ее виновников. Изерли сделал правильный вывод: «The truth is that society simply cannot accept the fact of my guilt without at the same time recognizing its own far deeper guilt»[1].

Прочитав эту фразу, можно только воскликнуть: «Счастлива та эпоха, в которую так говорят безумцы, несчастна та эпоха, в которую так говорят только безумцы!»

---

[1] Правда заключается в том, что общество попросту не может признать моей виновности, одновременно не признав за собой куда более тяжкой вины (англ.).

Фрагмент четвертый

Мне могут задать вопрос: «Но почему именно Изерли? Почему именно он должен раскаиваться? Ведь он-то лишь выполнил приказ и был простым рычагом».

Между прочим, этими словами: «Я ведь только выполнял приказ» пытались оправдаться все сотрудники аппарата уничтожения, и слишком зловеще напоминают эти слова широко известное заявление Эйхмана: «По сути я был только винтиком машины, выполнявшей указания и приказы империи». Но если мы станем ссылаться на свою роль безответных винтиков и согласимся, что фраза «мы делали то же, что и другие» справедлива при всех обстоятельствах, мы тем самым отменим свободу нравственного решения и свободу совести, превратив слово «свободный» в выражении «свободный мир» в пустое и лицемернейшее заклинание.

Опасаюсь даже, что мы это уже сделали.

Изерли пересматривает самую постановку вопроса. Он заявляет: даже то, что сделано мною вместе с другими, сделано мной; я отвечаю не только за свои индивидуальные действия, но и за действия, в которых я участвую; вопрос нашей совести гласит не только «что нам делать?», но также: «В чем и в какой мере мы вправе или не вправе участвовать»? Мало того, за соучастие он чувствует себя еще более ответственным, чем за свои частные действия, последствия которых по сравнению с катастрофическими последствиями нашего соучастия прямо-таки ничтожны.

Быть безупречным в частной жизни — дело нехитрое, здесь обычаи с успехом заменяют совесть.

Настоящая самостоятельность и настоящее гражданское мужество требует определенного отношения к тихо-

му террору, приниуждающему нас к соучастию в преступлении.

Фрагмент пятый

У себя на родине Изерли стал обузой, а там, где ненависть к нему была бы понятна, даже в самой Хиросиме и в Нагасаки, о нем думают с уважением, больше того — с любовью.

Вот что написали ему тридцать хиросимских девушек, больных лучевой болезнью: «Мы обращаемся к Вам с этим письмом, чтобы выразить Вам свое глубокое сочувствие и заверить Вас, что не испытываем к Вам лично никакой неприязни. Вы такая же жертва, как мы». Наверно, каждый «born equal»[1] на мгновение умолкнет при этих словах, ибо они принадлежат к немногим, которые дают нам право гордиться тем, что мы люди.

Фрагмент шестой

Нахожу нелишним напомнить слова, которые вы произнесли в день своего семидесятилетия. Когда вас спросили, сожалеете ли вы о чем-либо, случившемся в вашей жизни, вы ответили так: «Да, я раскаиваюсь, что поздно женился».

Как сказал Лессинг: «Кто от иных вещей не теряет рассудка, тому и терять-то нечего».

Глава 21

На улице Шести Деревьев была объявлена тревога, звонили колокола.

Боб и Лили выбежали из дому, с недоумением огляделись — откуда и почему эти сигналы тревоги? Планета

[1] Рожденный равным (англ.).

Тюнитос выглядела как всегда спокойной и безмятежной. Ни пожара, ни какого-нибудь еще несчастного происшествия. Только двое мужчин идут навстречу друг другу по улице. Вот они сошлись, наконец, недалеко от Боба и Лили, остановились и с явным интересом стали приглядываться друг к другу. Некоторое время они молчали, потом один спросил:

— Как вас зовут?

— Хамфри.

— А меня Уильям.

— Очень рад с вами познакомиться.

— Я тоже.

— Я где-то уже видел ваше лицо. Наверно, мы и раньше с вами встречались?

— Наверно. Я тоже, признаться, откуда-то вас помню.

Они замолчали и продолжили путь уже вместе. Боб, увлекая за собой Лили, догнал их и вежливо спросил:

— Скажите, пожалуйста, почему вы перестали разговаривать? Может быть, мы мешаем вам?

— О нет, что вы!— приветливо улыбнулся один из мужчин.— Напротив, ваше присутствие нам очень приятно.

— Мы просто уже чувствуем такую близость,— сказал другой,—что даже и не разговаривая понимаем друг друга.

— Пройдемся вместе,— предложил первый.— И девушка тоже пусть присоединится к нам.

— Но мы еще не познакомились. Как вас зовут?— поинтересовался второй.

— Боб.

— А нас — Хамфри и Уильям. Хамфри — это он, Уильям — я. А вас как зовут, девушка?

— Лили.

— Очень рады с вами познакомиться.
— Мы тоже.
— Знаете, ваши лица нам как будто знакомы. Наверно, мы и раньше где-то встречались?
— Наверно,— ответил Боб и невольно повторил их же слова:— Я тоже, признаться, откуда-то вас помню.
— Вот видите,— сказал Уильям,— мы уже и с вами стали так близки, что можем и не разговаривая понимать друг друга.
— Извините,— сказал Боб,— мы спешим... Нам надо идти...
— Пожалуйста, пожалуйста. Мы не хотим вам мешать.
— Но обещайте, что непременно зайдете к нам. Вот, возьмите, это наши визитные карточки.
Боб обратил внимание, что на визитных карточках указаны прежние их адреса: город, улица, номер дома, подъезд и квартира.
— Мы уже так подружились с вами,— сказал он серьезно и убежденно,— что просто не сможем не прийти.
— Верно, совершенно верно.
Боб и Лили повернулись было идти, но мужчины удержали их, несколько даже грубо, и, улыбаясь, протянули им для прощания руки.
Последовали долгие, горячие рукопожатия...

Боб и Лили остановились перед раскрытым окном какого-то дома и заглянули внутрь. В комнате они увидели мужчину, разговаривающего по телефону.
— Вы что, издеваетесь надо мной, что ли?— сердито кричал в трубку мужчина.— Почему каждый день я получаю на обед одно и то же?

— Но ведь это же по вашему требованию,— был, очевидно, ответ.

— Ну и что? Вы не должны соглашаться с моим требованием.

— Почему?

— Ясно почему. Я обязан вам подчиняться, а не вы мне. Сейчас же пришлите что-нибудь приличное. Что прислать? Но если я сам буду думать об этом, то для чего же тогда вы?

Он бросил трубку и, обозленный, в нетерпении зашагал по комнате. Потом, заметив, что два человека смотрят к нему в окно, повернулся в их сторону и сказал:

— Вы представляете мое положение! Они буквально хотят уморить меня голодом. Но это им не удастся, нет, не удастся!

В это время на автомате, подающем обед, зажегся красный огонек, мужчина подошел к нему, нажал большим пальцем кнопку, и перед ним появились отборные блюда, напитки и фрукты.

Мужчина аккуратно расставил все это на столе, вымыл руки, нацепил на грудь белую салфетку, сел и приступил к делу. Он ел медленно, спокойно, сосредоточенно. Это был как будто настоящий праздник, настоящий ритуал, торжественный и приятный.

Кончив обедать, он с довольной улыбкой растянулся в кресле, расстегнул верхнюю пуговицу на брюках и закурил сигарету.

Потом снова обратил внимание на Боба и Лили, все еще смотревших к нему в окно.

— А,— сказал он бодро,— здравствуйте. Почему вы не зашли пообедать?

— Спасибо, мы не голодны.

— Ну отведали бы хоть чего-нибудь, самую малость.

— Спасибо, нам не хочется.

— Заставлять не стану, но, ей богу, вы пожалеете.

— Что вы будете делать теперь?

— Полежу с полчасика на спине, отдохну.

— Ладно, мы пойдем... Не будем мешать вам...

— Минутку, минутку. У меня к вам просьба. Если встретите по дороге главного врача, скажите, пусть пришлет ко мне женщину.

— Может быть, вам нужно убрать комнату?— спросила Лили.— Я помогу.

— Нет, нет,— снисходительно улыбнулся мужчина и обратился к Бобу:— Надеюсь, вы не забудете?..

Но какова же была причина этих двух столь решающих, столь крупных событий?

На улице Шести Деревьев заболел человек. Состояние больного вот уже несколько дней оставалось тяжелым.

Врачи осмотрели его тщательнейшим образом и, устроив консилиум, пришли к заключению, что перед ними случай острозаразной, малоизученной в науке альфа-бета-гамма болезни. Опасаясь, что зараза может распространиться, они не отходили от постели больного, дежурили возле него и днем и ночью.

Перед домом больного в первый же день собрались все остальные жители улицы и молча стояли там до темноты.

Они все были крайне недовольны и тем, что им угрожает какая-то зараза, и тем, что они вынуждены из-за такой неожиданной неприятности изменять своему повседневному времяпрепровождению и проявлять интерес к посторонним вещам.

После нескольких часов каменного молчаиия один из них еле слышио произнес:

— Я врач по образоваиию, у меня есть диплом...

И сам удивился своей блестящей памяти.

Часа через два заговорил другой:

— Дядя у меня умер от такой же болезни. Звали его, кажется, Том... Фамилия — Крейи. Томас Крейн...

Следующий заговорил еще позже, когда солнце уже зашло и стало темнеть.

— У меня был друг в Австралии... в Австрии... Он изучал как раз эту болезиь...

По домам они разошлись поздно вечером.

В последнюю минуту кто-то еще сказал:

— Сосед мой обещал дать мне денег в долг... Почему же он не дал?

Но каждый из говоривших говорил лишь для себя, его никто не услышал, никто не слушал.

На следующий день с утра они снова собрались перед домом заболевшего и опять простояли там в абсолютном безмолвии до самого вечера.

Вечером один из них, внезапно побледнев, спросил с явной тревогой в голосе:

— А что будет с нами?

Остальиые недоумеино повериули головы в его сторону.

— А что будет с нами?— повторил он еще раз.

И все откликнулись:

— А что будет с нами?

Только теперь оии полиостью осозиали, что им грозит.

В следующую же минуту оии один за другим сорвались с места, бросились бегом в ближайшее здание, позвонили на землю и попросили помощи. Звоиили и иа другой деиь и уже с возмущеиием требовали, чтобы немедленно было

найдено лечение от альфа-бета-гамма болезни. И при каждом звонке, вырывая один у другого трубку, ругались и кричали:

— Вы не имеете права оставлять нас без помощи!

Им казалось, что на земле про них забыли, и они были этим чрезвычайно обижены.

На земном шаре крупнейшие ученые всех стран, дружественных и враждебных, отложили на время все прочие свои дела и объединенными усилиями добились в течение недели того, чего не могли добиться в течение вот уже нескольких десятилетий. От этой болезни каждый год умирала не одна тысяча людей, и врачи в бессилии разводили руками. Так бы, наверно, продолжалось и дальше, не будь ста жителей планеты Тюнитос. Неизвестно почему эти сто были сейчас важнее, чем тысячи и десятки тысяч других.

И вот однажды, наконец, над планетой Тюнитос показался космолет и с него был спущен на парашюте столь долгожданный ящик с лекарствами.

Жители, потрясая гневно кулаками, кричали вслед удаляющемуся космолету:

— Почему так задержали? По какому праву?

А тот человек, у которого был дядя Томас Крейн, умерший когда-то от той же альфа-бета-гамма болезни, поднял вдруг указательный палец и с гордостью, словно сделав великое открытие, сказал сам себе:

— Значит, моя фамилия тоже Крейн...

Перед домом номер двенадцать, тем самым, в котором жил главный врач, столпились почти все жители планеты. Некоторые из них держали в руках плакаты и транспа-

ранты. Другие кидали в окна камни и кричали что-то.

Главный врач в домашнем халате вышел на балкон, движением руки утихомирил толпу и спокойно спросил:

— Кто вы такие?

— Демонстранты!— единодушно отозвалась толпа.

— Почему вы собрались?

— Мы восстали!

— И чего вы требуете?

— Мы требуем отмены установленных норм. Мы требуем, чтобы были пересмотрены наш словарь, наше меню, наш дневной режим. Мы не желаем ходить только по тротуару, нам должны разрешить спускаться на мостовую.

— Хорошо. Разработайте и представьте свой новый словарь, новое меню и режим дня.

Толпа тут же разделилась на несколько групп, и каждая из них обсудила вопрос отдельно. Спустя несколько минут все снова собрались перед балконом, и представители разных групп сдали в письменной форме свои предложения.

— Но почему у вас разные предложения?— сказал главный врач.— Неужели невозможно, чтобы сто человек пришли к одному общему заключению?

— Мы принадлежим к различным партиям!

— Хорошо, мы учтем это,— сказал главный врач.— Что еще?

— Мы требуем, чтобы в руководстве были также и наши представители.

— Но ведь вы же по специальности не врачи.

— Станем, мы тоже станем врачами.

— Но каким образом? Ведь для того чтобы стать врачом, необходима специальная подготовка, обучение.

— Мы заставим, чтобы вы обучили нас.

— Ладно, мы удовлетворим и это ваше требование. Дальше?

— Мы требуем автомашин...

— Ресторана!

— Церкви!

— Заводов!

— Парков!

— Кладбища!

— Рудников!

— Железную дорогу!

— Флот!

— Магазины!

— Университет!

— Зоопарк!

— Одним словом, вы требуете создания общества. Правильно я вас понял?

— Да здравствует главный врач!— крикнула толпа.

— Я согласен с вами. Но вы должны еще общими силами доказать свою подготовленность к тому, чтобы жить в обществе.

— Разве мы не доказали?

— Этого мало. Нужно еще более веское доказательство.

— Долой главного врача!

— Даю вам полчаса на представление доказательства. В противном случае ваше восстание будет сочтено не состоявшимся.

— Да здравствует главный врач! Долой главного врача!

От толпы отделился какой-то невероятно высокий человек и подошел к Бобу.

— Мы слышали, что вы летчик, это правда?

— Правда,— побледнел Боб.

— Вы должны помочь нам в одном деле.

— В каком деле?
— Вы должны сбросить бомбу на земной шар.
— Бомбу? Какую бомбу?— растерялся Боб.
— Если бы среди нас нашелся какой-нибудь другой летчик, мы не стали бы причинять вам это беспокойство.
— Но я свое дело уже сделал. Я однажды уже сбросил...
— Вы обязаны сделать это еще раз.
— Не могу,— упал на колени Боб,— не могу!..
— Значит, вы вините за свое преступление только себя?
— Нет, нет... Я с вами...
— В таком случае, почему вы не хотите помочь нам?
— Я однажды уже сделал то, чего вы хотели... Я...
— Значит, вы отказываетесь помочь?
— У меня нет времени... Я очень занят... Я должен забыть себя...— бормотал Боб.

Мимо толпы, обступившей Боба, пробежал какой-то человек в спортивном костюме. Пробежал немного, потом повернул обратно. Боб поднялся на ноги, остановил этого человека и спросил:
— Скажите, пожалуйста, почему вы бегаете?
— Как?— обиделся тот.— Неужели вы не видите, что я делаю зарядку?
— Но в этот час?
— А что такого? Я сейчас проснулся.
И снова побежал.
А Боб вернулся на прежнее место, опустился снова на колени и вдруг, неожиданно для себя, крикнул:
— Я не желаю, вы слышите?! На меня не надейтесь! Мне нет до этого дела!
— Трус,— ответила толпа.— Предатель.

Откуда-то притащили ящик, наполненный песком, и в нем была бомба. Боб грустно улыбнулся, потому что это была самая примитивная самодельная бомба, которая могла взорваться, а могла и не взорваться.

— Вот, пожалуйста, наше доказательство,— сказал высокий.— Этого вам недостаточно?

— Нет,— ответил ему главный врач.— Нужно еще более веское доказательство.

— А почему вы не спросите, когда и как мы успели сделать эту бомбу? Ведь мы же только сегодня объявили восстание.

— Если вы настаиваете, могу спросить. Когда и как вы сделали эту бомбу?

— У нас была подпольная организация. Неужели и этого недостаточно?

— К сожалению, нет.

— Все равно, мы сбросим нашу бомбу,— сказал высокий и обратился к Бобу:— Мы тебя заставим.

— Я Изерли,— стоя на коленях, сказал Боб.— Вы не помните меня? Я Клод Изерли.— Потом умоляюще посмотрел на главного врача:— Скажите им, кто я...

Главный врач молчал.

— Где мой доктор? Спросите у него. Почему он не пришел? Почему он не следит сегодня за мной?

— В последний раз спрашиваю: поможешь ты нам или нет?

Толпа молчаливо ждала ответа от стоящего на коленях перед ней человека.

Боб растерянно и беспомощно оглядывался вокруг, и губы его словно просили о чем-то. Все поняли, что наступила самая напряженная, самая решающая минута этого дня.

Даже человек в спортивной форме прекратил свои упражнения и стал с любопытством наблюдать за происходящим.

— Боб, не соглашайся!— крикнула Лили.— Не соглашайся, Боб!

Ее тут же заставили замолчать.

— А, наш близкий друг!— радостно воскликнули двое мужчин. — Мы с вами и не разговаривая понимаем друг друга.

Боб съежился от страха.

— Скажите откровенно, вы не жалеете, что не зашли пообедать?— сказал другой мужчина.— И почему вы не сдержали свое обещание? Почему вы не передали главному врачу, чтобы он прислал ко мне женщину?

И снова стало тихо. Толпа, напряженная и неподвижная, продолжала терпеливо смотреть на Боба.

— Оставьте меня в покое!— вдруг сказал Боб и поднялся на ноги. Он отряхнул пыль, приставшую к коленям, выпрямился и равнодушным тоном прибавил:— Я устал уже...

Потом, не обращая ни на кого внимания, он вошел в особняк главного врача, вынес на балкон стул из кабинета и уселся, закинув ногу на ногу.

— Он болен!— с ненавистью крикнула толпа.

— Болен?— оторопев от неожиданности, воскликнул врач и поспешно спросил:— Чем же он болен? Какой болезнью?

— Комплекс вины!— ответила толпа.

Главный врач с облегчением вздохнул, вытер пот со лба и радостно провозгласил:

— Все! Конец! Вы доказали. Доказали на двадцать шестой минуте.

Он вошел в свой кабинет, направился к телефону,

взял трубку и позвонил на землю, военному министру Вильгельму Иксу.

— Вильгельм, это ты? Здравствуй. Говорит Джон. С Тюнитоса... Я победил. Выиграл наше пари. Так что готовься...

Спустя некоторое время на балкон вышли несколько других врачей. Они, взволнованные и счастливые, обнялись друг с другом и обменялись поздравлениями. А потом один из них вытащил из кармана длинную телеграмму и торжественно зачитал ее всем собравшимся:

— За излечение больных планеты Тюнитос решено присудить главному врачу государственную премию первой степени. Остальному медицинскому персоналу посылаем наши сердечные приветствия и пожелания дальнейших успехов в работе. Принимая во внимание, что в условиях планеты Тюнитос требования восставших трудно удовлетворить, приказываем всем — отказаться от бомбы, вернуться на землю и начать активную борьбу против нас во имя прогресса и счастья человечества. Подпись: общество земного шара.

— Ура!!!— хором откликнулась толпа.

— Ура!!!— подхватил лечащий персонал.

— Я пошел домой,— сказал Боб.— До свиданья.

Глава 22

Он вернулся к себе домой и лег на кровать.

В дверь постучались.

— Кто там?— спросил он сердитым голосом.

— Это я, Лили.

— Чего тебе надо?

— Открой, Боб.

— Не открою.
— Боб, это же я, я...
— Все равио, ие открою.
— Боб, ты что, с ума сошел?
— Уходи к иим.
— Куда?— удивилась Лили.
— Иди к себе домой. Оставь меня одиого.
— Боб... Я ведь твоя жеиа...
— Оставь меня в покое!— крикиул он со злобой.— Я не люблю тебя. Слышишь? Не люблю.

Последовало молчаиие.

— Мие все надоело!— снова крикнул Боб.— Все вы опротивели!

Он достал свою записиую книжку, лихорадочно перелистал ее и нашел нужный номер телефона.

— Алло, алло, это с первого этажа?
— Повторите, пожалуйста. Плохо слышио.
— Я спрашиваю, это из публичного дома?
— Да, да.
— А кто говорит? Хозяйка?
— Вы угадали.
— О, мы ведь с вами старые зиакомые.
— Да ну! А кто вы?
— Клод Изерли.
— Клод Изерли? Не знаю такого.
— Как? Неужели вы не помните?
— Вы, наверно, из наших клиентов?
— Скажите, пожалуйста, у вас работает девушка по имени Сюзан?
— Да. Хотите, позову?
— Если ие трудно.
— Сейчас позову, если, конечио, она не занята.

Немного погодя из трубки донесся нежный голосок.

— Слушаю.

— Здравствуй, Сюзаи. Это я, Боб.

— Кто?

— Боб, Боб! Изерли...

— Я вас не зиаю.

— Ты ие помиишь, это же я дал тебе имя!

— Какое имя?

— Я прииц, Сюзаи. Разве ты ие помнишь?

— Нет, ие помию. Но вы можете прийти ко мие, когда хотите. Мы работаем с восьми вечера до восьми утра.

— Извиии, Сюзаи... Я, иавериое, спутал тебя с другой...— сказал Боб, потом грустно добавил:— Я больше никогда ие побеспокою тебя... Я ие стаиу тебе мешать... У меия нет иикаких деиег в банке... Я давио закрыл все свои счета...

— Идиот!— сказала девушка и повесила трубку.

Боб в отчаянии иабрал другой номер.

— Это ты, Джо?

— Я.

— Здравствуй, Джо. Говорит Боб. Прости, что я никогда не звонил тебе.

— Ничего, ничего... Но кто вы?

— Да ты что, спятил? Это я, Боб.

— Боб... Боб...— повторил Джо как бы пытаясь припомнить.— Нет, не помню.

— Клод Роберт Изерли!— разозлился Боб.— Ну что, вспомиил?

— Извиии, ио, честиое слово, не помию.

— Да ты в самом деле спятил! Я же твой товарищ. Мы вместе сбросили бомбы.

— А, помию, помню... Со мной был тогда еще одии пареиь... Значит, это ты?

— Наконец-то,— обрадовался Боб,— ну и болван же ты однако!

— Но разве тебя зовут Бобом? По-моему — Алан...

— Правильно, Джо. Я ошибся. Меня зовут Алан.

— Ну вот, я же говорил. Ты сейчас где? В городе?

— А зачем ты спрашиваешь?

— Ты ведь, кажется, уезжал куда-то, нет?

— Забыл я, Джо... Тебе, наверно, лучше известно...

— Давай сегодня встретимся. Посидим где-нибудь вместе. Вспомним старые дни. Идет?

— Идет.

— Жди меня в два у кафе «Ласточка».

— Отлично.

— Скажи, в чем ты будешь, чтобы я мог тебя узнать.

— В красном костюме.

— Что, что?— рассмеялся Джо.— Красных костюмов не бывает.

— Бывают, Джо. Ты просто не видел.

— Ну ладно, пускай... А ты-то меня узнáешь?

— Я-то? Ну конечно.

— Значит, в два у кафе.

— Прости, Джо, я пошутил. Я сейчас не в городе.

— Жаль, очень жаль, Алан.

— И вообще я сейчас не на первом этаже. У меня нет никаких денег в банке. Я давно закрыл все свои счета.

— Ничего, дружище, не унывай. Что-нибудь придумаем,— сказал Джо.— Если хочешь, я одолжу тебе небольшую сумму.

Боб повесил трубку и сел прямо на пол, в углу комнаты.

— Боб,— послышалось неожиданно из-за двери,— тебя не помнят.

— Кто там?— встрепенулся Боб.— Что тебе надо?

— Тебя не помнят.
— Ну н что?
— Тебя не помнят.
— А ты чего радуешься?
— Тебя не помнят.
— Я изменнл тебе. Я снова звонил туда...
— Тебя не помнят. Тебя не помнят.

Боб замер на мгновенне, словно во что-то вдумываясь, и вдруг повторнл отчетливо н громко:

— Меня не помнят. Меня забылн.

— Да, Боб, да. Тебя не помнят. Тебя забыли.

— Да,— прошептал самому себе Боб.— Меня не помнят, меня забыли.

Он вскочил и растерянно огляделся вокруг. Потом кннулся к двери, рывком распахнул ее и, оттолкнув Лилн куда-то в сторону, в мгновенне ока очутился на лестнице. Через минуту он бегом мчался по улице и оглашал ее сумасшедшим криком:

— Меня не помнят!.. Меня забыли!..

Он вбежал, с трудом переводя дыхание, в особняк своего доктора, и тут его внезапно охватила робость. До сих пор он ни разу не бывал в этом доме. За все это время он пришел сюда впервые. Он тихо постучался в дверь комнаты и нерешительно вошел.

Доктор сидел за письменным столом, однако вид у него был явно больной — воспаленные глаза, закутанное горло, под мышкой градусник.

— В чем дело? Почему вы здесь?— спросил он, смутившись.

— А что это с вами? Неужели вы больны?

— Пустяки, простудился немного.

— Может, вам чем-нибудь помочь?— сказал ошеломленный Боб.
— Я же объяснил, что не болен.
— Нет, вы больны,— уже несколько тверже произнес Боб.— И, пожалуй, нешуточно.
— Перестаньте, ради бога.
— Вы нуждаетесь в моей помощи,— сказал Боб, и на лице у него появилась едва заметная улыбка.— Я сию минуту уложу вас в постель, а потом напою горячим чаем.
— Что за безобразие!— возмутился доктор.— Почему вы мне доказываете, что я болен?
— Но ведь вы сегодня даже из дому не выходили! Не наблюдали за мной!
Доктор молчал. Он понял, что потерял что-то очень важное. Свою власть. Свой авторитет. Упал с пьедестала. У него температура, он болен. И притом самым обыкновенным, самым простым гриппом.
И он вынужден был сдаться. Он разрешил, чтобы Боб помог ему раздеться, натянуть на себя пижаму, потом лег в постель, и Боб укрыл его мягким и теплым одеялом.
— Спасибо, Боб...
— Ну что вы, доктор...
— Ты разрешишь, чтобы я иногда следил за тобой?
— Конечно, конечно.
— Ты будешь иногда подчиняться мне?
— Всегда буду подчиняться.
— Ты обещал напоить меня чаем...
— Сейчас, сию минуту.— Боб помедлил, но все-таки, несмотря на всю свою жалость к доктору, сказал то, из-за чего и пришел сюда:— Я возвращаюсь на землю.
— Как возвращаешься?— вскинулся доктор.— Кто тебе позволит? Ведь ты еще не выздоровел.
— Пожалуйста, позвоните им и скажите, что меня не помнят... что меня забыли...

— Какое это имеет значение?

— Имеет, доктор, имеет...

— А я?— сказал доктор.— А мне что делать?

— Вы вернетесь на землю вместе с нами.

— По какому праву? Я пока что не выполнил свой долг. Не вылечил тебя.

Боб пошел на кухню готовить чай. На стенах здесь висело множество фотографий. Это были семейные фотографии доктора. Жена и он — на берегу моря. Он — в белом халате, в коридоре больницы. Дети — в разном возрасте. Семья — вокруг стола. По-видимому, день рождения кого-то из детей. На столе — огромный торт, с десятью свечками. Младший сынишка надул щеки — хочет, наверно, потушить свечи.

Боб заварил крепкий чай, налил в стакан и понес в комнату.

— Позвоните,— сказал он доктору.— Я принес ваш чай.

Потом уселся на спинку кровати, обхватил руками колени и стал ждать, нетерпеливо покусывая губы.

Доктор с трудом поднялся с постели, облачился в свой белый докторский халат и, сделав над собой усилие, подошел к телефону.

Он говорил со своим начальством, сохраняя достоинство, прямым и смелым тоном человека, у которого абсолютно чиста совесть.

— Клод Роберт Изерли просит сообщить вам, что его уже никто не помнит. Да, да, о нем забыли... Что передать? Значит, он может уже вернуться на землю? Что касается меня, то я против вашего решения. Я против, потому что лечение не доведено до конца. Что, что? Вы говорите смешные вещи. Он вообще не был болен? Не хотите ли вы учить меня психиатрии? Предупреждаю, если вы позво-

лите ему вернуться, то я в знак протеста останусь здесь. А если вы поступите благоразумно и не разрешите ему вернуться, я вернусь сам и попрошу, чтобы вместо меня сюда был послан другой. Моя власть здесь кончилась. Я схватил насморк. Вы можете наказать меня за это, можете понизить меня в должности.

Он опустил трубку, снял белый халат, аккуратно повесил его в шкафу, снова лег в постель и укрылся одеялом.

— Вы были правы, Боб. Вам разрешают вернуться на землю,— проговорил он печально.— Они сказали также, что это было бы возможно уже давно, если бы человек по имени Гюнтер Андерс не писал вам писем и не печатал их в газетах. Он фактически мешал тому, чтобы вас скоро забыли.

Боб сидел неподвижно, все в той же позе, согнувшись и обхватив руками колени. Он знал, он очень хорошо знал, что трудно вообразить себе большее счастье.

И вдруг он рассмеялся. Но не от радости. Не от счастья. Он давно бы мог вернуться. Не будь этих писем.

— Это были очень хорошие письма,— сказал он, уже перестав смеяться, с серьезным и гордым выражением лица.— Это были просто чудесные письма.

Он чувствовал голод и усталость. Ему хотелось спать... Хотелось увидеть последний свой сон... Еще раз походить по своему музею...

Вошла Лили и несмело остановилась у порога.

— Ты слышала, Лили? Ты слышала, что говорит доктор? Мы возвращаемся...— В горле у Боба что-то судорожно сжалось и неожиданно для себя он спросил:— А куда же я все-таки возвращаюсь, доктор?

— То есть как это? На землю.

— На землю? Какую землю?

Глава 23

Прощай, музей «Хиросима»!

Теперь они вошли не в просторный зал, а в небольшую и узкую комнату, где подряд стояли: а) стол и буфет и над ними табличка —«Авеню 118»; б) сейф и над ним табличка —«Банк»; в) узкая кровать и над нею: «Психиатрическая больница».

В комнате на кровати сидел человек, закутанный в огромную белую простыню. Он то и дело пытался выпростать из-под простыни руку, но это ему не удавалось. Возле него стоял Робот.

— К. И.,— обратился к нему Робот,— сейчас мы будем смотреть фильм. Для вас очень полезно посмотреть еще раз историю своей жизни.

Робот принес экран — большую деревянную раму без холста — и поставил его перед К. И. В раму вошел человек, совершенно непохожий на К. И. Он сел за стол под табличкой «Авеню 118», вороватo огляделся и, убедившись, что никто его не видит, открыл дверцу буфета. Он вытащил из буфета полную горсть всяких сладостей и начал торопливо засовывать их в рот.

— Он еще маленький, наш будущий герой,— дикторским голосом прокомментировал Робот,— он еще любит сладости. Родители прячут их от него, потому что от сладкого портятся зубы.

Послышались шаги.

— Мамаша идет,— предостерег Робот.

Потом Робот подошел к К. И., который смотрел историю своей жизни, и дал ему пощечину. А тот К. И., который находился в экране, скривил от боли лицо и громко расплакался.

— Вообще у него было беззаботное детство,— продолжал Робот,— сладостей у них в доме было всегда очень много, до тошноты много.

К. И. в экране поднялся во весь рост, потом присел. И так несколько раз. Потом раскинул руки и стал ими взмахивать — вверх, вниз, вверх, вниз.

— Он служит в армии,— объяснил Робот,— водит военный самолет.

Робот принес и поставил к его ногам стопку тарелок и дал ему в руки кусок железа. К. И. уронил железо на тарелки и разбил их на мелкие осколки.

— Он уничтожил целый город во имя спасения всего мира.

К. И. начал по-военному маршировать на месте.

— Он становится героем; становится героем благодаря своим родителям, потому что они вовремя поняли, что ребенку надо запретить злоупотребление сладостями.

К. И. продолжал вышагивать на месте.

— Пресс-конференции и интервью — на весь мир. И всегда ему задают два вопроса. Ваша самая любимая песня?

К. И. перестал маршировать и снова воровато огляделся. Убедившись, что никто его не видит, он на цыпочках подкрался к сейфу и попробовал его открыть, мурлыча при этом себе под нос: «Когда солдат идет на войну, о нем горюют и плачут. Когда солдат приходит с войны, говорят — ему повезло...»

— Ваша самая любимая сказка?

— В некотором царстве, в некотором государстве живет-поживает себе царь. Царь этот творит благо за благом для своих подданных, освобождает их от налогов, строит больницы, открывает школы, дает всем детям бесплатное образование. Но однажды подданные убивают его. Просто

так, без какой-либо на то причины. И когда их спрашивают: зачем вы его убили?— они отвечают: затем, что он сделал нам много добра, а мы никакого добра не могли ему сделать.

Наконец К. И. открыл сейф, заглянул внутрь и с изумлением обнаружил в нем вместо денег целую кучу всяких сладостей...

К. И. в экране поднял руки вверх — сдался полицейским.

Потом он сел на стул и посмотрел на К. И., который смотрел историю своей жизни. Они долго смотрели друг на друга. К. И., сидящий на кровати, прекратил даже свои попытки выпростать руки из-под простыни.

— Он не выдержал славы,— объяснил Робот.— Человек не в состоянии выдержать столь огромную славу. Он сходит с ума. Самым ярким доказательством сумасшествия К. И. является то, что когда теперь у него спрашивают, что такое война, он отвечает...— И в голосе Робота, до этой минуты сухом и холодном, послышались вдруг какие-то тревожные, почти человеческие нотки:— Огромный город, пустынная улица, и идут по ней девушка и парень... Он протягивает руку к волосам девушки, а она говорит ему: «Не надо... Прошу тебя, не надо... на пустой улице. Будь рядом люди, я бы не стеснялась... А теперь стыдно... Нас никто не видит...»

К. И. первый и К. И. второй продолжали всматриваться друг в друга.

К. И. экранный переступил через раму, подошел к К. И., сидящему на кровати, и помог ему стащить с себя простыню. Они сели друг подле друга и — локоть в колено, подбородок в ладонь — уставились неподвижно куда-то в пространство. К. И., смотревший свою биографию, лег на кровать. То же самое сделал К. И. с экрана.

Они лежали неподвижно, нежно обняв друг друга.

Робот поднял валявшуюся на полу белую простыню и заботливо укрыл их. А сам сел на пол рядом с кроватью.

В следующем зале висела одна-единственная картина И было много табличек, предупреждающих: «Не прикасаться».

— Я дам сейчас последние объяснения,— сказал Гид,— после чего нам, к сожалению, придется расстаться. Каждый из вас знает теперь столько, что с легкостью может заменить меня. Вы очень мне понравились; мне всегда бывает жалко расставаться с посетителями, я как-то к ним привязываюсь...

Гид объяснил, что в этом зале демонстрируется каждый день новая картина. Самая последняя картина в мире. Как только какой-нибудь художник завершает свое новое произведение, музей немедленно приобретает и выставляет это полотно, снимая со стены предыдущее.

На самой последней в мире картине были изображены художник, натурщица и холст. Фигуры художника и натурщицы были изломаны и деформированы. А изображение на холсте было идеально правильное и соразмерное...

Гид протянул посетителям руку. Он тепло попрощался с каждым из них в отдельности и исчез.

Лили, стоявшая рядом с толстячком, с удивлением увидела, как ее сосед вытащил из кармана перочинный нож, почистил им ногти и вдруг, посредством того же самого ножика, в мгновение ока покончил с собой.

— Зачем вы это сделали?— спросила Лили.

Толстячок обратил на нее отсутствующий взгляд.

— Зачем вы покончили с собой?

Толстячок молча вытянул перед собой руки.

— А что такое? Я ничего не вижу.

Толстячок все еще не опускал рук.

Лили вгляделась внимательно и увидела, что на одной руке у этого человека не пять, как полагается, а шесть пальцев.

— Вам мешает это?

Человек кивнул.

— Когда вы родились?— спросила Лили.

— В двадцатом веке.

— Да, но в каком году? И где?

— Не помню.

— Расскажите про себя.

— Пожалуйста.

— Подробно, если можно.

— Родился, как я уже сказал, в двадцатом веке, в какой-то части земного шара. Точную дату и место рождения родители мне никогда не называли. Не знаю — почему.— Он пальцем смахнул с пиджака пылинку и продолжал:— С семи лет пошел в школу. Учителей мучал ужасно, потому что вопреки всем их стараниям никак не мог усвоить, что в слове «серебряный» пишется одно «н», а в слове «стеклянный»— два. До сих пор случается, что ошибаюсь,— улыбнулся он.— После окончания школы поступил в университет. Тогда же и влюбился. В первый раз. Эта девушка сейчас — моя жена. Есть у меня один сын, уже ходит в школу. Но знаете, что странно: я неожиданно выяснил, что и он при письме делает ту же ошибку, которую когда-то делал я. «Стеклянный» пишет с одним «н», а «серебряный»— с двумя. Извините, пожалуйста,— сказал он и нагнулся завязать шнурки на ботинках.— Терпеть не могу шелковые шнурки, вечно развязываются. Каждое утро решаю купить другие, а потом, все равно, забываю. Вот посмотрите, даже мет-

ку на руке сделал для памяти, но уверен, что все равно опять забуду.

— Продолжайте дальше, пожалуйста,— попросила Лили.

— По специальности я инженер, работаю в нефтяной промышленности. Оклад у меня высокий, удается даже откладывать некоторую сумму. Летом, наверно, поедем с женою и сыном на берег моря. Я хочу, чтобы мой сын научился плавать. Мне кажется, что это очень нужная вещь. Может быть, потому, что сам я не умею плавать. И вообще я хочу, чтобы он занимался спортом. Я, например, в университете был отличным баскетболистом. А сын пошел не в меня. Марки собирает.

— Дальше?— с нетерпением спросила Лили.

— Дома, откровенно говоря, случаются у меня временами стычки с женой, ну да в каком доме без этого обходится? Важно, что оба мы не злопамятные, скоро все забываем. Надо сказать, что у нее нет особых поводов быть мною недовольной. Утром ухожу на работу, после работы сразу возвращаюсь домой, обедаем всей семьей, потом я немножко отдыхаю, потом смотрю телевизор или же проверяю уроки сына, потом ложимся спать. Я не курю и не пью. Чем же ей быть недовольной? Правда, я как и все, тоже имею свои слабости. Я не люблю жирного мяса. Не люблю супа. Но жена уже привыкла. Она уже не говорит, что жидкая пища полезна. По воскресеньям мы обедаем в ресторане, а после идем в кино. Самое главное — мне обещали повышение по службе. Поверьте, что меня привлекает отнюдь не должность, а то, что мне при этом повысят жалованье.

— Дальше? Дальше?

— Дальше? Что же дальше?— Он улыбнулся по-маль-

чически озорной улыбкой и достал из кармана третьи часы.— О, извините, уже семь часов, мне пора на работу.

И торопливым шагом направился к выходу.

— Не забудьте купить шнурки!— крикнула вдогонку ему Лили.

Лили отворила маленькую дверь в углу зала, переступила через порог и очутилась в каком-то темном помещении.

Она сделала несколько осторожных шагов; глаза ее уже немного привыкли к темноте, и она разглядела, что находится в очередном огромном зале, который почему-то совершенно пуст. Потом она уловила чей-то слабый стон, доносящийся из темной глубины зала. Она медленно и несмело двинулась дальше и увидела — на полу лежит женщина. Лицо у женщины было залито потом. Тело ее корчилось в ужасных муках, и было странно, глядя на эти страшные корчи, слышать только слабый, очень слабый стон. Лили стояла в растерянности, не зная, что делать. И вдруг женщина закричала. Закричала и Лили. И по всему залу прокатился крик двоих людей. Потом — еще одного человека. Очень маленького человека, который только что родился. Потом стало тихо.

— Ты родился, мой сын,— раздался голос женщины, словно напевающий колыбельную.— Ты снова родился... Уже в который раз! Я хочу, чтобы ты вырос красивым и сильным. Чтобы ты был счастливым... любил плохие книги... и дешевенькие песни...Чтобы ты был сентиментальным... Это тебя спасет. Ты родился... Снова родился уже в который раз!

Женщина, едва живая от недавних мук, поднялась на ноги, крепко прижала к груди ребенка и двинулась

к двери медленным, неувереиным еще шагом. А за спиной у нее, из расступившегося пола, выскочили какие-то людские головы не то маски и посыпали бесконечной скороговоркой:

— Имя, имя, имя, имя...

...Дверь закрылась. Лили осталась одна.

И независимо от себя она вдруг снова закричала на весь этот пустынный и темный зал:

— А-а-а-а-а-а-а-а!..

— Лили Юджин,— сделал ей замечание громкоговоритель,— прошу вас разговаривать обычным голосом, не слишком громко и не слишком тихо.

— А-а-а-а-а-а-а-а!..

Запыхавшись, прибежали Боб и Джо, которые давно уже ее разыскивали.

— Ты нас обоих обманула. Ты никого из нас не любишь.

— Нет, нет, люблю.

— Кого?

— Скажи, кого?

— Дома скажу... Дома, дома, дома...

— Я знаю, ты любишь меня,— сказал Боб.

— Я знаю, ты любишь меня,— сказал Джо.

— Дома, дома, дома...

При этих словах беззвучно обрушилась одна из стен.

Они переглянулись друг с другом, ошеломленные этой странностью.

Потом все трое рассмеялись.

От громкого смеха начали обваливаться и остальные стены.

Все рушилось медленно, легко, бесшумно.

— Вот почему у них всюду было написано: «Не прикасаться». Вот почему у них запрещалось говорить громко.

— Вы хотите снова разрушить наш город!— оглушительно прокричал громкоговоритель.— Вы хотите бросить нас на произвол судьбы!— Потом умоляюще обратился к Бобу:— Не возвращайся, Боб... Останься у нас. Ведь ты же занят только и только собой... Ведь ты же не можешь забыть себя... Ты не знаешь, как жить... Ты бесплоден...

И тот же громкоговоритель сделал самому себе замечание:

— Прошу разговаривать обычным голосом, не слишком тихо и не слишком громко.

Направляясь к выходу из музея, они прошли через те же залы.

Среди руин стояли растерянные люди, те самые, которые разыгрывали для посетителей различные сцены из человеческой жизни. И поскольку они не умели делать ничего, кроме того, что делали до сих пор, то и теперь, среди руин, они продолжали повторять заученные слова. Только на этот раз они говорили уже все вместе, без всякой очереди, перебивая друг друга, и ничего невозможно было понять.

— Ну, сядем обедать... Я что-то хотел сказать... Мои глаза не видят... Останешься у меня ночью?... Дома будут беспокоиться... Знаю, знаю... 2803... Что это... 2803 раза я ела этот суп... Мои руки не двигаются... Я что-то хотел сказать... Надо уехать туда... Куда?.. Туда... А-а, туда!.. Там все хорошо... Не хорошо, а иначе...

Глава 24

Открытое письмо Гюнтера Андерса Вильгельму Иксу, главному врачу и главному прокурору при дворце. (Документ)

Не так давно я имел честь узнать, что, ссылаясь на мое письмо, обращенное к Бонапарту, вы устанавливаете у меня «дрейфусовский комплекс».

«Мы не надеемся,— заявляете вы,— что нам удастся переделать людей, пораженных «дрейфусовским комплексом», тем более, если они находятся на расстоянии сотен миль от нас».

Почему «комплекс»?

Сократ чувствовал себя призванным открывать молодежи правду? Глупости. Просто-напросто воспитательский комплекс.

Гегель бился над универсальным принципом истории? Глупости. Просто-напросто систематизаторский комплекс.

Врачи пытаются лечить больных? Глупости. Просто-напросто здравоохранительный комплекс.

Люди испытывают голод? Глупости. Просто-напросто хлебный комплекс.

Изерли пытается раскаяться в уничтожении Хиросимы? Глупости. Просто-напросто комплекс виновности.

Андерс пытается помочь Изерли? Глупости. Просто-напросто дрейфусовский комплекс.

Право же, превосходный метод — это «просто-напросто комплекс». С помощью этого метода удается:

1) лишить сложности, комплексности любой вопрос;

2) убедить окружающих, что цели, к которым стремятся жертвы ваших диагнозов, ничего не стоят;

3) выставить на посмешище тех, кто эти цели преследует.

С совершенным почтением

Гюнтер Андерс.

Эпилог

Я возвращаюсь на землю. Возвращаюсь в двадцатый век. Со мною моя жена.

Доктор не нарушил своего слова. В знак протеста он остался на улице Шести Деревьев. Он счастлив, потому что не узнал правды. Он смог сохранить свой идеал.

Мы поселимся в каком-нибудь маленьком городе, на самом его краю. И все там будут говорить про меня как про жителя дома на окраине.

Мы будем работать и зарабатывать наш хлеб насущный.

Мы будем обрабатывать свой огород и выращивать помидоры, картофель и тыкву.

По воскресным дням мы будем отдыхать. Будем просыпаться в десять часов утра. Будем ходить в кино и досыта там смеяться.

Вот уже показался круглый шар, который я вижу в последний раз.

Сейчас тот единственно ясный миг, когда я твердо знаю, что буду делать.

Я, Клод Роберт Изерли, обещаю забыть себя и освободиться от себя.

Я, Клод Роберт Изерли, обещаю впредь не заниматься только самим собой и помнить, что все находится вне меня.

Я, Клод Роберт Изерли, обещаю даже самую огромную трагедию не делать своей собственностью, чтобы от этого она не перестала существовать.

Я, Клод Роберт Изерли, обещаю отныне принадлежать миру, чтобы и мир в свою очередь принадлежал мне.

Я, Клод Роберт Изерли, обещаю хоть что-нибудь дать миру, обещаю посвятить свою жизнь людям.

На противоположной стене кабины—зеркало. Я с интересом разглядываю себя. Седеющие волосы. Утомленное лицо. На лбу и в уголках рта — морщины. Нетвердый, рассеянный взгляд. Мутный и тяжелый. В глазах — страх и растерянность. Небрит. Даже по такому торжественному случаю. Наверное, поленился.

Я не принимаю всерьез этого человека, я не верю ему. В глубине души я посмеиваюсь над ним и продолжаю:

Я преодолею себя. Ведь я же еще молод, мне всего-навсего тридцать лет.

Я разделюсь. Я распадусь надвое. Я стану—два человека. Один — внутри меня, другой — вовне.

Гамлет и Дон-Кихот.

О РОМАНЕ ПЕРЧА ЗЕЙТУНЦЯНА

Герой романа Перча Зейтунцяна «Легенда XX века» — американский летчик Клод Роберт Изерли. Это имя навсегда вошло не только в летопись второй мировой войны, но и в историю нравственных проблем и исканий середины XX столетия. «Я тот майор,— писал Изерли о себе,— который отдал команду бросить бомбу на Хиросиму... я не сумел забыть этого поступка, причиняющего мне жестокие муки, ибо я сознаю свою вину». Осознав свою ответственность за участие в убийстве 200 тысяч человек, Клод Изерли отказался предстать перед народом Америки в облике национального героя, более того, он захотел, чтобы общество признало его вину. Однако оно не могло признать его виновным, «одновременно не признав за собой куда более тяжкой вины». А вина этого «общества» заключалась в том, что оно превратило человека в машину, в придаток машины, винтик и заставило его совершить чудовищное преступление, не разъяснив ему ни сути, ни последствий этого акта. Следовательно, истинным убийцей было «общество», а не двадцатишестилетний летчик специальной авиагруппы 509 Клод Роберт Изерли.

Но «общество» никогда не признало бы это и, чтобы скрыть правду, оно объявило Изерли сумасшедшим. Поводом к тому послужило поведение самого Клода. Пытаясь привлечь внимание окружающих к му-

чившим его проблемам, добиться признания своей виновности, а значит и какого-то наказания, Клод — уже сознательно — совершает ряд уголовных преступлений: подлоги, кражи со взломом, вооруженные ограбления. Результатом этих действий явилось заключение Изерли в тюрьму, а затем и в госпиталь для душевнобольных. К середине 1960 года, когда переписка Клода с венским философом Гюнтером Андерсом приняла особенно интенсивный характер, Клод провел в тюрьмах и госпиталях почти 8 лет. Несмотря на хлопоты Андерса, его письма к президенту Кеннеди, международной прессе, к судье, разбиравшему дело Изерли, к врачам, лечившим его, несмотря на обращение самого Клода к властям и общественным организациям, он не был освобожден из госпиталя, где содержался в качестве «добровольного» пациента, а фактически узника. Целью военных властей было изолировать Клода от общества, помешать ему предать гласности свои убеждения, помешать его агитации против атомного вооружения.

«Они были бы очень рады заткнуть мне рот»,— писал Изерли. Но правду о Клоде Роберте Изерли им не удалось скрыть. О нем узнали в Америке, в Хиросиме, во всем мире. Этому во многом способствовала переписка Клода с Гюнтером Андерсом, опубликованная отдельным изданием в 1961 году. Переписка эта рисует образ поистине незаурядного человека. Человека, который глубоко осознал значение своего горького опыта для всех людей, для всего человечества, понял всю меру своей ответственности за свои поступки как в прошлом, так и в настоящем и будущем. Вот как он сформулировал свои жизненные принципы в письме к японскому священнику, члену парламента: «...жить, пусть даже самой трудной жизнью,— это величайшее богатство и самое чудесное чудо в мире. Выполнять свой долг — это вторая чудесная вещь. А долг этот состоит в том, чтобы обеспечить людям всех рас — и красным, и белым, и черным, и желтым — жизнь, полную счастья, без страха, без нищеты, без невежества и без рабства... Это мое второе кредо. Третье мое кредо состоит в том, что жестокость, ненависть, насилие, несправедливость никогда не создадут светлого будущего ни в духовном, ни в нравственном, ни в материальном отноше-

нии. Единственный путь к светлому будущему — это щедрая творческая любовь, доверие, братство, не только проповедуемые, но и непрестанно осуществляемые...»

Трагическая история Клода Изерли, одного из многих, кто вольно или невольно, непосредственно или косвенно участвовал в убийстве сотен тысяч людей, но единственного, кто признал свою вину и пожелал понести наказание, не раз привлекала внимание писателей, публицистов, социологов всего мира. Она послужила и основой романа молодого армянского писателя Перча Зейтунцяна.

Этот роман не исторический и не документальный, хотя в нем использованы исторические факты и подлинные документы. Факты и документы явились материалом для создания легенды о человеке, который «однажды сработал как автомат, но, в отличие от других, остался или, вернее, вновь сделался человеком». Роман Зейтунцяна откровенно условен по форме. В нем органично сосуществуют планы реальный, фантастический, отвлеченно-условный и действуют рядом персонажи различной эстетической природы — вполне реальные люди (Клод, его отец, Лили) и абстрактные символы (Бонапарт, Вильгельм Икс, отцы атомной и водородной бомб). Читателю, чтобы понять содержание романа, надо проникнуться ее атмосферой, уловить ее ироническую интонацию, разглядеть за отвлеченностью персонажей и, казалось бы, абсурдностью ситуаций их подлинный, серьезный и важный смысл.

Нелегок и непрост путь Клода — от национального героя до отщепенца, осужденного на вечное изгнание, путь от осознания своей страшной вины до глубокого понимания своей жизненной цели. Прослеживая этот путь, надо помнить, что автор не стремился создать точную картину жизни современной Америки и что рассказывает он не о реальном, исторически существующем Клоде Изерли. Примеры американской действительности, ее общая атмосфера помогают создать достоверный фон, а события из жизни реального Клода—лишь та схема, тот каркас, который составил сюжетную основу произведения.

В «Легенде» Зейтунцян рассказывает о судьбе «человека в эпоху

техники», о судьбе личности в обществе, где люди обезличены до полной утраты индивидуальности, а роботы усовершенствованы до того, что перенимают человеческие пороки и неотличимы от людей, в обществе, где преследуют за образ мыслей, где прогресс техники и науки привел к полному упадку нравственности, где фарисейство, демагогия, ложь стали нормой поведения и для членов высокого суда, и для представителей экспериментального общества «Семья», и для девушек из публичного дома — везде царствует тот же дух мнимого благоприличия, лицемерия и конформизма. И на планете Тюнитос, куда выселяют Боба, и в «музее Хиросима», который видится ему в кошмарных снах,— тот же мир, те же люди. Стандартизированные, лишенные всякого чувства отношения, нелепые законы, цинизм, приспособленчество, низменный практицизм, люди утратившие духовность, низведенные до уровня автоматов... И среди всего этого Боб, мучительно ищущий выхода, стремящийся понять — как жить? Как жить после всего, что случилось? Как искупить свою вину перед жертвами Хиросимы, перед всем человечеством?

О поисках Клодом истины, о преодолении им внутренней изоляции, на которую он себя обрек, о его возвращении к людям рассказывает вторая половина романа. Во второй половине, в той, где действие происходит на планете Тюнитос, условность формы, избранной Зейтунцином, выступает более явственно. Если придерживаться фактов биографии реального Клода, Тюнитос — это госпиталь для душевнобольных, но в системе образов «Легенды» он символизирует еще и душевное одиночество Клода, его отъединенность от мира. В конце концов Клод покидает Тюнитос, то есть находит в себе силы вновь вернуться к людям, чтобы выполнять свой долг.

Читая роман Перча Зейтунцина, не надо забывать о двух ее планах — реальном и условном. Но «Легенда» — не плоская аллегория: в условном мире, созданном воображением автора, даже персонажи, олицетворяющие какую-либо отвлеченную идею, наделены чертами живых, реальных людей и в житейских ситуациях ведут себя как самые обыкновенные люди. Иллюстрирующих примеров, думается, при-

водить не надо — внимательный читатель сам заметит и оценит умение Зейтунцяна владеть психологической деталью, применить ее к месту, отчего изображенная им жизнь обретает доподлинность, а выраженная идея — убедительность.

Идея романа Перча Зейтунцяна не однозначна, поэтому ее трудно уместить в точную формулировку. «Легенда XX века» принадлежит к тем произведениям, которые требуют не эмоционального сопереживания, а соучастия мысли, ее активной ассоциативной работы. И в этом одно из достоинств романа. Главное же его достоинство в том, что он ставит важнейшую нравственную проблему современности — проблему личной ответственности каждого человека за свои действия, и не только индивидуальные, но и совершаемые совместно с другими, о свободе совести, о сознательном выборе нравственного решения.

С. ГУЛЛАКЯН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Перч Арменакович Зейтунцян

Легенда XX века

В оформлении использована работа скульптора
А. Чакмакчяна «Хиросима».

Редактор И. В. Карумян
Художник В. А. Мандакуни
Худож. · редактор Ан. В. Гаспарян
Техн. редактор О. С. Паникян
Контрольный корректор Р. Т. Мальцева

Сдано в производство 27/III 1969 г. Подписано к печати 3/XI 1969 г. Печ. 7,0 л.=9,8 усл. печ. л. Уч.-изд. 9,7 л.
Бумага полиграфическая № 2, 70×108[1]/32.
Заказ 491. Тираж 50000. Цена 35 к.

Издательство «Айастан», Ереван—9, ул. Теряна, 91.

Полиграфкомбинат им. Акопа Мегапарта Главного управления полиграфической промышленности Госкомитета по печати Совета Министров Армянской ССР, Ереван, ул. Теряна, 91.

„АЙАСТАН"